

Усвятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №14 апрель 2017 года

**27 мая 2017 года
стартует обратный
отсчёт до юбилея
Новокузнецка –
останется ровно
400 дней
до празднования
400-летия города**

Учредитель и издатель: ООО Редакция «Литературно-художественной газеты альманах «Усвятская россыпь».

Свидетельство о регистрации «ПИ ФС 12-1286», выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Адрес редакции: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом — 56.

Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом — 56.

Директор/гл. редактор: Гуляев А.Н. (м.т.: 8 906 987 1955).

Технический редактор: Танкова Л.А.

Корректура: Деевой Н.Ф. и авторов

Время сдачи в печать 21.04.2017 г.: по графику — 14.00; фактически — 14.00.

Дата выхода 29. 04. 2017 г.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселёвск». Адрес типографии: 652070, Кемеровская область, г. Киселёвск, ул. Унжакова, 14.

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Объём 14.0 п.л.; Заказ № 416; Тираж 1000 экз.

Цена договорная.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

+12

1 - Анатолий Гуляев: - «Как всё начиналось» - публицистика, стр. 2-5;

2 - Иван Кожемяко: «Мгновения дивных встреч» - проза, стр. 6-12;

3 - Николай Нагорнов: «Связуя судьбы в добрый час!» - стихи, стр. 13;

4 - Дамир Ибрагимов: «Во все стороны свет расплескался...» - стихи, стр. 14 - 15;

5 - Людмила Иванова-Выгловская: «Слёзы в подушку» - проза, стр. 16-17;

6 - Т. Черникова: «История моей семьи в истории страны» - публицистика, стр. 18-19;

7 - Ю.Титова: «Женщины моего рода» - публицистика, стр. 19;

8 - Дина Нагорнова-Сабынина: стихи, стр. 20;

9 - Людмила Лукьянцева: «Возмездие» - проза, стр. 21-24;

10 - Сергей Пряхин: «Эх, душа!» - стихи, стр. 24;

11 - Юрий Проскоков: «Медведь с белой отметиной» - проза, стр. 25;

12 - Анна Лист: «Колготки»; «Укротитель» - проза, стр. 26-27;

13 - Александр Васюнов: «Живи вопреки всем!» - проза, стр. 28-30;

15 - Анатолий Гуляев: «Твоя история, человек!» - публицистика, стр. 31-35;

16 - Григорий Афанасьев: «Чего достиг я в этом мире?» - стихи, стр. 36;

17 - Евгения Шкаева: «Малиновые зори» - стихи, стр. 37;

18 - Николай Миронов, Александр Кремнев: «Запоют, как флейты, птицы» - стихи, стр. 38-39;

19 - Людмила Танкова: - «Сказка - ложь? Иль в ней намёк...» - сказки, стр. 40-41;

20 - Эль Куда Архив: - «Это моя сказка!», «Сын шейха» - фантастика, стр. 42-44;

18 - Дмитрий Семёнов: «Сушность» - фантастика, стр. 45;

19 - Сергей Загнухин: «Баба Юля», «Невеста Кутха» - проза, стр. 46-48;

20 - Никоновские чтения - «И стала школа для меня искомым центром мироздания...» - публицистика, стр. 49;

21 - Литобъединение ЛиTERRA - «И один в поле воин...» - публицистика, стр. 50-52;

22 - Светлана Ошуркова: «Храните мир в своей душе» - стихи, стр. 53;

23 - Татьяна Гарбузова: стихи, стр. 54;

24 - «Литературный калейдоскоп» - публицистика, стр. 55-56.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Как всё начиналось

К юбилею газеты «Усятская Россыпь»

Когда я учился в школе, то не думал о том, что когда-нибудь стану писателем, поскольку никогда не чувствовал тяги к литературному творчеству или потребности в этом.

После окончания школы я поступил в военное училище, и тоска по прошлому начала давить на меня с неимоверной силой. Это и заставило взять ручку и лист бумаги. Начал писать письма всем родственникам, друзьям, знакомым, подруге, с которой нас связывала двухгодичная хорошая дружба. Как только выдавалась немного свободного времени, я садился за очередное письмо.

Каждый день писал письма, и не по одному. Этим я занимал всё свободное время и сглаживал постоянную тоску по всему, оставленному в прошлой жизни.

Писали письма многие мои коллеги-курсанты. Особенно в первый год нашей учёбы, когда неокрепшие ещё наши души, по своей сути совсем ещё мальчишеские, сильно тосковали по прошлой жизни.

Годом позднее, съездив к себе домой на месячные летние каникулы, мы начали привыкать к ритму армейской жизни и втягиваться в свою будущую профессию. Тоска из наших душ постепенно ушла. Поубавилось и число писем, отправляемых нами к прежним адресатам и приходящих к нам. Но нас это уже не волновало так, как в первый год учёбы.

Писем отправлял я меньше, но при этом качество их повышалось. В них начали появляться первые поздравления в стихотворной форме и прочие рифмуемые мысли.

Постепенно это стало нормой жизни и, учась ещё в училище, я начал выдавать «нагора» уже «шедевры», состоявшие из различных эпизодов нашей жизни.

К примеру, однажды находясь в бодрствующей смене караула (на городском аэродроме, при охране прилетевших туда для училища двух самолётов Бе-12), я на одном дыхании написал шуточное стихотворение о нашем карауле, в котором был «охарактеризован» каждый член нашего курсантского караула. Стихотворение я написал шариковой ручкой на деревянной стене караульного помещения, и состояло оно не менее чем из десятка четверостиший.

Немногом позднее, в том числе и о моём стихотворении (как об отрицательном явлении, поскольку курсанты своими виршами и прочими литературными изысками исписали все стены деревянного домика, выделенного для размещения в нём временного караула), упоминал на общем построении заместитель начальника училища полковник Киселёв (наша «гроза»). Думали, что кто-то из «ярко» выраженных авторов будет наказан. Но никаких последствий за строгими словами нашего грозного полковника не последовало. Если не считать того, что заставили закрасить литературные начинания масляной краской.

Вот так, потихоньку, понемногу и незаметно вошла литература в мою жизнь и, наверное, навсегда.

В военном авиационно-техническом училище я получил специальность военного авиационного техника (позднее, инженера) по наземной эксплуатации самолётов и авиационных двигателей, чем и занимался двадцать два года воинской службы (не считая трёх лет учёбы).

В военном училище и первые девять лет службы, когда я являлся непосредствен-

ным исполнителем конкретных технических работ на самолётах, литературные «дела» являлись для меня безделушкой. Но когда я начал работать военным авиационным инженером, то понял, что новая работа тесно завязана и с литературно-творческими началами, поскольку постоянно приходилось описывать всё то, что происходило в служебной, практической деятельности на военном аэродроме.

Первоначальные литературные навыки мнегодились. Правда, пришлось «переквалифицироваться» из поэтов в прозаики, естественно, с техническим уклоном.

Немногом позднее как-то непроизвольно пришла в голову мысль: а не попробовать ли мне написать что-нибудь в художественном жанре? Попробовал, дал прочитать товарищам и коллегам. Вроде получилось!

Потом ещё, ещё и ещё... Начинать писать в лёгком военно-приключенческом жанре. Первым рассказом на любовную тему стал рассказ «Нюркина любовь», наброски которого были сделаны в первой половине 1980-х годов.

С этого рассказа я начал заниматься литературно-творческой деятельностью уже более серьёзно. В 1983 году попытался поступить на заочное отделение в Московский литературный институт имени А.М. Горького, правда, по жанру поэзии. С моими доводами согласились даже мои командиры. Но, к великому моему сожалению, отправленные произведения не прошли творческого отбора.

Поступать в литературный институт больше я не пытался, но занятий литературой не бросил. За годы службы в армии набросков и зарисовок у меня накопилось много. Публиковать работы я не решался. То, что было написано, до поры до времени хранилось в записях и в голове.

После увольнения из армии в 1994 году я переехал на свою малую родину в Кузбасс (Прокопьевск и Новокузнецк). В конце 1990-х годов меня захватил водоворот политических событий, происходивших по всей стране, в Кузбассе в том числе. Активно включился в общественно-политическую работу в родном Прокопьевске (в работу областного Общественно-политического движения «Народовластие») в составе городской партийной организации КПРФ (поскольку являлся коммунистом). В апреле 1997 года, после избрания Голубева Е.А. главой Прокопьевска, меня избрали первым секретарём Прокопьевского ГК КПРФ. После этого я начал «раскручивать» вопрос о создании городской партийной организации своего печатного органа (газеты).

29 июля 1997 года в «Шахтёрской правде» в рубрике «Политический портрет» была опубликована статья Валерия Токарева «У нас всё получится» с моей фотографией. В статье было сказано, что «...Первый секретарь коммунистической организации города занимается не только политической, но и литературной деятельностью». А незадолго до этого в газете было впервые опубликовано моё стихотворение,

и этой публикации я был рад. Завершил свою статью журналист газеты словами «Коммунист, пишущий стихи... Это всё-таки обнадёживает...»

К началу 1998 года вопрос о создании газеты «Народовластие» был решён положительно, решением Пленума ГК КПРФ меня назначили главным редактором газеты.

Решение — решением, но производством газеты я никогда не занимался и вообще не имел никакого представления о свалившемся на меня новом деле.

— Ничего страшного, поможем, найдём знающих помощников! — в один голос ответили члены горкома.

Определили в редакцию главного моего помощника, ответственного секретаря Санпронову Надежду Лаврентьевну, много лет отработавшую и журналистом, и редактором различных городских многотиражных газет.

Надежда Лаврентьевна пригласила в редакцию журналиста Ерофеевского Валентина Васильевича. За машинописный набор материалов для газеты вначале на печатной машинке, затем на компьютере взялась недавняя комсомольская активистка города и работница горкома ВЛКСМ Лосева Ольга Альбертовна.

Редакция газеты «Народовластие»

26 марта 1998 года первый номер еженедельной общественно-политической городской газеты «Народовластие» увидел свет на четырёх газетных полосах. Одну из полос занимала в газете телепрограмма двух общероссийских телевизионных программ и городского телевидения.

И хотя газета состояла только из материалов, перепечатанных из других источников, а в выходных данных стояла только моя фамилия, радость у нас была общая. Это была первая и маленькая наша победа.

2 апреля 1998 года вышел второй номер газеты, в котором появилась на полполосы статья Прасолова Ивана Андреевича «Что делать?». Иван Андреевич, в прошлом горный инженер, отлично владел пером, мыслью и словом политолога. Сотрудничество с Прасоловым И.А. и настоящая дружба с ним у редакции газеты продлилась на многие годы.

Теперь почти каждый номер газеты выходил с материалами, написанными Иваном Андреевичем. И каждая его статья несла в себе новую, неповторяемую мысль, своевременную, злободневную тему и воспринималась читателями положительно.

С первых же номеров «Народовластия» начали публиковаться и мои небольшие заметки и статьи.

В скором времени влился в работу редакции совсем ещё молодой тогда Евгений Нигматзянов.

Следом за Женей пришёл и предложил помощь Валерий Николаевич Гринев, бывший политработник, полковник, за плечами которого была военно-политическая академия имени В.И. Ленина и более 25 лет армейской службы. Валерий Николаевич стал заместителем главного редактора газеты «Народовластие».

Активно включился в работу редакции Грохов Анатолий Иванович (председатель городского совета ветеранов), в прошлом работавший главным редактором и заместителем главного редактора различных общественно-политических газет городского и областного уровня. Анатолий Иванович Грохов тут же взял шефство надо мной. От него я получал исчерпывающие ответы и советы на все вопросы.

Активно работал и оказывал значительную помощь Геннадий Дмитриевич Мамонтов, известный школьный учитель Прокопьевска, раньше он был директором одной из городских школ. Активное участие в работе редакции принимал Савилов Виктор Иванович, в прошлом один из секретарей партийных райкомов, работник администрации города.

Первые номера газеты редакция выпускала тиражом менее одной тысячи экземпляров, в скором времени тираж превысил тысячу экземпляров, затем и две тысячи, а 11-й номер вышел уже тиражом 3000 экземпляров.

Ответственность за реализацию выпускаемой редакцией печатной продукции и распространение газеты по городу взяла на себя городская партийная организация КПРФ, которая хорошо справлялась с поставленной задачей, без каких-либо оговорок и проволочек. В четверг редакция получала газету из городской типографии. А в пятницу лишних газет в редакции не оставалось: активисты парторганизации весь тираж разносили по городу, по её читателям.

При тираже 3000-3500 экземпляров газета стала почти рентабельной и совсем немного не дотягивала до полного покрытия своих расходов за счёт своих же оборотных средств. Дефицит бюджета редакции покрывала городская парторганизация из фондов партийных взносов. В отдельные месяцы, когда в городе, области или в стране проводились выборы, то за счёт рекламной деятельности редакция получала и прибыль.

При этом из своих оборотных средств редакция выплачивала небольшой гонорар техническим работникам и ведущим журналистам.

Из прибыли газеты в феврале 2000 года трёхтысячным тиражом было выпущено на восьми полосах литературно-художественное приложение к газете «Народовластие» — «Литературный Прокопьевск». В него вошли литературно-художественные произведения сотрудников редакции: Грохова А.И., Нигматзянова Е.З. и мои.

За первый выпуск «Литературного Прокопьевска» взялась Ерофесенко В.В., ответственным секретарём стала главная наша волшебница Сапронова Н.Л.

Но общественность города и литературные круги совершенно никак не прореагировали на выпуск «Литературного Прокопьевска». И первый его выпуск стал последним и единственным.

Свои литературно-художественные произведения я публиковал и непосредственно в газете «Народовластие», поскольку считал, что газета, состоящая только лишь из заметок и статей политической направленности, читателям неинтересна. С чем не соглашались мои старшие партийные товарищи.

В редакции газеты и в горкоме КПРФ я работал на общественных началах. В 1999 году по семейным обстоятельствам вынужден был устроиться на работу на КМК, в Новокузнецке, вначале в СПЦ-1, затем перевёлся в рельсобалочный цех. При этом продолжал исполнять и общественно-политическую работу в ГК КПРФ и редакции газеты «Народовластие».

В 2001 году у меня возникли разногласия по деятельности ГК КПРФ. Я написал заявление о добровольном сложении с себя всех партийных-общественных обязанностей и нагрузок и уволился из горкома КПРФ и из созданной мной редакции газеты «Народовластие».

Я решился на публикацию своих рассказов и очерков в новокузнецких городских газетах «Металлург» и «Губернские ведомости». Не скажу, что ставили всё, что я передавал, но многое. Особенно охотно публиковались мои художественные рассказы в «Губернских ведомостях» в объёмах от четвертьполосных до полнополосных.

Газеты эти распространялись на КМК, где я работал. Там же получал я и многочисленные положительные отзывы от своих читателей.

Несмотря на кажущийся со стороны успех, в скором времени, после начала активного моего сотрудничества с названными городскими газетами, получать моральное удовлетворение от публикации в газетах своих рассказов я перестал. Поскольку все газеты, без исключения (в том

числе и возглавляемая мной когда-то газета «Народовластие»), размещая любой из рассказов на выделенных ими газетных площадях, урезали его содержание, подгоняя под величину выделенной площади газетной полосы.

Во второй половине 2006 года, опять же в силу сложившихся семейных обстоятельств, я вновь вынужден был рассчитаться со своей работой, теперь уже и с КМК. Просидев дома несколько месяцев без активной трудовой деятельности, наконец-таки решил заняться организацией и созданием давно задуманной литературно-художественной газеты — альманаха. По типу любимого мной когда-то литературно-художественного журнала «Роман-газета», только в газетном варианте. Поскольку знал, что это и самый дешёвый вариант с точки зрения вложения в него финансовых средств, требующихся на его создание.

О финансовых средствах заговорил не зря, поскольку на создание и регистрацию редакции газеты, хотя бы на начальный вы-

пуск, требовались финансы... А откуда они у сидящего дома пенсионера (пусть и военного), на руках у которого ещё и семья? «Почесав» затылок, решил, что необходимо взять кредит в сберегательном банке. Пошёл в главный офис Новокузнецкого отделения сберегательного банка (несколько по прописке значился жителем Новокузнецка) и не без трудностей, с привлечением двух поручителей, получил-таки на неотложные нужды кредит в размере 50 тысяч рублей под проценты, которыми наши банки «одаряют» своих клиентов.

Полученными деньгами я тут же оплатил услуги коммерческой фирмы, занимавшейся делами открытия и закрытия различных частных предприятий, оплатил все необходимые государственные пошлины и прочие оплаты, осуществляемые физическими лицами в таких случаях. 27 декабря 2006 года были подписаны и выданы мне на руки в Прокопьевском городском отделении налоговой инспекции РФ «СВИДЕТЕЛЬСТВА» о государственной регистрации юридического лица и о постановке на учёт в налоговом органе по месту нахождения на территории Российской Федерации.

Через несколько дней на встречу наставшего Нового 2007 года ко мне домой пришли старшие мои сёстры — Любовь Николаевна и Зоя Николаевна, и ещё до встречи Нового года я возьми, да поделись с ними своей радостью, что получил в Сбербанке кредит, зарегистрировал и получил «Свидетельство» об открытии редакции газеты.

Поскольку все организационно-учредительные работы я сделал почему-то «втайне» от своих сестёр, то моё сообщение прозвучало для них как гром среди ясного неба. Обе впали в истерику, заплакали, выговаривая мне сквозь слёзы: «Что же ты делаешь? Не работаешь, а кредит взял! Как же ты будешь рассчитываться с ним? Кому она нужна, эта твоя редакция и газета вместе с ней, публиковался да публиковался бы в городских газетах!

Вначале я опешил от такой реакции сестёр, на своё, как думалось, радостное сообщение. Потом рассердился на них и начал ругаться, что они не понимают, казалось бы, элементарного — того, что меня не устраивают такие малюсенькие и урезанные мои рассказы в различных городских газетах.

Сказал им, что у меня много уже написанного и всё это нужно опубликовать, а как я это сделаю при таких темпах?

В общем, так, со слезами и руганью, мы и встретили Новый год!

12 февраля 2007 года было подписано в соответствующем органе в Новосибирске и выдано мне на руки «СВИДЕТЕЛЬСТВО» о регистрации средства массовой информации (так называемая, лицензия, на право выпуска печатных СМИ).

Перед тем как начать составлять учредительные документы на газету, я не один день и не одну ночь думал и размышлял над её названием. «Как корабль назовёшь, так он и плавать будет...», не раз вспоминалось мне тогда широко известное изречение одного из сказочных персонажей.

«Литературный Прокопьевск» — так вначале хотел я назвать свою новую газету. Но как-то не лежала моя душа к такому названию литературной газеты, возможно, от того, что название ограничивалось рамками одного города, хотя и родного мне, но в котором, как я понял из своего прежнего опыта, литературная деятельность не в чести. После некоторых раздумий, окончательно отказавшись от первоначально придуманного названия, прокручивал в голове и другие варианты названий. Но и они как-то не вызвали во мне восторга.

«Усятская россыпь», так я хотел назвать

когда-нибудь выпущенную свою первую книгу рассказов усятско-прокопьевской направленности.

«Усятская» — во-первых, потому, что Усыты — моя родина, там я родился, вырос, живу. Во-вторых, потому что там родилось и большинство моих рассказов, посвящённых им же.

«Россыпь» — это слово вошло в мою плоть ещё в детстве с песнями любимого мной Владимира Высоцкого, который говорил в своих песнях о своих же песнях и стихах: «Ах, вы, россыпи мои, серебряные! Золотые мои, россыпи!»

«Усятская россыпь» — наверное, это моя «россыпь», хорошая она или нет, покажет время», — подумалось мне тогда, отчего на этом названии я и остановил свой выбор.

Главным и единственным моим компаньоном в деле создания и организации начального периода функционирования ре-

дакции региональной литературно-художественной газеты альманаха «Усятская россыпь» был художник-оформитель рельсобалочного цеха КМК Головачёв Олег Викторович, с которым я познакомился и близко сошёлся, когда ещё работал в рельсобалочном цехе КМК. Наше сотрудничество с ним не прекратилось и после того, когда я рассчитался с КМК. Олег Викторович иллюстрировал все мои рассказы, которые я публиковал и в новокузнецких городских газетах. Также он продолжал своё дело и во вновь создаваемой нами газете, стал моим поручителем для получения кредита в Сбербанке.

Назвав Головачёва О.В. единственным своим помощником в деле организации и регистрации литературно-художественной газеты Альманаха «Усятская россыпь», не могу не упомянуть и ещё одного человека горячо поддерживавшего мою идею, — Фурсова Александра Антоновича. Который, как и Головачёв О.В., работал на КМК художником-оформителем, но в мартеновском цехе.

Александр Антонович, известный в Новокузнецке поэт и литератор, с большим энтузиазмом воспринял идею создания литературно-художественной газеты, но незадолго до начала решения мной всех организационно-регистрационных вопросов по газете он неожиданно умер.

2 марта 2007 года в типографии ТРК (теле-радио компании) города Кислёвска увидел свет первый номер «Усятской россыпи». В который, вошли:

— шесть моих рассказов и небольшая подборка стихотворений, как представителя города Прокопьевска;

— подборка стихотворений Фурсова А.А., представившего город Новокузнецк;

— подборки стихов поэтов посёлка Старобачаты Беловского района, которыми «снабдила» меня моя сестра Зоя Николаевна: Лилии Сергеевой, Маргариты Юровой и Виктора Коврижных (одного из ведущих кузбасских поэтов, члена Союза писателей России).

Первый номер «Усятской россыпи» вышел на 16 полосах, что по объёму, как минимум, в два раза превышало объём самых «толстых» номеров моей бывшей газеты «Народовластие», тиражом 2000 экземпляров.

Все материалы текстов набирал на компьютере я сам, сам же составлял и макет первого номера, подражая тому, как делала это в своё время в редакции газеты «Народовластие» ответственный секретарь

Сапронова Надежда Лаврентьевна.

А делала она это дело приблизительно так: вначале разложит на своём рабочем столе все «писульки», которые тем или иным путём пришли в редакцию как исходный материал будущего номера газеты. Многое из рассматриваемого ею, кроме как «писульками», действительно, иначе назвать было сложно, поскольку эти «заметки» или «информашки» представляли из себя всего лишь набросок каких-то букв или символов отдельных небольших листочках, вплоть до пустых пачек от сигарет.

Так вот, разложит Надежда Лаврентьевна весь этот собранный информационный «материал» на своём столе и ходит возле него: туда-сюда, то так наклонит голову и постоит в каком-то месте возле своего стола, то — так! Подумает, и ещё походит туда-сюда... А мы смотрим на неё во все глаза как на волшебника, разинув рты.

Потом, заулыбавшись, торжественно произносит: «Ну, всё, номер я вижу!»

Когда мне доводилось присутствовать при подобных процедурах рождения очередного номера газеты «Народовластие», я всегда удивлялся: как в том, что лежало у Надежды Лаврентьевны на столе, можно было увидеть очередной номер газеты? Всё это казалось мне необыкновенным её волшебством или необыкновенными же её фокусами.

Так вот, когда я приступил к составлению макета первого номера «Усятской россыпи», то так же, как и Надежда Лаврентьевна когда-то, разложил весь собранный материал на своём рабочем столе и призадумался... Восклицания «Всё — номер вижу!» из меня не вырвалось. Отчего начал я рассуждать сам с собой: что, куда нужно ставить? И вносил эти свои соображения в макет будущего номера газеты... Так, потихоньку и не спеша, я и занёс всё, что и куда ставить.

Компьютерную вёрстку первого номера альманаха сделал Евгений Нигматзянов, бывший мой коллега и товарищ по работе в газете «Народовластие», работавший теперь верстальщиком в одной из городских рекламных газет.

Вслед за первым номером, немногим более чем через месяц, в мае 2007 года, увидел свет и второй номер «Усятской россыпи», который был выпущен на типографской базе прокопьевской городской газеты «Шахтёрская правда». Объём второго номера Альманаха получился больше предыдущего на один печатный лист и составил двадцать полос. Тираж второго номера газеты «Усятская россыпь» был таким же, как и у предыдущего, — 2000 экземпляров.

«Наборщиком» всех материалов и этого номера всё так же оставался я сам. Корректуру же, поскольку в первом номере было отмечено значительное число ошибок, сделала моя сестра Зоя Николаевна Гулишевская (фамилия по мужу), филолог по образованию.

Макет газеты, теперь уже можно сказать со знанием дела, вновь сделал я сам, а компьютерную вёрстку по моему макету вновь выполнил Евгений Нигматзянов.

Авторский состав второго номера, так же как и его объём и география, несколько увеличился и составил уже десять авторов нескольких городов и посёлков области.

После выхода в свет второго номера «Усятской россыпи» альманах «увидели» не только в Прокопьевске, но и в области:

28 июня 2007 года в областной газете «Шахтёрский край» в рубрике «Дела и люди» был опубликован большой, полнополосный материал «Налосло писать рассказы в стол», автором которого являлся Владимир Пушкарёв.

2 августа в областной газете «Кузбасс» в рубрике «Какие мы» был опубликован полнополосный материал «Полёты в мечтах и наяву» известной в Прокопьевске журналистки Дины Калитиной.

29 августа в областной газете «Кругозор в Кузбассе» в рубрике «Место под солнцем» был напечатан полнополосный материал «В небе и на земле» журналистки нашей газеты Инна Калининой.

25 октября в новокузнецкой городской газете «Кузнецкий рабочий» в рубрике «Увлечённые люди» появилась заметка «Радость жизни за свой счёт», её автором была Татьяна Басаргина.

После выхода в свет второго номера «Устьтской россыпи» и, без преувеличения, солидного её представления в городских и областных печатных СМИ, мне позвонила по телефону доселе не известная мне новокузнецкая Людмила Александровна Танкова, работавшая журналистом в одной из новокузнецких городских промышленных газет и сообщила, что имеет желание сотрудничать с моей газетой.

Встретившись и детально обговорив все вопросы, касающиеся деятельности «Устьтской россыпи», мы наметили планы сотрудничества. Людмила Александровна взяла на себя обязанности сбора публикуемых материалов не только из числа новокузнецких авторов, но и из известных ей авторов со всего южно-кузбасского региона и района. Кроме того, она взяла на себя обязанности и ответственного секретаря «Устьтской россыпи», и её верстальщика.

В мою обязанность вошли вопросы общей организации деятельности редакции газеты и её издания, сбора и представления печатных материалов с Прокопьевско-Киселёвско-Беловского региона и районов.

После выхода в свет второго номера «Устьтской россыпи» в среде известных мне прокопьевских журналистов пошёл слух, мол, тешит своё честолюбие бывший авиационный полковник «великими делами». Но надолго сил ему не хватит, возможно, этими двумя номерами и закончится вся его «великая» затея. Наверняка, он выпустил уже весь свой «пар», поскольку издание газеты — дело не простое, да и не дешёвое, да и публикуемые материалы где-то нужно брать...

И действительно, кредита, взятого в сберегательном банке, мне хватило только лишь на регистрационные дела и выпуск первых двух номеров газеты.

На одну мою пенсию, пусть и военную-полковничью, — и жить моей семье, и гасить израсходованный кредит, и проплачивать выпуски очередных номеров с периодичностью выхода хотя бы одного номера в квартал — дальше у меня явно не получалось.

Планировавшиеся же финансовые поступления на расчётный счёт редакции из оборотных средств (попросту говоря, от реализации выпущенной уже редакцией своей печатной продукции), от спонсорской помощи, в том числе и от литературно-писательской общественности города и области, явно не просматривались.

Да и хоть какой-то ощутимой помощи редакции, хоть от кого, тоже не было. Всё нужно было делать исключительно только самому: и писать, и набирать текст на компьютере, и проплачивать из собственного кармана типографские расходы. А потом, после выпуска тиража, самому же заниматься и реализацией газеты — разносить по киоскам «Союзпечати» городов и всесей... Парторганизации «под рукой» нет, а писательско-литературная общественность совершенно не организована и инертна. Более, чем представить свой материал для публикации в редакцию, ничего больше делать не желающая и ни на что больше не способная...

Поразмыслив в таком «ключе», я пришёл к выводу, что необходимо в срочном порядке устраиваться куда-то на работу, иначе начатому делу — «швах»!

Хотя я не отношу себя к верующим людям, тем не менее, Господь, видимо, сжалился надо мной: один из моих знакомых сообщил мне, что видел по телевизору по

«бегущей строке» объявление, что в аэропорту города Новокузнецка потребовались специалисты моего профиля.

Долго не раздумывая, поехал в отдел кадров аэропорта, заросший за время своей безработицы бородой, как старый дед. Там побеседовали со мной, с бородатым. И, к моему удивлению, сообщили, что согласны принять меня на работу в качестве авиатехника вертолётов Ми-8. С чем, недолго думая, я сразу согласился.

К середине июня того же, 2007 года, я устроился на работу, и после новой учёбы в УТО (учебно-тренировочном отряде) новокузнецкого аэропорта «Толмачёво» с великим удовольствием приступил к исполнению своих новых трудовых обязанностей.

Работая в аэропорту, имея постоянную и стабильную заработную плату, постепенно, незаметно и не особо напрягаясь, в установленные Сбербанком сроки я погасил свой кредит и поднакопил средств для выпуска очередного — третьего номера «Устьтской россыпи».

Поскольку в ранее планировавшийся срок выпуск очередного номера газеты у нас с Людмилой Александровной не получился, то ограничением выпуска очередного номера газеты стал срок, установленный Законом РФ «О СМИ», — не реже одного раза в год.

За год собранной редакцией печатного материала оказалось много, поэтому-то и решили мы с Людмилой Александровной объединить два номера в один. В апреле 2008 года, объединённые в один номер 3-й и 4-й выпуски «Устьтской россыпи», увидели свет в типографии «Полиграфист» Новокузнецкого полиграфкомбината.

Почему именно там — отдельная история. Теперь уже в деталях не помню, как именно такое случилось, помню лишь то, что «пристроилась» к нам тогда каким-то образом новокузнецкая рекламная компания «Астарт» с предложением выпуска нашей газеты на её полиграфической базе. С условием, что мы разместим у себя и их рекламу и, естественно, проплачиваем им типографские расходы, сколько положено. При этом руководитель рекламной компании заверял меня, что его «фирма» выпустит нашу газету на полиграфической базе вроде бы как в Новосибирске, в ОАО «Советская Сибирь».

В общем, сверстала Людмила Танкова «Устьтскую россыпь». Мы тогда и ещё двух рекламодателей себе нашли: Новокузнецкое городское отделение «Сбербанка РФ» согласилось дать нам свою рекламу и новокузнецкая же «Лавка художника». Передали сверстанную газету в электронном виде агентству...

Время идёт, газеты нет, уже и наши обязательные сроки «гореть» начали. Тогда и решил я отказаться от «услуг» «Астарты», но реклама её на предпоследней полосе осталась (одним словом, жулики, они и есть жулики). И так, как была сверстана газета, передал всё уже другой печатной фирме. Думал, что те изменят издателя, поставят своё название, а они выпустили газету так, как она была сверстана нами.

Так и пошёл в жизнь этот номер с тремя «ошибками».

Хотя, в общем, на мой теперешний взгляд, получился тот двосный номер у нас неплохо: на 60 полосах с материалами 30 авторов, в том числе с шестиполосным и несколько сокращённым текстом повести Льва Толстого «Отец Сергей». Эту повесть нашего великого классика решил поставить в Альманах я, сам же готовил к печати и набирал весь её текст.

На мой взгляд же, хорошие рисунки к этому знаменитому повествованию сделал наш художник и компаньон Головачёв О.В.

На первую полосу Людмила Александровна поставила портрет Льва Толстого в крестьянской одежде.

Кроме названного повествования в номере были размещены ещё 24 прозаичес-

ких произведения и 164 стихотворения 29 авторов. Среди которых были 8 ведущих и известных наших областных авторов: Б. Бурмистров, С. Донбай, Д. Мурзин, В. Козлов, В. Зубарев, А. Катков, Л. Никонова и А. Раевский. В номере впервые были представлены произведения будущих, можно сказать, постоянных наших авторов-новокузнецких: Людмилы Танковой, Дмитрия Семёнова и Елены Острых.

Была напечатана подборка стихотворений тогда живого ещё замечательного прокопьевского поэта Виктора Савинкова, выпустившего к тому времени уже 5 своих поэтических сборников, которых (насколько я понимал), никто не «замечал». Мы же опубликовали сразу 25 стихотворений Виктора Ивановича из этих его поэтических сборников, чему он очень был рад и доволен.

Были размещены в этом номере стихи и проза известного уже читателям «Устьтской россыпи» прокончанина, ветерана Великой Отечественной войны Анатолия Ивановича Грохова, моего товарища по работе ещё в газете «Народовластие».

Увидел свет в этом выпуске рассказ «Алексей Михайлович», автором которого являлся неплохой прозаик — прокончанин Владимир Савилов, который, к сожалению, в скором времени после выхода номера умер.

В этом номере были напечатаны также прозаические произведения новокузнецких авторов — Ларисы Клюковой «Не ангелы» и Ив. Лаго (литературный псевдоним) — «Кот в кирзовых сапогах». Которые почему-то в дальнейшем, к сожалению, своих произведений нам больше не предоставляли. Были опубликованы в этом номере сказки для детей Людмилы Танковой (под псевдонимом «Сказки бабушки Дарьюшки»), а также стихи 6 авторов новокузнецкой детской студии «РОСТ», руководителем которой был Александр Раевский: Алины Суворовой, Амина Гасанова, Дарьи Чугуновой, Савды Джавадовой, Татьяны Спиридоновой и Дмитрия Суйканен. А также рассказы-миниатюры новокузнецчанина Бориса Рудаева, в дальнейшем он по каким-то причинам своих произведений нам тоже не предоставлял.

Были опубликованы и мои очередные три рассказа: «Распутница», «Цена доверия», «Туннель Тарубарова» и два стихотворения: «Самый главный» и «Слово о технаре», а также стихи и проза и некоторых других, не названных мной, авторов...

26 сентября 2008 года в областной газете «Кузбасс» в рубрике «Чтения» почти полнополосным материалом была опубликована «Критика и библиография» под общим названием «Россыпи и крепости», автором которой являлся в прокопьевский журналист, ныне выдающий себя за маститого критика — Анатолий Ярмолюк. Он жёстко прошёлся по всем выявленным им у нас недостаткам и «подводным камням», о которых незадолго до этого рассказывал я ему по своей простоте душевной как своему хорошему знакомому:

...«Устьтская россыпь». Задумаемся, прежде чем погрузиться в содержание, над сутью и смыслом этого словосочетания — «Устьтская россыпь». Это, догадываюсь, филолого-топонимическая блажь издателя и редактора альманаха, прокопьевского сочинителя Анатолия Гуляева. Он, Анатолий Гуляев, родился именно в Прокопьевске и именно в той его исторической части, которая некогда именовалась Усыты. И, значит, таким вот образом господин Гуляев решил увековечить в памяти народной свою малую родину. Стремление, конечно, похвальное, однако же Усыты — это, согласимся, всё-таки не Арбат и не улица Дерибасовская, а потому и наименование Альманаха вызывает некое смутное эстетическое неудовольствие и даже — глухое сомнение в ценности самого наполнения альманаха.

Вышло уже четыре номера альманаха. Впрочем, господин Гуляев надеется, что теперь-то выход его детища будет регулярным (как минимум, один раз в полгода), и уверяет, что для этого у него имеются как сугубо литературные, так и финансовые возможности...

...Авторов в альманахе много. Есть здесь и поэты, и прозаики (публицисты и критики отсутствуют). Среди поэтов встречаются имена известные и почтенные, а также имена малоизвестные, а то и вовсе широкому читательскому кругу неизвестные...

Далее критик воздаёт хвалу стихам поэта Бориса Бурмистрова (с которыми он познакомился как любитель поэзии, оказывается, только лишь вот здесь — на страницах «Устьтской россыпи»).

«...Я открыл поэта, чьими стихами, мне кажется, при желании можно даже молиться. И это, сдаётся мне, высшая похвала поэту на Руси, ибо мало на Руси таких поэтов, чьими стихами можно молиться...

...Следующий номер альманаха «Устьтская россыпь», по заверениям издателя, должен выйти в октябре. Господин издатель обещал «учесть все ошибки» и сделать этот грядущий номер «ещё лучше»...

Пятый номер «Устьтской россыпи» увидел свет в феврале 2009 года на 56 полосах.

Номер был посвящён девяностолетию со дня рождения кузбасского поэта Василия Фёдорова, которому в альманахе был посвящён двухполосный материал, были опубликованы и два стихотворения поэта: «Белая роза» и «В наше счастье веры больше нету». Кроме Василия Фёдорова, из классиков в номере была размещена двухполосная же подборка стихотворений Сергея Есенина, проиллюстрированная фотографиями кузбасских фотохудожников. И двухполосный художественный отчёт о поездке на Шукшинские чтения в село Сроетки Алтайского края (25 — 28 июля 2008 года) «Шукшин — не модное явление» новокузнецчаники Виолетты Никулиной, продолженный четырёхполосной публикацией двух рассказов Василия Шукшина «Алёша Бесконвойный» и «Верую!».

Всего же в альманахе опубликованы произведения 28 авторов и трёх литературных клубов. Новокузнецкий клуб «Гренада» представил стихи десяти молодых авторов литобъединения; «Фесковские литераторы», «Зёрнышко» и «Созвездие лиры» дали произведения пятнадцати маленьких авторов.

Прокопьевский литературно-поэтический клуб «Вдохновение» был представлен стихами 13 клубных авторов.

Стихи и прозу ведущих кузбасских авторов представили: Борис Бурмистров, Александр Катков, Любовь Никонова.

Кроме названных ведущих авторов, напечатаны прозаические произведения и стихи Владимира Неупывакина, Сергея Вдовина, Адельи Мачковой, Ирины Первозкиной, Ольги Беккулисовой, Анатолия Гуляева, Светланы Борзуновой, Есиния Бурлакова, Дамира Ибрагимова, Петра Норца, Людмилы Танковой, Татьяны Мотовиловой, Дмитрия Семёнова, Натальи Еремеевой, Виктора Шуренкова, Людмилы Сафоновой, Ольги Ромашки, Евгения Растворова, Евгения Тищенко, Виктора Давыдова, Виолетты Никулиной и Виктора Самойлова.

...4 апреля 2009 года в газете «Сельские зори» Беловского района Кемеровской области на второй полосе в рубрике «Областные новости» была опубликована информация, взятая из материалов пресс-службы АКО (Администрации Кемеровской области):

«Издание литературно-художественного альманаха «Устьтская россыпь» — уникальное хобби авиационного инженера-механика Анатолия Гуляева из Киселёвска.

Сегодня он — свободный издатель. Причём «свободный» означает не только его

свободный выбор — что печатать, а что — нет. Свободен он ещё и в том, что все затраченные средства на издание — из его личного кармана.

Родился Анатолий в Усятах (посёлок в черте Прокопьевска), поступил в военное училище, потом 25 лет служил в ВВС. Дошёл до должности главного инженера Феодосийского лётно-испытательного Центра и ушёл в запас в звании полковника. Писать стихи, прозу начал ещё в военном училище. Специально работал над рифмой, изучал теорию. Пока в армии служил, писал только в «стол». Уйдя со службы, решил заняться изданием литературного альманаха.

Сам он говорит: «Хочу, чтобы все увидели, сколько у нас талантливых людей, чтобы они могли опубликовать свои материалы, чтобы гордились своей землёй». В публикациях никому не отказывает. Человек-романтик, он до сих пор верит, что если звёзды зажигают, значит, что это кому-нибудь нужно. Если человек в своей жизни зажжёт хотя бы одну звезду, значит, не зря прожил жизнь.

Первый номер «Усятских россыпей» с подборкой произведений новокузнецких, беловских и прокопьевских авторов вышел в марте 2007 года. А недавно вышел уже пятый номер. На его страницах — материалы к 90-летию со дня рождения Василия Фёдорова, стихи Сергея Есенина, кузбасских поэтов-профессионалов Бориса Бурмистрова, Любови Никоновой, а также стихи самодельных поэтов. Кроме этого, немало страниц отдано молодым голосам литобъединения «Гренада», детских литературных студий. Всего — 56 страниц. Произведения на любой вкус.

В ноябре 2009 года увидел свет очередной, шестой номер «Усятской россыпи», который теперь уже, словно по традиции, был объёмом в 56 страниц.

Выпуск посвящался 150-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова. Кроме краткой автобиографии Чехова А.П. в выпуске опубликованы два рассказа классика «Пари» и «Без заглавия».

Новокузнецчанка Виолетта Никулина в публикации «Забытые имена» рассказала о Борисе Шергине. Опубликовано и два

рассказа Бориса Шергина — «Золотая сурприза» и «Шиш пошучивает у царя».

Напечатаны однополосные подборки стихов известных поэтов Александра Каткова (г. Кемерово), Александра Кердан (г. Екатеринбург), Любови Никоновой (г. Новокузнецк).

Кроме того, представлены произведения: Адельи Мачковой (г. Новокузнецк), Эдуарда Горянци (г. Кемерово), Лины Яланской (г. Никополь, Украина), Людмилы Танковой (г. Новокузнецк), Дмитрия Семёнова (г. Новокузнецк), Даниила Посаженикова (г. Новокузнецк), Дарьи Акуловой и Алины Блужских (г. Новокузнецк); таштагольцев — Галины Монастырской, Евгении Абаза, Кирилла Сазанова, Ольги Ромашки, Романа Жука, Александра Баркова, Ивана Замяткина, Владимира Дегтярёва и Сергея Казакова; Надежды Ермаковой (г. Прокопьевск), Любови Дидух (г. Лесосибирск Красноярского края); новокузнецчанок Виолетты Никулиной, Елены

Острых, Татьяны Эмих-Басаргиной; Евгения Тищенко (г. Прокопьевск), Николая Подсевалова (г. Киселёвск), Ольги Токмаковой (г. Рубцовск), Анатолия Гуляева (г. Прокопьевск), Пётра Дуболебова (г. Новокузнецк), Эльвиры Шелестовской (г. Прокопьевск), Валентины Лопатиной (с. Верхнекатунское Алтайского края), Александра Бабарыкина (г. Калтан).

Новокузнецчан: Сергея Гурьянова, Юрия Гамова, Леонида Пепенина, Людмилы Лукьянцевой, Николая Нагорнова, Натальи Палаткиной, Татьяны Цыганковой, Елены Тах, Николая Ничика, Владимира Неунывахина, Дмитрия Суйканен. Сергея Грушанского и Николая Мартина (г. Киселёвск), Николая Скударнова (с. Лучшево) и Пётра Синицина (г. Прокопьевск).

В мае 2010 года увидел свет 56-полосный был отпечатан седьмой выпуск «Усятской россыпи», который был посвящён 65-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В номере было представлено творчество поэтов войны: Ильи Эрэнбурга, Александра Твардовского и Константина Симонова.

Кроме названных авторов, читатели смогли прочитать стихи и прозу новокузнецчан Валерия и Александра Лариных, Людмилы Лукьянцевой, Владимира Можайского, Светланы Матяш, Любови Никоновой, Тамары Тиуновой, Галины Носовой, Натальи Палаткиной, Татьяны Цыганковой, Леонида Пепенина, Людмилы Иноземцевой, Николая Максимова, Людмилы Танковой, Владимира Неунывахина, Ольги Берляковой, Геннадия Морозова, Натальи Еремеевой, Адельи Мачковой, Татьяны Эмих, Дамира Ибрагимова и Юрия Гамова. А также Григория Афанасьева (г. Калтан), Григория Бутилина (г. Киселёвск), Любови Дидух (г. Лесосибирск Красноярского края), Ольги Беккулиевой (г. Таштагол), Геннадия Соловьёва (г. Белово), Анатолия Гуляева и Вячеслава Елатова (г. Прокопьевск); Надежды Чимбаровской, Анатолия Головащенко и Татьяны Семёной (Беловский район), Зои Гулишевской (г. Белово).

В декабре 2011 года на 56 полосах вышел восьмой выпуск «Усятской россыпи», который был посвящён 100-летию со дня рождения известного писателя Кузбасса Александра Волошина. Номер открывался автобиографической справкой о писателе, были опубликованы пролог к роману «Земля Кузнецкая» и отзыв Е. Цейтлин «Время жить на земле» — о романе Александра Волошина «Земля Кузнецкая».

Всего в выпуске было размещено 27 публикаций, более чем 20 авторов Кузбасса и других регионов России.

В октябре 2012 года на 52 полосах появился девятый выпуск «Усятской россыпи», который был посвящён 70-летию со дня образования Кемеровской области. Здесь была размещена 21 публикация, почти такого же количества кузбасских авторов.

А в декабре 2013 года на 56 полосах появился десятый номер «Усятской россыпи», в котором было 27 публикаций. Через год, в декабре 2014 года, вышел одиннадцатый номер «Усятской россыпи», он был посвящён 200-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова.

В апреле 2015 года опять же на 56 полосах увидел свет Выпуск № 12 «Усятской россыпи», он был посвящён 70-летию Победы советского народа в Великой Отече-

ственной войне. В номере были представлены 26 публикаций.

Генерал-майор Иван Кожемяко поведал своим читателям о севастопольских адмиралах М.П. Лазореве, В.И. Истомине, П.С. Нахимове, В.А. Корнилове.

Кузбасский военный писатель Виль Рудин рассказал о сыне Земли Кузнецкой, комдиве, полковнике Полосухине В.И., защищавшем в ноябре-декабре 1941 года столицу нашей Родины Москву, в том числе и на легендарном Бородинском поле, и сложившем там свою голову.

Анатолий Гуляев поведал своим читателям о своём бывшем командире, лётчике-

торпедоносце, Герое Советского Союза, генерал-майоре авиации Преснякове Александре Васильевиче.

В альманахе было сказано о творчестве недавно ушедшего из жизни, известного всей стране русского и советского, сибирского писателя Валентина Григорьевича Распутина. Публикация Юрия Баранова «Иван Стаднюк продолжает воевать» была посвящена 95-летию со дня рождения военного писателя Ивана Фотиевича Стаднюка.

В выпуске было рассказано о творчестве прокопьевских авторов — участников Великой Отечественной войны Григория Васильевича Маслова и Анатолия Ивановича Грохова, представлены однополосные подборки их стихотворений...

В апреле 2016 года на 60 полосах увидел свет 13-й выпуск «Усятской россыпи», в котором было размещено 28 публикаций. Какому-то конкретному знаменательному событию или дате этот выпуск посвящён не был. Тем не менее, главными публикациями номера стали произведения военного писателя, генерал-майора Кожемяко Ивана Ивановича: «Портрет Сталина», «Брат», «Пся крив!», «Полицай». А также публицистическо-философские «Размышления на тему о «Запрещённой Руси», «Об исторической правде в истории», в том числе и размышления об исторической правде истории города Прокопьевска, о том, как её преподносят в различных творениях рук человеческих, в том числе и на вновь открывающихся монументах...

Впрочем, в выпуске, как всегда, много, и другой, интересной информации во других авторских публикациях.

...Если вы читаете эти мои слова, значит вы читаете очередной выпуск литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь» — ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ — ЮБИЛЕЙНЫЙ, выпущенный после прошедших десяти лет со дня её создания. Много это или мало? Наверное, немало, поскольку во всех этих четырнадцати выпусках увидела свет не одна сотня прозаических и стихотворных произведений. Сначала я хотел все посчитать и сообщить вам, сколько их. Потом, в процессе работы над этой статьёй, понял, что это и неважно, сколько авторов опубликовалось за прошедшие десять лет в «Усятской россыпи» и сколько всего опубликовано их произведений в альманахе. Важно то, что

стихи, рассказы многих авторов впервые увидели свет в «Усятской россыпи» и то, что он, став постоянными авторами альманаха к этому, четырнадцатому, выпуску газеты стали уже профессиональными писателями и поэтами.

Хочется сказать и о себе. Во всех названных четырнадцати выпусках я разместил более пятидесяти своих рассказов, и хотя ненапечатанные рассказы и иные наработки у меня ещё есть, но той, внутренней бывшей своей потребности и желания в публикации оставшихся своих рассказов, у меня больше уже нет. За эти десять лет я достаточно адаптировался в своих литературных реалиях, значительно

вырос мой багаж в познаниях исторического прошлого моей малой родины — Кузнецкого края, города Прокопьевска и села Усяты. В 2013 году, при активной поддержке и помощи коллег и помощников, помогавших выпускать мне «Усятскую россыпь», увидела свет и небольшая книга «Прокопьевск... в летописях» тиражом в 300 экземпляров, историко-краеведческого толка и жанра, которая за небольшой срок разошлась по своим читателям. Появилось желание переиздать книгу, к тому же и в связи с тем, что появился у меня и новый материал, которого в изданной книге нет. К тому же я же работаю и над новой книгой с предварительным названием «Как рождалась корабельная авиация России».

Хочется сообщить своему читателю ещё и то, что все выпуски «Усятской россыпи» друзья газеты из библиотеки Прокопьевского района перевели в «цифру» и разместили в районном внутрибиблиотечном Интернете. Отчего появилось желание разместить это и в большом Интернете.

Также хочется сообщить своим читателям и то, что в прошедшие годы, при работе с авторами, мне не единожды приходилось выслушивать их претензии, возможно, и не претензии, а скорее, их пожелания об изменении названия нашего альманаха. Якобы слишком уж название «Усятская россыпь» привязано к местности: «Слишком местное название, даже «местничковское», — говорили мне.

Да и кое-кто из называвшихся критиками высказывал такие же пожелания и мнения. Я долго «переваривал» в себе поступившие пожелания и предложения, сомневался и принял решение согласовать вопрос об изменении сокращённого названия газеты как с постоянными, так и непостоянными нашими авторами и читателями. Каково будет их мнение, если фактически полностью повторяющее основное название газеты сокращённое её название «Литературно-художественная газета-альманах «Усятская россыпь», заменить на новое её название, действительно сокращённое — «ЛХГА «УтРо». Это новое, сокращённое название «Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь» можно будет поставить и в логотип газеты.

В заключение хочется поздравить и всех дорогих наших читателей, и всех дорогих и очень уважаемых мной наших постоянных и непостоянных авторов с десятилетним юбилеем нашей жизни и плодотворной совместной работы, которые, конечно же, были непростыми. Тем не менее, без какой-либо тени смущения говорю, что мы прошли вместе с вами первое своё десятилетие достойно. За что хочется сказать всем вам большое спасибо.

Надеюсь, что и в дальнейшем уровень и качество нашей работы снижаться не будут, а плотность сотрудничества и результативность работы будут постоянно расти...

г. Новокузнецк.

Иван КОЖЕМЯКО

Иван Иванович Кожемяко — автор многих книг — профессиональный военный, академик, профессор, всю свою жизнь посвятил служению Отечеству, Великой, Единой и Неделимой России в рядах Вооруженных Сил, генерал-майор. Родился 29 февраля 1948 г. Детство и юность провел в Крыму. Окончил Вильнюсское военное радиотехническое училище в 1969 г., Белорусский государственный университет в 1980 г., Военно-политическую академию им. Ленина в 1985 г.; служил в Вооруженных Силах СССР и РФ на различных должностях. 1992—1998 г. г. — помощник начальника Главного штаба Сухопутных войск. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, семнадцатью медалями, а также двумя орденами Демократической Республики Афганистан. Имеет дочь и трех внуков.

Мгновения дивных встреч

Анатолий
Папанов

Странная вещь — я и видел-то и беседовал с Папановым единственный раз, и то лишь несколько минут, а вот память о нём осталась самая светлая, как говорят, на всю оставшуюся жизнь.

Сегодня уже можно об этом рассказать, поэтому расскажу без утайки.

Мы, молодые слушатели академии, накануне Дня Великой Победы уютно устроились в скверике возле Театра сатиры, а это, если кто помнит и знает — забор в забор с нашей академией. Попросили в магазине же к яствам и несколькими бутылкам коньяку — два картонных ящика, и сами пребывали в прекрасном расположении духа и от радости встречи, и от предстоящего доброго разговора за глоточком коньяку.

Стол из ящиков получился у нас прекрасный, и каждый что-то там нарезал, открывал банки, резал хлеб, расставлял разовые стаканы, открывал бутылки с

водой... И когда мы выпили по первой, все просто опешили: прямо к нам, по красивой дорожке, в парадном костюме, с орденами и медалями, шёл Анатолий Дмитриевич Папанов.

Конечно, все мы, как люди военные, знали его творчество очень хорошо, в особой мере после выхода фильма «Живые и мёртвые», где генерал Серпилин был образцом для подражания многим из нас. Меньше мы знали его по театральной деятельности, потому что многие из нас скитались по задворкам «Российской империи», и видеть любимого артиста просто не было никакой возможности.

И ещё одно замечание в этой связи: мне очень не нравились роли Анатолия Дмитриевича, в которых ему отводили место эдакого великовозрастного балбеса. Это было, на мой взгляд, не его. Он был намного богаче душой, интеллигентнее и образованнее.

Мы все вскочили, как по команде, и стали приглашать Анатолия Дмитриевича за наш стол, на минуточку.

«Ребята, да я бы с радостью, — с улыб-

Мы налили ему коньку, предложили какой-то мудрёный бутерброд.

«Ну, ладно, дорогие друзья! Я самый старший среди вас, по возрасту. Поэтому не сказать не могу — великий день грядёт. Мы за него честно бились, ребята. Шкурников — не помню, не встречались мне они.

А вот за честного русского солдата, который освободил всю Европу, сотнями тысяч лёг в землю, за это, я думаю, люди не забудут. Иначе тогда неправда великая будет и зло вновь возродится...» — вот эти слова Анатолия Дмитриевича я запомнил на всю жизнь.

Он залпом выпил коньяк, откусил от бутерброда и сказал: «Простите, ребята. Я бы с радостью с вами остался, и за жизнь бы поговорили, но надо бежать».

И пошёл по дорожке.

И никто из нас тогда не знал, что у него было тяжелейшее ранение, практически не было пятки на ноге, и он держался так, как подобает настоящему человеку и солдату. Это уже потом мы смотрели «Холодное лето пятьдесят третьего», последний

актёр великий, и человек интереснейший и такой светлый. Помним Вас всегда.

Особенно светел и велик был его нравственный подвиг в «Живых и мёртвых». Даже не в боях рождённый. А тот, как он поступил с женой предателя и шкурника, по милости которого и оказался в лагере.

Помните, как Серпилин, узнав, что два сына его бывшего зама воюют, сказал, что их отец пал смертью храбрых. Наступил на горло собственной песне и не сказал, что полковник вышел из окружения в солдатской гимнастёрке и без документов.

Мне кажется, это мог сделать столь убедительно только Папанов. У другого так бы не получилось. Так честно и так чисто.

Некоторые крылатые выражения А. Д. Папанова, которые мы помним всегда:

«Тебя посадят, а ты не воруй!»

«А у тебя ничего нет! Ты — голодранец! Ты вообще живёшь на свете по доверенности!»

«Свободу Юрию Деточкину!»

Из кинофильма «Бриллиантовая рука» (все реплики произносятся с мягким фриктивным «Г» и со звуком «У» вместо «В»):

«Будет тебе там и ванна, будет и кофа, будет и какава с чаем. Поехали!»

«Как говорит наш дорогой шеф, если человек идиот, то это надолго!»

«Как говорит наш дорогой шеф, Михал Иванович, куй железо, не отходя от кассы!»

«Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты!»

«Строго на север, порядка 50 метров, расположен туалет типа «сортир», обозначенный на схеме буквами «мэ» и «жо».

«За чужой счёт пьют даже трезвенники и язвенники!»

«Бить буду аккуратно, но сильно».

«Клёв будет таким, что клиент забудет обо всем на свете!»

кой сказал он, — но мне же сидеть сейчас в президиуме торжественного собрания, посвящённого Дню Победы, и там будет руководство города, сам Гришин».

Но мы настойчиво просили любимого актёра уделить нам минуточку его внимания, и он, поняв, что мы не отстанем, обречённо махнул рукой и сказал: «Давайте, только быстро...»

фильм с его участием.

К слову, Анатолий Дмитриевич озвучил столько мультфильмов, чего, наверное, не сделал ни один актёр в нашем кино. И его знаменитый Волк на всю жизнь останется в памяти не только нынешней детворы, но и нас, людей поживших.

Вечная память Вам, дорогой Анатолий Дмитриевич! И солдат, и гражданин, и

Николай Рыбников

Мне всегда был симпатичен этот человек. И роли, которые он сыграл, все солнечные и светлые.

И когда сегодня говорят, что искусство должно идти за запросами зрителя и отве-

чать на его духовные, так скажем, искания, на деле же — их полное отсутствие у многих, мне кажется, что здесь и кроется та страшная причина, ввиду которой мы и рухнули в пропасть нравственной деградации...

Нет, искусство должно выстраивать тот идеал, к которому и должно стремиться человеку.

Не будет этого ориентира, и мы погрязнем в тех бесчисленных скандалах и мерзостях о службах искусства, которые сотрясают нынешние СМИ.

И кино и телевидение — здесь не исключение...

Как не пять женитьб или замужеств — так и нет деятеля сцены. И гордятся ведь этим, вот что прискорбно.

Ну, да ладно, а теперь по существу вопроса...

Администратор гостиницы мне доверительно сообщила, что сегодня у них поселились Николай Рыбников с Аллой Ларионовой.

И когда я поскрёбся в дверь, её-то мне и открыла величественная и недоступная Ларионова, в невиданном мною до сей поры халате с какими-то драконами.

Но лишь скользнув взглядом по мне, молодом подполковнике в ту пору, она удалилась в свои покои царственной походкой, на ходу лишь бросив: «Коля, это к тебе, военный...».

Но небрежения в её тоне не было, она просто констатировала тот факт, что прибыли не к ней, и она к этому военному, коим был я, никакого отношения не имеет.

Она даже не была столь красивой, какой мы привыкли её видеть на страницах кинолент. Обычная женщина, почему-то уставшая, которую уже осыпала осень прожитых лет.

Поэтому больше я Ларионовой не видел, и буду писать только о встрече с Николаем Николаевичем Рыбниковым.

Из комнаты гостиничного номера через минуту, застёгивая пуговицы светлой рубашки с короткими рукавами, показался Николай Николаевич.

И если бы не его обворожительная

улыбка, которую помнит, наверное, каждый из старшего поколения, посмотревший хотя бы единожды фильмы «Весна на Заречной улице», «Высота»..., и пронзительные глаза, в которых затаилась улыбка, усмешка Николая Рыбникова, я его бы не узнал — предо мной стоял совершенно лысый, среднего роста человек.

Но стоило ему сказать лишь несколько слов, и всё это внешнее, не главное, сразу же ушло в сторону и больше, к слову, не появлялось.

Николай Николаевич был настолько благорасположен, мне кажется, к любому, что я почувствовал рядом с собой родного и близкого человека, с которым не надо было держаться как-то по-особому, искусственно и чопорно изображая радость и почтение.

Это был настолько узнаваемый человек, неотторжимый от моей личной судьбы, пройденного и пережитого.

Приветливо поздоровавшись, за руку, он предложил пройти в комнату номера.

Усадил в кресло и только тогда задал вопрос:

— Чем могу служить представителю нашей славной армии?

— Николай Николаевич, Вы, наверное, обратили внимание, что в гостинице много военных. Мы здесь не случайно, занимаемся помощью местным властям в уборке урожая.

Я коротко рассказал о задачах оперг-

руппы по руководству деятельностью автомобильных подразделений, которые вывозят урожай с полей, и попросил Николая Николаевича, в удобное для него время, встретиться с личным составом опергруппы.

— Алла! — прокричал он в соседнюю комнату, — тут военные просят встретиться с ними. Ты не будешь возражать?

— Не буду, — раздался голос Ларионовой, — только когда?

Я тут же ответил, что если это возможно — то прямо сегодня.

— Хорошо, я буду готов к семнадцати часам.

Я поднялся и сказал, что заеду за Рыбниковым к назначенному времени.

Встреча получилась сердечная и тёплая.

Мало кто из нас знал, что Коля Рыбников — сталинградец. Мальчишкой десяти лет пережил весь ад начала Сталинградской битвы, когда фашисты обрушили на город шквал огня авиации и артиллерии.

Он рассказал о своей жизни, пройденном пути, сыгранных ролях, а больше, что нам понравилось особо, — о творческих планах и о неосуществлённых задумках.

Начальник клуба опергруппы приготовил к этой встрече фильм «Кочубей», где

Николай Николаевич играл роль Ивана Кочубея, легендарного героя гражданской войны на Кубани.

Фильм особый, люблю его до сих пор, потому что совершенно молодой Рыбников не сыграл, а прожил жизнь этого полководца-самоучки.

К слову, как сказал Николай Николаевич, никаких каскадёров у него в фильме не было: все непростые трюки с лошадью, скачками, освобождения из-под ареста в вагоне, в котором его увозили на расправу к Сорокину, он выполнял сам. Мастерски владел холодным оружием, стрелял.

У кого будет желание, посмотрите этот фильм, прекрасный и такой светлый.

Красавица Хитяева, будущий «Устин Акимыч», играющий роль начальника штаба в бригаде Кочубея Роя, из офицеров — Сорокин, Копелян, Смирнов, все, до единого, актёра вызывали огромное уважение и служили примером для подражания.

К слову, несмотря на то, что Копелян играет роль выдающегося деятеля советской власти Орджоникидзе в этом фильме, его упоминания нет даже в титрах.

Как и главного «буржуина» фильма — Алексея Смирнова.

Почему так поступали киноначальники той поры, я не знаю.

Или вызывали столь явное омерзение, что становилось и страшно. Всё это относилось к Главкому штаба, которого столь

честь его героям.

Он их раскрывал с такой глубиной и такой силой, что верилось — это и есть реальная жизнь и те герои, которые живут среди нас.

Самое главное, что все его роли «поднимали» человека над повседневностью, указывали путь к тому, каким должна быть подлинная личность.

Интереснейший момент разыгрался в ходе просмотра самого фильма «Кочубей». Посмотрите его, дорогие друзья!

Там есть момент, красивый, торжественный, когда бригада Кочубея после боёв возвращается в станицу.

И кавказцы, в данном разе — черкесы, играют на своих национальных инструментах «Наурскую» и мастерски танцуют, стоя в сёдлах.

А в составе опергруппы был офицер-черкес, и он не выдержал, пустился в искромётный пляс этой разновидности лезгинки.

Не выдержал и Николай Николаевич.

Он тоже вышел в круг, и надо сказать, что мастерски, с учётом своих лет, танцевал вместе с молодым офицером.

Наши ладони после этого просто горели от грома аплодисментов, которыми мы встретили этот выход Николая Николаевича.

После просмотра фильма мы пригласили Николая Николаевича к нам за братский стол.

Никакого жеманства не было и в помине.

Он с радостью согласился, и когда первый голод был утолён, начальник клуба специально подсунил ему гитару.

Конечно же, мы ждали и не ошиблись — первой прозвучала песня из фильма «Весна на Заречной улице». Мы дружно подпевали знаменитому артисту и прекрасному человеку.

Много было спето и иных песен из фильмов с его участием...

Минули лета.

Много их пробежало.

Сам успел стать весьма пожилым.

Но эту встречу вспоминаю всегда и благодарю судьбу, что она была в моей жизни.

Может, благодаря таким встречам и удалось сберечь душу, не очерстветь самому, не относиться к людям формально и без души?

Спасибо Вам, дорогой Николай Николаевич.

Светлая память Вам навски, пока жив.
8 июля 2016 года

Три встречи с Владимиром Высоцким

Я не знаю, существует ли сегодня на Арбате магазин «Грампластинка». Но в пору моей учёбы в академии этот магазин был, и мы нередко туда заходили.

У меня было множество грампластинок, маленьких, старшее поколение помнит их, кассет для магнитофона, с записями Радмилы Караклаич, Лили Ивановой, Джо Дассена, Тото Кутуньо, многих других золотых голосов той поры.

Поэтому я хорошо помню тот осенний день, когда мы, человек шесть молодых офицеров, зашли в этот магазин.

К слову, сразу хочется оговориться — никогда Владимир Семёнович Высоцкий не был антисоветчиком. Это его так хотят выставить сегодняшние витии.

Но всё его творчество было направлено на возвеличение подвига нашего народа в Великой Отечественной войне. Стоит только вспомнить его песни «Только он не вернулся из боя», «На братских могилах не ставят крестов» и великое множество иных.

Не смирялся он и с мерзостью, которой доставало, и бичевал её в своих ироничных песнях.

Помните, «Товарищи учёные, доценты с кандидатами», «Ты, Зин, смотри, не трогай шурина...». И этот перечень можно продолжать и дальше.

Так вот, в этом магазине «Грампластинка» было великое множество его произведений — как на пластинках, так и на кассетах для магнитофона.

Я остановил свой выбор на 13-14 кассетах для магнитофона, по сути взял всё, что только там было из его песенного творчества, и стал пробираться к кассе.

В это время открылась дверь магазина, и на пороге предстал... сам Высоцкий.

Я не знаю, что его привело в магазин.

Но он заметил нашу группу сразу и стал с интересом разглядывать военных, которые несли впереди себя, в основном, его произведения, записанные как на кассе-

ты для магнитофона, так и на пластинки.

Я оказался первым в очереди, и Владимир Семёнович, как-то озорно и красиво засмеявшись, обратился ко мне сам: «Ну, что, майор, хочешь, подпишу все твои приобретения, коль ты отдал предпочтении мне?»

«Да, я бы очень Вас просил об этом!»

Мы отошли к столику, присели, и Высоцкий подписал мне каждую кассету.

Самое интересное, что каждую кассету он подписал по-разному.

Две-три из них были особенно дороги тем, что они были подписаны его четверостишиями, с упоминанием моего имени и места встречи.

Я даже сегодня помню, как был одет Высоцкий — в сёренькую кепочку клиньями и с пуговицей сверху. На нём была куртка с воротником и с четырьмя карманами. Верхние карманы были без клапанов и косые, а нижние — с клапанами и прямые. Брюк и туфель не помню, как-то не отложилось, какими они были на нём.

И хотя я здесь помещаю фотографию Высоцкого из фильма «Место встречи изменить нельзя», конечно же, фильм в то время ещё и не планировался.

Мы поговорили несколько минут «за жизнь» и расстались.

Я не провожал его, но так случилось, что и мы вышли на улицу и я увидел ядовито-синий «Мерседес», в который он сел. Тот классический, старинный, который мне, почему-то, больше всего и нравился. Типа нашей «21-й «Волги», только чуть изящнее и длиннее.

Он даже махнул нам рукой и поехал.

Были и ещё две встречи с Высоцким. Но уже опосредованные, не личные.

Вторая — невиданное счастье, удалось мне как-то заполучить билет в театр на Таганке.

Там шёл знаменитый «Гамлет». И видеть Высоцкого в этой роли — было счастьем. Он не просто играл в этом спектакле, а сгорал, не щадя ни капли своих сил.

На всю жизнь мне запомнился кадр из спектакля, когда он бросался на цепь.

Именно этот кадр свидетельствовал о том, что Высоцкий, действительно, не щадил себя, а играл так, словно шел в последний раз.

Мне кажется, что на его теле были даже травмы после этого кадра, но он их не видел. Они не сдерживали его в гениальной игре, а вернее — в проживании жизни Гамлета на сцене.

И третий раз я Высоцкого уже не видел, но та прислонённая гитара к стене и толпы людей говорили о том, что его не стало.

И никто не мешал проводить его в последний путь, никаких запретов и ограничений не было.

И вот, когда сегодня нет удержу в публикациях, писательстве Влади, фильме сына, страшно недостойном и страшном, в котором он изобличает отца-наркомана и показывает его последние дни и минуты жизни, у меня перед глазами те две светлые встречи с Великим и Артистом, и Гражданином.

Он служил в своём творчестве Отечеству и страшно за него переживал, как сын фронтовика.

Сердечно Вам кланяюсь, достойный Владимир Семёнович, и благодарю жизнь за то, что она эти удивительные встречи мне

Евгений Матвеев и Вячеслав Тихонов

Как не просто писать о Вселенной! Сколько её проявлений предстаёт перед нами, сколько красок и сколько элементов её составляют!

Так я думаю и о Евгении Семёновиче Матвееве — это и актёр замечательный, и режиссёр великий, и гражданин Отечества нашего достойный и светлый, и искромётный человек, который нес столько позитивной энергии, что вокруг него всё преображалось, приходило в движение и устремлялось ввысь, к добру и правде.

А что может быть выше этого?

Поэтому, конечно же, я не пытаюсь дать какие-то оценки этому совестливейшему из людей — это давно сделали и его коллеги, и родство, а только передаю воспоминания одного дня, который был мне ниспослан судьбой и который я провёл рядом с Евгением Семёновичем...

В моей памяти накрепко отпечатался Великий праздник — 40-й годовщины со дня освобождения Орла, а если уж шире — победоносного завершения Курской битвы. И было это 23 августа 1983 года.

Я, молодой подполковник, весь в пыли, только вылез из уазика, где, по-моему, проводил времени больше, нежели в привычных условиях: шла действительная битва за урожай, и армия в ту пору всегда привлекалась к помощи народу на сельскохозяйственных работах.

Приехал из так называемого «целинного батальона», почему-то мы именовали эти подразделения именно так, и думал, что хотя бы день переведу дух в гостинице. Гостиница «Орёл» располагалась в красивейшем месте, рядом с обкомом партии и на берегу реки Орлик, впадающей в величавую Оку.

Через парк надо было спуститься к ней — и ты на высоком обрывистом берегу, который только в одном месте плавно подходил к бурной воде у берега, и плавному течению посредине.

Красиво, очень.

На заднем сиденье машины лежало несколько десятков яблок, которые где-то добыл мой водитель, и я целую горку их, сколько влезло, положил в фуражку, естественно, оставив большую их часть для него, и, отдав распоряжение по завтрашнему дню, пошёл к гостинице.

Весь тротуар, вся площадь перед гостиницей была просто запружена народом.

Седовласые фронтовики, но ещё очень бодрые и здоровые, событию-то больше 32 лет, большинство — в форме, все — с наградами, оживлённо переговаривались, обнимались, плакали...

Я сердечно раскланивался с ними, по-

здравлял с праздником, и уже перед ступеньками, у входа в гостиницу, услышал такое задорное и солнечно-звонящее:

— Подполковник, а яблоками-то угостишь?

Повернувшись к говорящему, я онемел — предо мною стоял Евгений Семёнович Матвеев, любимый и чтимый нами, военными людьми, особо. Тут и я не «подкачал», даже сам не знаю, как и вырвалось:

— Конечно, товарищ капитан, буду только рад!

Не помню уже, мне кажется, что Матвееву-то и яблока не досталось, так как все ветераны, как дети, ринулись к моей фуражке и за секунду их разобрали.

Матвеев стоял в некоторой даже растерянности:

— А откуда ты, подполковник, меня

знаешь?

Тут уж пришлось мне потребить всё своё красноречие, и не для себя — я-то всё это знал, а для присутствующих, скорее, ветеранов, которые слушали меня в абсолютной тишине, рассказать о капитане-артиллеристе Матвееве, который всю войну готовил молодых офицеров-артиллеристов для фронта, написал десятки рапортов, чтобы его отправили в действующую армию, но все они остались без удовлетворения. Начальник училища не хотел лишиться прекрасного воспитателя и достойного наставника молодёжи.

(Официальные биографы Евгения Семёновича упорно именуют Томское военное училище времён войны пехотным. Это не так. Оно было артиллерийским. И я хорошо это знаю, хотя бы потому, что его завершил в своё время и маршал артиллерии Кулешов, который возглавлял ГРАУ МО СССР и которого мне сподобилось много раз видеть).

Так Евгений Семёнович и не попал на фронт. И, слава Богу, мысля я, потому что со всей вероятностью, до Победы он бы не дожил.

Артиллеристы противотанковой артиллерии несли огромные потери. Да и не отсиживался бы он за спинами других в силу своего характера.

Но я мыслю, что Евгений Семёнович сжёг не одну даже сотню танков врага, потому что его воспитанники, которых он вырастил и воспитал, делали это на всех фронтах.

Чуть забегая вперёд, скажу, что он сам говорил, как после войны не один майор, подполковники и даже полковники обнимали его и благодарили за науку.

— Спасибо Вам, дорогой Евгений Семёнович. Мы Вас очень любим и гордимся тем, что Вы — офицер, участник войны, а не только любимый актёр, — завершил я рассказ.

Видно было, что он даже расчувствовался. Только махнул мне рукой, а в глазах заблестели слёзы.

И я пошёл в гостиницу...

За обедом я рассказал начальнику опергруппы округа генералу Турло (он был вообще-то Турла, литовец, отец знаменитого чемпиона мира по какому-то виду стрельбы, но за годы службы все привыкли его фамилию и произносить и писать через «о») о своей встрече с Евгением Семёновичем Матвеевым.

Пётр Михайлович был прекрасным руководителем, очень корректным и опытным командиром, авторитетным военачальником, с которым считались и очень его уважали местные советские и партийные органы, что помогало нам решать все вопросы, связанные с уборкой урожая на местах, поддержанием порядка и дисциплины.

Генерал Турло сразу воодушевился и говорит мне:

— Слушай, комиссар, а давай мы встретимся с ним организуем. Сможешь?

— Все силы приложу, Пётр Михайлович. Сейчас же займусь. Но Вы же знаете, что его планы нам неведомы...

Никакого тайнства в поисках Евгения Семёновича не было: администратор гостиницы, хорошо зная всех нас, руководство опергруппы по уборке урожая, сразу же мне и сказала, что «артист Матвеев живёт в таком-то номере».

И тут же добавила, что он здесь не один, а там же, рядом с номером Матвеева, расположился и Тихонов, знаменитый и любимый нами «Штирлиц».

Я быстро устремился к номеру Евгения Семёновича, дверь в который была открыта настежь, а из номера раздавался тот особый голос Матвеева, который мы

все помним и знаем.

Он с кем-то спорил, и мне было слышно:

— Да нет, Слава. Не так всё было...

Я постучал костяшками руки по дверной коробке и услышал:

— Да входи, чего ты там скребёшься!

Я вошёл в номер без всяческих изыс-

ков, точно в таком проживал и я, и несколько растерялся — в кресле, за журнальным столиком, сидел Тихонов, а Матвеев, вышагивая по ковру, что-то ему напористо говорил.

Тихонов курил.

— О, подполковник! — вскинулся Матвеев, — а ты что здесь забыл?

— Не забыл, Евгений Семёнович, а пришёл к Вам специально с большой просьбой.

И тут же, сориентировавшись, обратился и к Тихонову:

— И к Вам, Вячеслав Васильевич...

Они, молча, смотрели на меня: Матвеев весело и озорно, Тихонов — не сказал бы, что он очень радовался встрече со мной.

Я очень коротко объяснил им, что в Орле расположена оперативная группа по руководству войсками, призванными для оказания помощи сельским труженикам в уборке урожая. И мы были бы очень рады и счастливы видеть столь чтимых в армии великих артистов на встрече с офицерами опергруппы.

При моих словах о «великих артистах» Матвеев солнечно и красиво засмеялся и

даже обратился к Тихонову:

— Видал, Слава, «бронзовеём».

Именно эти его слова я запомнил.

Тихонов при этом как-то даже досадиливо поморщился, но не проронил ни слова.

Я не знаю, какие отношения были между ними, действительно великими актёрами, но в этот день я их видел вместе.

— Ну, что, подполковник, у нас сегодня вечер свободен. Давай, часиков на шесть, жара уже спадёт, и встретимся.

И только после этого он повернулся к Тихонову и спросил:

— Не возражаешь, Слава?

Тихонов, по-моему, даже без слов, поднял вверх руку с дымящейся сигаретой и я посчитал, что дело разрешилось.

— Евгений Семёнович, тогда в семнадцать тридцать я буду у Вас, с машиной.

— Хорошо, подполковник, договорились.

И я поспешил к Петру Михайловичу Турло с докладом. Он тут же предложил:

— Слушай, я поставлю задачу сейчас же командиру батальона, и встретимся с гостями на природе. Согласен?

— Это будет просто прекрасно...

И «машина» завертелась.

Ровно в 17 часов 30 минут я был у номера Матвеева, который был уже закрыт, а его голос раздавался из соседнего, в котором проживал Тихонов.

Увидев меня, Матвеев засмеялся:
— Молодец, подполковник. Точен! И мы готовы!

Мы спустились по лестнице и вышли из гостиницы. Прямо у подъезда стояла «Волга». Именитые гости сели сзади, я запрыгнул быстро на своё место, рядом с водителем, и мы поехали.

К слову, они даже не спросили, а куда мы едем.

В излучине реки, на красивейшем месте, почти у воды, был накрыт прекрасный стол, прямо на новеньком брезенте, сверху которого были постелены белые скатерти, толпилась большая группа офицеров опергруппы, кроме дежурных, все остальные были здесь.

Матвеев засмеялся, тут же снял пиджак и галстук, и, отвечая на приветствие офицеров, сердечно обнялся с Петром Михайловичем Турло, тут же уселся, а правильное — улёгся на брезент, опёршись на руку, и ждал развития событий.

Вячеслав Васильевич Тихонов усаживался как-то долго, не проронив ни слова.

Пётр Михайлович управление дальнейшим ходом событий взял в свои руки, и прекрасный вечер пошёл непринуждённо и сердечно.

Матвеев не умолкал ни на миг. Произнёс не один хороший тост за нашу армию. Вспоминал пережитое и пройденное.

Утолив голод и выпив, конечно, мы стали говорить по душам — о сыгранных ими ролях, обстоятельствах, при которых они были на них определены, творческих задумках и планах...

Тихонов не был столь многоречив, но мне совершенно неожиданно открылся его талант не только как великого актёра,

а и талантливого мастера краткой мысли. Некоторые из них я тут же записал в блокноте.

Это сегодня известны его афоризмы, они изданы, тогда этого ничего ещё не было.

Но мне запомнился на всю жизнь его целый философский трактат, который он произнёс на этой встрече.

Мораль его была в том, что мы заспорили о весьма двусмысленной мысли Ф. М. Достоевского, который утверждал, это известно почти каждому, что красота спасёт мир.

— Нет, — страстно вмешался в беседу Вячеслав Васильевич, —

никогда красота, как таковая, мир не спасёт. Мир спасёт красота, если она добра, светла, а кто это может определить? Красота очень часто бездушна, надменна и безбожна. Поэтому мир могут спасти только светлые помыслы. И действия людей в русле этих помыслов.

Сколько я видел крушений судеб людских, сколько, мы все знаем, рушилось даже государственных устоев от преклонения властителя пред дурной красотой.

Эта тема увлекла всех, и Вячеслав Васильевич говорил об этом ещё долго, словно выплёскивая из своей души какую-то накопившуюся и личную боль.

Конечно, в ту пору мы ничего не знали о его личных страданиях в жизни и не могли связать его слова с его личным опытом.

Матвеев понял своим чутким сердцем, что Тихонов, говоря об этом, страдает и лично, и попытался перевести разговор на шуточные рельсы.

И на этой встрече он повторил свои знаменитые слова, произнесённые его Захаром Дерюгиным на ступенях Смоленского Храма, образ которого он так талантливо

во и блестяще сыграл в фильме «Судьба», и который, конечно же, мы все смотрели и знали:

— Не, Слава, не говори, вот смотришь на какую-нибудь королеву, а у нас, на Руси, королевы — через одну, а то и чаще, умом понимаешь, что она чужая, а глазу приятно.

Мы даже овациями поддержали слова любимого артиста. Много было говорено за этот вечер — и обо всех ролях, которые они сыграли, и ответственности артиста перед своими героями.

И Матвеев согласился со мной и даже одобрительно сказал в мой адрес два слова, когда я стал что-то говорить о том, что артист, сыграв роль Нагулынова, Будулая, Захара Дерюгина не имел права предавать своих героев и жить как-то по иному, без света в своей душе — не только на сцене, но и в жизни.

Тихонов мои слова оспорил и сказал, примерно, следующее:

— А если я играл только роль негодяев за всю свою сценическую жизнь? Что же

мне тогда — и в жизни быть негодяем? Нет, я бы не стал наше ремесло всё же в такой степени связывать с нашей реальной жизнью. Она совсем иная.

И не согласиться с ним было нельзя.

Более того, я помню, что даже ему сказал, а вот что он может сказать лично о своём коллеге Льве Дурове.

Тихонов, как и всё, что он говорил, не «растекался мыслью по дереву», а отвечал кратко и односложно:

— Да, мой юный друг. Вот Вы и противоречите сами себе: в жизни Лев Дуров — стеснительный, добрый и очень мягкий человек, а мне его пришлось «пристрелить» в «Семнадцать мгновений» как исчадие ада, талантливейшего предателя, прямо идеолога зла.

Вспомнилось, как я говорил, что самая любимая моя роль Матвеева — это роль того танкиста, которого он так талантливо сыграл в фильме «Родная кровь» с великой актрисой Вией Артмане:

— Да мы все, Евгений Семёнович, были влюблены в неё с лейтенантской поры.

И не просто как в артистку, а как в вороватую женщину.

Матвеев как-то чуть растерянно даже посмотрел на меня и эту тему продолжать не стал, только лишь одобрительно кивнул головой.

Это сегодня много говорят, что с этой великой актрисой и красивейшей женщиной у Евгения Семёновича была не только платоническая связь по роли в фильме, но тогда об этом никто ничего не говорил. И не знал.

А так как они оба уже давно в мире ином, не будем и мы эту тему ворошить дальше.

Помню, как Пётр Михайлович меня даже поддержал и сказал, как он завидовал Гунару Цилинскому, который сыграл,

и мне думается, что лучше всех, роль советского разведчика Николая Кузнецова.

И в этом фильме они так органично и красиво с Вией Артмане смотрелись на экране.

Мы старались уделять одинаковое внимание нашим именитым гостям. И я помню, как оживился Вячеслав Васильевич, когда я рассказал ему несколько анекдотов про Штирлица. Он даже заулыбался при одном из них.

Если вспомню, кажется, что-то так:

«Гитлер стоит в очереди в столовую, с подносом. Вдруг его отталкивает штандартенфюрер «СС» Штирлиц, и говорит: «Простите, Фюрер, но у нас Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди!»

Много минуло лет тому, но я вспоминаю Будулая в исполнении Матвеева и молдавского артиста Волонтира.

Хорошо, нет слов, сыграл Волонтир, земля ему пухом, но той страсти, которую вложил Матвеев в одну серию всего, чёрно-белую, у него нет.

И танца того нет, если кто помнит из людей старшего поколения. Мне всегда было страшно смотреть на эту сцену — сколько страсти, боли, утрат было вложено Евгением Семёновичем в эту роль.

Мороз шёл по коже.

К слову, прекрасно им показан на экране и Леонид Ильич Брежнев, прошедший всю войну в действующей армии, в фильмах Озерова.

Наверное, не он, а лизоблюды больше виноваты в том, что стали потом навешивать на него всевозможные отличия, до ордена Победы.

Бог с ним, с маршалским званием, мог быть он им, но вот орден Победы, это, конечно, уже был перебор. Но мы, конечно, в ту пору об этом не говорили.

Много мы говорили о фильмах, в которых главные роли сыграл Вячеслав Тихонов и которые были столь популярны в войсках: «Они сражались за Родину», «Война и мир», «Фронт без флангов», его ранних работах.

Конечно, более всего говорили о фильме «Война и мир». Казалось, что сам князь Андрей присутствует среди нас.

И его, а вернее — Льва Толстого, изображение войны, как страшного испытания для народа и, вместе с тем — возвышения его духа в борьбе с врагами Отечества, единения нации, были нам понятны и близки.

Помню, как я набрался духу и сказал Тихонову, что во всех ролях — он органичен, прекрасно их воплощает на экране, но мне очень не нравится его роль в фильме «Дело было в Пенькове», там он совершенно не похож на сельского парня, нарочитый и искусственный.

Как ни странно, Вячеслав Васильевич не обиделся, а даже со мной согласился, сказав, что и сам не видит много оснований для гордости от этого фильма.

А вот все его остальные роли, особенно в фильмах о войне, мы активно используем для воспитания личного состава в духе верности и преданности Отечеству.

Не скрою, мы об этом не говорили, но меня поражаало нечестное, на мой взгляд, признание заслуг Матвеева со стороны государства.

Звезда Героя Социалистического Труда у Тихонова была заслуженной и честной, и те роли, которые он сыграл — тому порука, но этой звезды заслуживал и Евгений Семёнович. Не в меньшей мере.

Но она его миновала. Язык имел острый, и никогда не проходил мимо неправды и несправедливости.

И завершая рассказ об этой солнечной встрече, я хочу предложить читателям несколько афоризмов Вячеслава Васильевича, которые были изданы уже в другое время, но они не утратили своей актуальности и до сегодняшнего дня:

Трудно стало работать. Развелось много идиотов, говорящих правильные слова.
(Штирлиц)

*

Ссешь разумное, доброе, вечное, а вырастают белена и «чертополох».
(Мельников, учитель)

*

Ты никогда не задумывался о великой роли бумаги? На ней можно написать «На холмах Грузии...», а можно кляузу на соседа.
(Мельников)

*

От большинства людей остаётся только тире между двумя датами.
(Мельников)

*

Громче всего требуют тишины...

*

Люди говорят — уходит время. Время говорит — уходят люди.

*

У меня всего лишь два недостатка: плохая память и ещё что-то!

*

Признав реальность — не пытайся ее оправдать...

*

Красота спасёт мир, если она добра. Но добра ли она? Не красота спасет мир, а светлые помыслы. Ибо какой прок от надменной и безбожной красоты?

*

Слабый всегда уступает дорогу сильному и только самый сильный уступает дорогу всем.

*

Желая стать свободным, нужно ли освободиться и от этого желания?

*

Жизнь так полна и щедра, что человек всегда найдёт, где досыта нахлебаться.

*

Откуда у финна (так у Тихонова) карельская грусть?

*

Преступления, перешедшие грань человечности, должны караться по законам, перешедшим грань милосердия.

(Татьяна Синявская)

(Мыслию, что эти слова Вячеслав Васильевич позаимствовал у Татьяны Синявской, потому что они ему очень нравились — И. К.)

*

...Люди — животные из царства животных, поэтому и не хотят быть людьми...

*

Каша в голове — так поделись с ближним!

*

Каждый «суслик» — агроном

*

Если голова и сердце работают не по отдельности — значит ты знаком с самим собой!

*

Дарить, ожидая благодарности непристойно, но непристойней её не получать
(Татьяна Синявская).

*

Потребности человека, разрастаясь, тоже могут стать злокачественными
(Татьяна Синявская).

*

Не все в жизни выбираешь, иное — выбирает тебя.

*

Не ищи повод, и так причин предостаточно

И, конечно же, эта история была бы неполной, если не привести несколько «баск» и от Евгения Семёновича:

НА ПОЛНОМ СКАКУ

В городе Николаеве отмечался торжественный праздник, во время которого по стадиону должны были пройти герои любимых кинофильмов. Приглашен был на

торжества и Евгений Матвеев в качестве Нагульнова из «Поднятой целины». Присутствовало всё местное партийное начальство, вся культурная элита. Когда Матвеев увидел тачанку, на которой ему предстояло прокатиться вокруг стадиона, он наотрез отказался садиться в неё: эта телега разваливалась на ходу. Но устроители сказали, что в числе почётных гостей будет сам секретарь ЦК партий, так что пришлось согласиться. Это едва не стоило артисту жизни. На стадионе неожиданно включили прожектора, кони взбесились и понесли. На одном из поворотов отвалилось колесо, и тачанка перевернулась. Матвеев вылетел из неё и, пролетев несколько метров, ударился об асфальт. В результате у него был повреждён позвоночник и пришлось долго и трудно лечиться.

ОБИДЕЛСЯ

В фильме «Воскресение» была сцена, где к Нехлюдову, которого играл Матвеев, в тюрьме подходит мальчик, родившийся здесь же, и Нехлюдов спрашивает его: «Ты чей?» А мальчик отвечает: «Я здесь родился. Моя мама — политическая».

Нужно было снимать, и тут обнаружилось, что мальчика на площадке нет, забыли пригласить. И тогда режиссёр Михаил Швейцер предложил привезти на площадку сына Матвеева — пятилетнего Андрюшу, поскольку искать кого-то не было времени. Андрюшу привезли, и Швейцер стал ему растолковывать, что нужно сказать одну-единственную фразу: «Я здесь родился. Моя мама — политическая».

Камеру включили, но Андрей вдруг вместо того, чтобы произнести «Моя мама — политическая», крикнул в камеру: — Не скажу! Моя мама — хорошая!

СВАРЛИВЫЕ СТАРИКИ

Матвеев ставил фильм «Почтовый роман» и решил встретиться с людьми, которые видели лейтенанта Шмидта и которые помнили восстание на крейсере в 1905 году. Пришли на площадку два сварливых старика, одному 87 лет, другому — 88.

— Расскажите всё, что помните, — попросили их.

И тут начался цирк. Старики с первого же слова сцепились и заспорили, кому из них начинать свои воспоминания.

— Ты вчера выступал перед пионерами, так что сегодня моя очередь! — начал тот, что помоложе.

— Стою я, его, на корабле, а тут мимо Петр Петрович идёт... Я, натурально, сто, честь отдаю...

— Да ты врешь, гад! Ты ж на берегу служил... Ты за брехню свою уже квартиру получил.

— А ты, ето, всех пионеров уже замутил своими рассказами!

С трудом удалось утихомирить рассорившихся ветеранов. После чего решили обойтись без свидетелей, архивными материалами.

ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ

В 1975 году в буфете «Мосфильма» к Матвееву подошёл режиссёр Юрий Озеров и сказал торжественно:

— Ну, брат, поздравляю!

— С чем? — удивился Матвеев.

— Тебя утвердили на роль Брежнева в моем фильме...

С этими словами Озеров ушёл, оставив ошарашенного артиста размышлять. Матвеев долго думал над предложением, но в конце концов решил отказаться от роли. Пошел к генеральному директору Мосфильма Н. Т. Сизову:

— Не могу играть эту роль.

Тот помолчал и сказал:

— Надо.

— Да как же я его играть буду, когда я ничего не знаю про него. Характер, привычки...

— Смотри телевизор.

Через некоторое время Матвеева вызвал на беседу тогдашний председатель Госкино Ф. Т. Ермаш. Угостил чаем, печеньем. И тут Матвеев спросил:

— А как же быть с «г»?

— Какое ещё «г»? — удивился Ермаш.

— Ну, Брежнев звук «г» произносит на украинский манер...

— Это ничего. Ленин вообще картавил, и ничего...

— Ленин не слышит, как его дразнят, а вот Брежнев...

— Хорошо, — согласился Ермаш и набрал номер приёмной генсека: — Тут Матвеев у меня, артист, надо его принять, обсудить кое-что...

Прощаясь, Ермаш сказал Матвееву:

— Все роли в фильме «Солдаты свободы» утверждал лично М. А. Суслов! Так что пути к отступлению нет.

ПАМЯТЬ

Евгений Матвеев снимал кинокартину «Особое важное задание» о Великой Отечественной войне. Группа работала на месте событий, и жители старшего возраста ещё помнили, как это было.

Режиссёру нужно было снять налёт фашистской авиации на мирных сельчан, которые по полю уходили от наступающего врага. Матвеев собрал народ, от мала до велика, и попросил людей сыграть в массовке, помочь в съёмках.

— Сейчас налетят вражеские самолёты, начнут бомбить... Здесь работают пиротехники, будут взрывы и дым — вы не пугайтесь... Поступайте так, как вы поступали во время настоящих налётов в войну, — разбегайтесь по полю, прячьтесь в канавах и так далее...

Съёмки начались, показались «вражеские» самолёты, народ побежал... В общем, всё получилось, как надо, и Матвеев был доволен. Обошлись одним дублем, и дубль этот был удачным. Режиссёр собрал народ, поблагодарил всех за помощь и собирался уже садиться в машину, как увидел лежавшую в канаве старуху. Он не на шутку встревожился, не умерла ли старушка от испуга и неожиданности, ведь взрывов, огня и дыма было очень много. Подбежали к бабушке, она оказалась, к счастью, жива. На вопрос, почему до сих пор лежит, ответила:

— А в войну мы во время налётов всегда прятались до самой темноты.

Светлый был день.

До сей поры звучит в моём сердце солнечный голос и задорный смех Евгения Семёновича Матвеева, и, казалось, беспристрастный, но сколько на самом деле в нём было огня и глубокой мысли — особый голос Вячеслава Васильевича Тихонова.

Спасибо вам, Великие Люди, в первую очередь. Мы вами гордились и норовили, хотя бы немножко, наследовать совесть и честь героев, которых вы воплотили на экране.

Помните, как он ответил полиции, которого играет В. Спиридонов в «Судьбе», который укорял Дерюгина, что не за идею его убьёт, застав у Маши Поливановой, своей и несправедной, но и такой высокой любви:

«А я за них и воюю, за баб этих».

Светлая вам память, Светлые Гении русской Земли.

Сегодня таких, как вы, уже нет.

Корысть заела всех и все служки сцены, за крайне редким исключением, и они превратились в полуграмотных стяжателей, корыстолюбцев...

Грустно, когда хамы ставят Храмы...

Разговор с Л. И. Брежневым

Конечно, в ту пору я уже не был наивным человеком.

И мне казалось, что я был готов к любым испытаниям жизнью.

Но когда в трубке раздался достаточно отстранённый, но вежливый и твёрдый голос какого-то мужчины, я вздрогнул.

Первая мысль была — а не послать ли мне этого «шутника» подальше за его неуместную шутку.

Но что-то меня остановило.

И я внимательно слушал неведомого мне человека, который настойчиво мне поведал, что сейчас я буду говорить с Генеральным секретарём ЦК КПСС Леонидом Ильичём Брежневым.

Он же мне сказал, твёрдо и многозначительно, что вопросов Леониду Ильичу мне не задавать, а чётко и внятно отвечать на его вопросы.

Примерная продолжительность разговора пять минут.

«Хорошо», — уже спокойно ответил я и придвинул к себе тетрадку с ручкой, чтобы записывать все вопросы Брежнева и мои ответы на них.

Все мы уже в ту пору знали, что у Леонида Ильича был график, и он, в зависимости от состояния здоровья и настроения, каждый день звонил то механизатору Петрову, то сталевару Сидорову, то директору завода...

А тут выбор пал на меня. Простое дело случая. В трубке раздался отчётливый щелчок, и я услышал знакомый, по телевизору, естественно, голос Брежнева:

— Здравствуйте, товарищ Кожемяко!

— Здравия желаю, Леонид Ильич!

Говорил он очень медленно, и было такое ощущение, что человеку не хватает просто воздуха.

— Расскажите, как Вы справляетесь с поставленными задачами по оказанию помощи труженикам сельского хозяйства наших центральных областей России? Сколько для этого привлечено сил? Личного состава и техники?

Он как-то долго кашлял, тяжело, хрипло, а потом, придя в себя, добавил:

— Это важная задача. И наша армия выполняет очень важную задачу, потому что селу самому не справиться в этих погодных условиях.

И он был прав. Дожди шли почти каждый день. И только знаменитые ЗИЛы, старенькие, но со всеми ведущими мостами могли пройти по бездорожью и грязи.

Я тут же ответил, в двух словах, что из себя представляет наша опергруппа по уборке урожая, сколько в ней личного со-

става и техники и сколько уже сельхоз-продукции вывезено с полей, по видам: картофеля, зерновых, фруктов, свёклы...

По его шумному дыханию я понимал, что он слушает меня. И как только я замолчал, он стал задавать мне вопросы.

Даже сегодня, глядя на них, можно со всей очевидностью сказать, что эти вопросы готовились специалистами, каким-то секретариатом.

Их было много: как местные партийные и советские органы помогают решать поставленные задачи; каково состояние правопорядка в районах уборки сельхоз-продукции; как органы МВД взаимодействуют с нами по поддержанию порядка на дорогах; какие просьбы есть к Центру...

Красн глаза я видел, как мой кабинет наполняется людьми. Здесь был и первый секретарь обкома партии Фёдор Михайлович, пожилой, с буйной сединой на голове. Фамилию, к несчастью, я забыл.

И председатель облисполкома, милицкий генерал, много иных начальников. Как они узнали о том, что я говорю с Брежневым, я не знаю и до сих пор.

Стояла звенящая тишина, все прислушивались к тому, что я отвечаю Леониду Ильичу и что-то записывали в блокноты.

Брежнев задал мне прямой вопрос: «А лично первый секретарь обкома (всё же, по-моему, Мешков) вникает в дела военных, помогает вам?», я честно ответил:

— Уважаемый Леонид Ильич, Фёдор Михайлович очень много внимания уделяет нашей деятельности. Открыт, доступен, руководство опергруппы в любой день и любую минуту может с ним встретиться, связаться, и возникшие проблемы разрешаются тут же.

Это было правдой. Вот бы сегодня чиновники такого уровня были столь доступны, столь искренни, столь деятельны.

— Ну, хорошо, товарищ Кожемяко, передавайте мои приветствия товарищу Мешкову. Желаю Вам успехов!

Разговор прекратился. То, что все кинулись меня расспрашивать, что было в начале разговора, меня не удивило.

Я сто раз повторил, благо, все вопросы Брежнева и мои ответы ему были записаны в тетради, но не знал, что сущий ад ожидает меня впереди. Уже через полчаса, а может и меньше, меня допрашивал министр обороны, за ним — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота, все иные начальники сухопутных войск и руководство округа.

Мне кажется, что у меня ноги дрожали к концу дня, и я уже просто физически не мог шевелить языком.

Отправив шифровку в адрес всех этих высоких начальников, в которой я изложил, в деталях, свой разговор с Брежневым, я успокоился. Но не тут-то было. Это было лишь началом моих терзаний и мук.

Ибо уже завтра, рано утром, ко мне прибыл какой-то поверенный от первого секретаря обкома партии и попросил прибыть к нему.

Только я зашёл в кабинет Мешкова, он,

тучный и грузный, энергично устремился мне навстречу. За столом заседаний в его кабинете сидело много людей, мыслю, что это были члены бюро обкома партии и руководство облсовета.

— Иван Иванович, мы тут с товарищами подумали и пришли к выводу, что было бы правильно, если бы задачи, вытекающие из Вашего разговора с Леонидом Ильичом, были обсуждены на собраниях партийного и хозяйственного актива во всех районах области. Разумеется, и на партактиве оперативной группы. Это вы решите сами.

Естественно, в ту пору от таких поручений отказываться было не принято.

Что-то больше месяца я ездил по районам области и выступал перед всевозможными категориями партийного и хозяйственного актива.

А если ещё добавить, что меня везде сопровождали толпы газетчиков и настырно допрашивали о разговоре с Леонидом Ильичом, то в конце своей миссии мне было уже страшно скучно и неинтересно.

В гостиницу «Орёл», где квартировали офицеры опергруппы, я прибыл измученный и уставший. И неслыханно удивился, когда администратор гостиницы, тут же встретившая меня у двери, словно поджидала месяц специально, сообщила, что по решению обкома партии мне «улучшены условия проживания».

Сказано было именно так, что меня неслыханно удивило. Меня полностью устраивал скромный номер, в котором я всё равно если и бывал, то не более двух-трёх дней в месяц. Остальное время — в подразделениях.

«Мы все Ваши вещи уже перенесли», — добавила администраторша.

И когда она распахнула дверь номера, мне стало нехорошо — меня ожидал трёхкомнатный номер, нужды в котором никакой не было. На мою попытку возразить против такого решения и отказаться от этого номера, эта милая женщина замахала руками и попросила:

«Иван Иванович, прошу Вас, не усложняйте мне жизнь. Я ведь никому не смогу объяснить, почему Вы отказались от этого номера. Это решение принято ТАМ», — и она указала на величественное здание обкома партии, которое было с гостиницей рядом, совершенно.

Так я и остался в этом номере, в котором, правда, и пришлось переночевать лишь несколько раз. Уборка подходила к концу, и я с заметным облегчением выбрался из этих «барских покоев», которые мне были совершенно не нужны.

И, чтобы не писать отдельную работу, к которой Брежнев уже не имеет никакого отношения, буквально несколько слов о втором происшествии на Орловской земле, которое со мной приключилось. Оно было менее приятным, нежели разговор с Леонидом Ильичом Брежневым.

В один из дней, я уже не помню какой, раздался голос, неведомо чей, который мне сообщил, что наш водитель стал причиной автокатастрофы с гибелью большого количества немецких туристов.

Слава Богу, что он успел назвать место происшествия. Я вскочил в уазик, и мы, только с водителем, до сей поры помню — Виктором, из Брестской области, призванным из запаса на уборку урожая, на предельно возможной скорости, понеслись к месту происшествия.

Я даже не взглядывался в прелести быстро меняющегося пейзажа, что делал всегда, потому что оставаться равнодушным к очарованию природы на Орловщине, в Курской области и на Брянщине, где мы и убрали сельхозпродукцию, было просто нельзя. Красота вокруг была неописуемая, но сегодня она мало меня занимала. Холодно сердце, и я думал, что делать в этой ситуации.

Часа через полтора мы были там. Зрелище было ужасным — красивый немец-

кий автобус, двухэтажный «Мерседес», упал с высокого обрыва, на крышу. Внизу копошились люди, масса машин «Скорой помощи», ещё тех, старых, стояли на шоссе.

Но спасти практически было некого.

Почти все погибли. Особые немцы — все они были участниками битвы на Орловско-Курской дуге, и в её годовщину приехали к местам боёв, где воссали на нашей земле в молодости. И суровая правда жизни, возмездия, и настала бывших захватчиков на земле, которую они испепелили и тщились завоевать.

Меня поразило спокойствие капитана ГАИ, который деловито прохаживался по обочине и был предельно уравновешен.

Я направился к нему и тут же спросил: «По Вашему мнению, виноват ли наш водитель, из «целинного батальона»?

Почему я так спросил — лишь потому, что на дороге стоял гружённый зерном «ЗИЛ-157», и на его ступеньке сидел солдатик, явно не богатрского роста, и курил. Капитан внимательно посмотрел на меня и спокойно сказал:

«Нет, товарищ подполковник, Ваш солдат тут ни при чём. Да он и подъехал уже тогда, когда всё это, — и он показал на автобус, — свершилось. Минут тридцать перед ним. Так что зря парня не мордуйте. Он первый и кинулся вытаскивать немцев из автобуса, молодец, не побоялся... Я думаю, что у водителя случился сердечный приступ, так говорят предварительно врачи, и он не смог удержать автобус на дороге. И слетел в обрыв. А местность у нас видится какая — холмы, как горки приличные...»

Я уже писал не раз, что мы рано взросли. Поэтому я тут же попросил капитана сопроводить меня к тому месту, откуда можно позвонить.

— Лучшее всего — в райком партии. Это недалеко и связь там приличная, — ответил он, и мы направились к моему уазу.

Через несколько минут мы были в райкоме партии. Нас встретила очаровательная молодая женщина, секретарь райкома, и с пониманием отнеслась к моей просьбе — срочно позвонить моему руководству, так как я представлял, что уже творится в опергруппе.

Первому я позвонил генералу Турло Петру Михайловичу, начальнику опергруппы, и доложил, что НИКАКОЙ вины в произошедшем нашего водителя нет. Тот облегчённо вздохнул: «Ну, слава Богу, а то нас с тобой уже чуть ли не четвертовать грозятся. Все звонят, и дежурный по ЦКП, и сухопутчики, и из округа».

И тут же «бросил меня под гусеницы» начальственного гнева: «Слушай, коль ты там, на месте, позвони всем и объясни ситуацию». И я стал звонить.

Первое, что я слышал после представления, все смертные кары, которые только и можно придумать, обрушивали на меня высокие начальники — меня и исключали, все, из партии, и снимали с должности, и говорили вообще о самой возможности моей службы.

Особенно неистовствовал Михаил Данилович Попков, член Военного Совета — начальник политуправления сухопутных войск.

Мы его и обиходно называли «Мехлисом» за кругой нрав и отсутствие какой-либо душевности. Бескомпромиссно.

Правда, и к себе был Михаил Данилович безжалостно требователен и работал в войсках дотошно, въедливо и отводя себе для отдыха лишь несколько часов.

И совершенно неожиданно меня спас капитан милиции, который в недоумении вслушивался в попытку моих объяснений с высокими начальниками. Он, молча, взял трубку из моих рук, и, представившись, совершенно спокойно оборвал Попкова: «Товарищ генерал-полковник, а что Вы тут распинаете подполковника? Никакой вины армейцев здесь нет! Катастрофа случилась из-за сердечного приступа водителя автобуса».

Попков, видно, попробовал и с капита-

ном милиции говорить в подобном тоне, как и со мной, но тот его оборвал и ещё раз заявил:

«Ну, так же нельзя. К слову, в районе нет ни одного происшествия по вине военных за весь срок уборки. Честь имею!»

И передал мне трубку. Конечно, Попков не извинился предо мною и поставил задачу доложить о происшествии шифровкой, что я тут же и сделал.

Спасибо врачу, и он предоставил своё предварительное заключение по данному происшествию, которое я и передал в адрес дежурных по политуправлениям сухопутных войск и Белорусского военного округа, где формировалась наша опергруппа, по факсу. На этом эта история и закончилась.

Но мне часто её вспоминали и потом, всю мою службу: «Это у тебя более сорока немцев погибло в дорожной катастрофе?»

И завершу эту историю возвратом к Брежневу. Мне кажется, что тот брежневский «застой», как первым сказал главный разрушитель СССР Горбачёв, был самой светлой порой развития Советского Союза.

Мы, за звёздами и орденами, которые услужливые холуи вручали Брежневу, забыли о том, что жили в стране Великой и Единой, в которой было просто немыслимо и подумать о событиях, сродни Украине, войнам в Чечне, кровавых событиях Оша и Ферганы, Вильнюса и Баку, Стена-накерта...

Мы забыли и практически вообще не говорим о значении для судеб мира Хельсинского договора, который позволил сохранить мир на Земле на столь длительный срок. А ведь это было самым значимым событием деятельности именно Брежнева и его старой гвардии.

При его правлении Россия сделала значительные шаги в развитии авианесущих тяжёлых кораблей, которые мы, в 90-х годах, по цене металлолома, продали Индии и Китаю... И ядерный подводный флот, который мы имели, гарантировал защиту Отечества от любого врага.

Да и сегодня, посмотрите, все флагманские корабли флотов — ракетные крейсера сработаны в пору Леонида Ильича. И служат безотказно до сей поры.

Как и вся стратегическая авиация, гражданский аэрофлот, самолёты которого, за копейки, летали в каждый районный посёлок. А сегодня не долетишь никуда, особенно — по Сибири и Дальнему Востоку.

Поэтому — не зря народ сам же и придумал жизненную мудрость, характеризующую брежневское время: «Жили при ком-

мунизме и не заметили, как сами же от него открестились». И последнее. Что бы ни говорили речистые Познер и Сванидзе, но у нас было двадцать три военных округа и группы войск, четыре флота, а хлеб всё же стоил 12 копеек. И мороженое — 8. Это я помню хорошо.

Кланяюсь Вам, уважаемый Леонид Ильич, Вашей светлой памяти фронтовика, который прошёл всю войну, не раз рисковал жизнью во имя нашей Победы.

А наносное, шелуха — она спадёт, и народ будет знать Вас и чтить, как патриотогосударственника, доступного и сердечного руководителя Великого государства.

Осенью этого же, 1982 года, Леонида Ильича Брежнева не стало.

Николай НАГОРНОВ

Поэт-бард Николай Петрович Нагорнов родился 16 декабря 1970 года в городе Тайга. Детство и юность его прошли на Алтае.

Был членом Международного Союза творческих сил «Озарение». Автор большого количества песен на свои стихи и слова других авторов, написал музыку новоильинского гимна.

Печатался в коллективных сборниках, хрестоматиях и периодических изданиях Кемеровской области. Дипломант поэтических и бардовских фестивалей в Кузбассе и Сибири.

Несколько лет жил в Прокопьевске. Был членом ЛИТО «Маяк». Организатор открытого городского поэтического фестиваля «Осеннее многоцветье».

Ушёл из жизни 25 октября 2015 года.

Связуя судьбы в добрый час!

Самая! Самая!

Милая! Нежная!
Боже, как сильно люблю!
Ты моё море безбрежное.
Солнечных бликов салют.

Ласточка! Ягодка!
Море волшебных слов
Произносить готов,
Сердцем одну любя —
Лишь тебя!

Солнышко! Звёздочка!
Счастье моё навсегда!
Месяц для нас, словно лодочку,
Моря качает волна.

Самая! Самая!
В мире твоих оков
Я раствориться готов,
Пленником стать, любя —
Для тебя!

Пора по парам

Я шёл неведомо куда.
Моя дорога бесконечно
Вела ни к тем порогам вечно...
Но вот, к тебе, вдруг, привела!

Мне настоящую любовь
Судьба так щедро подарила.
Жизнь набирает новой силы —
Творить великие дела!

Когда туманы разошлись,
Ты ярким лучиком блеснула,
Своим теплом меня коснулась
И две души в одну слились.

Всё рассказать тебе готов,
Как я искал тебя по свету.
Пусть счастье будет нашим кредо!
Тотемом будет нам — любовь!

Отдохни, мой свет,
От дневных побед,
От друзей, подруг
И от встреч, разлук.

Окупись в свой сон,
Пусть приснится Он,
Кто б усталость смог
Снять, больших дорог.

Отдохни, мой свет,
От любви и бед.
Улыбнись во сне,
Словно это мне!

Свидание под часами жизни

Я назначил любви под часами свиданье.
А она не пришла... время быстро идёт...
Вот, не молод уже, только снова с цветами
На назначенном месте — а вдруг повезёт!
Я почувствую нежно-горячие губы
И услышу волнующий всплеск из груди...
Не пришла... В вихре чувств,
вознесусь в небо, чтобы
С поднебесных высот своё счастье найти!

О, женщины! Вы так прекрасны!
Вы так кокетливо милы!
Ах, эти взгляды не напрасны —
Проникновенны и светлы!
И подчиняя разум гордый,
Смущают храбрые сердца.
Ведь даже лёд, холодный, твёрдый
Растопит женская слеза.
О, женщины! Вы так чудесны!
Для тайн, загадок рождены!
Вы без сомнения, небесны!
И только вами мы сильны!

Я корабликом плыву
В океане сладких снов.
В неземной любви живу
У далёких берегов.
Неприступный островок
Никого не допускал.
Я к нему причалить смог
И меня он привечал.
За туманом плотным скрыт,
Но не облачка над ним.
Целый мир стал мной забыт.
Этим небом я люблю!

Моё небо от звёзд устало...
Их отправлю к тебе звездопадом.
Чтоб на каждую ты загадала,
То, что сердцу для радости надо!

В душе благоухали розы,
Небес даруя благодать.
Росой в траве блеснули слёзы —
Счастливых слёз нельзя сдержать!
Ты мне шептала: Милый, любый!
И раскрывалась как цветок.
Жели поцелуй мои губы —
Не целовать тебя не мог!
Седьмого неба достигали
И всякий раз, как в первый раз,
На пике чувств любовь держали —
Связуя судьбы в добрый час!

Я о тебе одной мечтаю!
С мечтой ложусь и просыпаюсь...
Жаль, лишь во сне тебя встречаю,
Заговорить с тобой пытаюсь...
Ты не стараешься ответить,
Загадочно лишь улыбаешься...
Ужель тобой до смерти бредить?
В мой мир ты сказкой не ворвёшься...
А может, будет слишком поздно,
Меня когда-нибудь не станет,
И наш цветок любви увянет,
Не обвенчав земного с звёздной!

Журавль в небе

Что творится в её голове:
Полувзгляд, полуболь, полумрак...?!
Чья судьба в её новой главе?!
Кто же поднял над нею свой флаг?!
В чьих вьётся она облаках,
А в мои напускает печаль?!

Не хотела синицу в руках,
Всё смотрела безудержно вдаль,
Окунаясь в мечтаний туман —
Там спасение ждёт и весна!
И улыбку навевал дурман
Опьяняющих губ и вина...

Отпустил. Стало жалко её.
— Улетай! По назад не смотри.
Пусть другой греет сердце твоё,
Зажигает любви фонари!

Дивное! Дивное! Дивное лето!
Всё потому — ты со мной, а не с кем-то!
Сердце взаимностью нежно согрето!
Что за прекрасное, дивное лето!

Ты лучик золотой!
Быть яркой рождена!
Родник воды живой!
Волшебная Страна!

Мне сладок этот мед,
Что на губах твоих!
С тобой душа поет,
А сердца ритм затих.

Твой аромат мне мил,
Пред ним не устоять!
Прости, что полюбил
И не хочу терять!

Ищу, в своей судьбе запал,
На дне души — любви сердечной,
Чтоб этот мир меня промчал,
С любимой, по дороге млечной!

Чтоб в невесомости, среди звезд,
Ей звезды счастья зажигая,
Создать любви хрустальный мост,
От всех ударов сберегая!

Веселился, баловал
И влюбляться успевал...!
Но, увы, умчалось детство,
Хоть, его не отпускал.

Не открыл и я секрет,
Не утраты этих лет.
Только память еще может
Рисовать его портрет.

Помним школьные дела.
Помнит школа школяра.
Жизнь, во времени, все дальше
Нас от детства увела.

Вот бы в перст, одним щелчком —
Стать вновь юным казачком!
По траве или по пляжу,
Беззаботно, босиком!

Почемучкой, звонких лет,
Губкою вбирать ответ...!
Но один вопрос стал вечным —
В детство, кто дает билет?

Стали серыми дни, в тягость ночи.
Полюбив, я держу вновь удар.
Лишь однажды взглянул в её очи —
И покой навсегда потерял!

Что в душе назревало, копилось —
Донебесный явило фонтан!
Но в любовный настой просочилась
Безответность пульсацией ран.

Отцветут сады

1
Отцветут и опадут сады
Отправляясь в лето, в осень, в зиму.
Только есть на этом свете ты —
Цвет весны прекрасный и ранимый.

Я тебя в букет не соберу —
Слишком велики твои просторы.
Вешний цвет теперь у нас в саду
Рассыпает райские узоры.

2
Две судьбы, две нити, две мечты
Связаны теперь в единый узел.
В сердце распускаются цветы
И в душе моей порхают музы.

О, судьба, ты подарила нам
Цвет любви — спасенье и отраду.
Пронести хочу через года
Я в своей душе цветенье сада.

3
Отцветут и опадут сады
Отправляясь в лето, в осень, в зиму.
Только есть на этом свете ты
Цвет весны прекрасный и ранимый
В моем саду
В твоём саду
У нас в саду

Моя душа

1
Моя душа заходит чуть дыша
В любви рассветы и закаты,
Плывет, словно, по нотам, не спеша.
Семь чувств имеем, этим и богаты.

И высоко, на облаках страстей
Все ловим, ловим мы за хвост удачу.
Там радуга рассеет мрачность дней
И ночь от нас луны и звезд не прячет

2
И продолжая этот бурный бег
В любви своей, судьбе на встречу
Каким бы ни был наш предельный век
Углы загладим, выпрямим, залечим.

И высоко, на облаках страстей
Все ловим, ловим мы за хвост удачу.
Там радуга рассеет мрачность дней
И ночь от нас луны и звезд не прячет.

г. Прокопьевск.

Дамир ИБРАГИМОВ

Родился в селе Казанка Новосибирской области 9 сентября 1972 года. Однако родиной он считает Алтай, где прошли его детство и юность, где он учился в школе и совершал с друзьями походы в горы, где начал писать первые стихи и откуда пошёл служить в армию. Срочную службу прошёл в пограничных войсках в Крыму, ещё в советский период.

В Новокузнецке, где он получил диплом Кемеровского государственного университета по специальности «учитель русского языка и литературы», живёт с 2007 года. Творческий рост особенно заметен был в связи с посещением литературного объединения «Гренада» под руководством Любови Никоновой, которая рекомендовала его для участия в областных и городских семинарах молодых поэтов в 2007-м и 2008 годах.

Читать Дамир любит с детства. Первую любовь к поэзии и прозе привила ему его мама. Среди любимых поэтов, многие стихи которых он помнит наизусть и цитирует, – Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Гумилёв, Мандельштам, Евтушенко и многие другие. Среди любимых произведений, прочитанных Дамиром, можно упомянуть, кроме произведений классиков, книги в жанре фантастики, исторические и мистические книги; философские и эзотерические труды разных авторов и многое другое.

В настоящее время Дамир Ибрагимов посещает литературное объединение «ЛиТЕРРА».

«Во все стороны свет расплескался...»

Вдохновенная, где ты скрываешься?
И кто тот счастливчик сейчас,
Кого ты улыбкой касаешься,
Не сводишь с кого ясных глаз?

Ради встречи с тобой навсегда
Я года превращаю в мгновенья.
Ты нездешнего неба звезда,
Промелькнувшая в миге прозренья.

Мы невольные времяубийцы,
Террористы Вселенных своих.
Человек, словно пьяный, стремится
К забытью средь понятий земных.

Позабывшие дети Вселенной,
Бесконечных фантазий ловцы.
Шёпот снов всех былых поколений
Искажившие горе-певцы.

Мир – великий алтарь для закляний;
Власть, богатство, а с ними семья –
Цель всех дел и мирских заклинаний...
Эту хитрость придумал не я.

Но духовной надмирною властью
Заповедана тайна сия:
На тропинке к всеобщему счастью
Все сойдутся – враги и друзья.

В общей цели сольются народы,
Улыбнутся рабам господу,
Чтобы вместе в святые походы,
Как тот зверь, что бежит на ловца.

Заманила в волшебные сети
Нас святая улыбка твоя,
Многогранно единая в свете,
Как моё и всеобщее Я.

Искушает и манит свобода,
Как вино опьяняет тоска.
Оттого так бунтует природа
В сердце и мудреца, и глупца.

Кто в себе победил честолюбца,
Тот проснётся наутро, любя,
Вечно-юное древнее чувство,
То, что дремлет в душе у тебя.

Голос флейты то тише, то звонче.
Но откуда, где эти края?
Мчимся к звёздам со скоростью гончей,
Ускользая от пут, как змея.

Постоянно меняются ходы,
Разрушая в душе все «нельзя»,
Обновляются старые коды,
Возвращаются тени-друзья.

Затаилась в лучах сверхсознания
Золотая невеста творца,
Что для нас прерывает молчанье,
Иногда раскрывая уста.

И не то, что мечтали услышать,
И что глазом увидеть нельзя.
Чистота устремляется свыше,
Растворяя всю тьму бытия...
30.09.16.

«Если вы познаете
скрытые цели всех вещей,
вы благословите тьму,
как благословляют свет».

Х. Джебран
«Пророк – эссе».

Среди снов и теней
Затерялась тропинка заветная.
Меж корней и камней
И дурманящих трав неприметная.

Настоящая мысль,
Мысль запретная в сердце стучится:
Этот путь, эта высь
И трава...

Может, это всё снится?

Эта горькая сладость –
Ну разве такое бывает?
Безутешная радость
Бесстрастно за мною ступает.

Наступает момент,
Наступает и вновь отступает
Тихой вспышкой, и свет
Утешающе тьму обнимает.

Здесь становится вдруг
Доброта устрашающей силой
И терзаньем всех мук,
Исцеляющей, страшной и милой!
Д
ля чего нам идти?
И чему предстоит научиться?
Но мы снова в пути,
Забывая о том, что он снится...
17.12.16

Познакомиться с каждым поэтом?
Всё возможно – лишь томик открой.
Блейк и Блок да поделится светом
И Есенин тряхнёт простотой.
Если хочешь, то можешь поспорить
Даже с Пушкиным или Басё,
Прогуляться с Гомером по морю
И Ахматовой высказать всё!
Всевеликое братство поэтов,
Словно с равным, с тобой говорит.
И вопросы не просят ответов,
Если Музы смеются навзрыд!
18.12.16

Искушенье включить телевизор,
Чтобы вновь отключить тишину,
Внешней формы обманчивый вызов:
Секс и деньги, рекламу, войну.
Все мозги утопить в интернете:
Нету мыслей, лишь странный экстаз –
И очнуться почти на рассвете –
На работу вставать через час.
И опять ведь разводят, как лохов,
Не хозяева этой страны.
Меж компьютерных стонов и вздохов
Им покорные дурни нужны...
18.12.16

Сию в интернете

Бесконечных историй источник,
Независимой ставший страной,
Серебро странной сказки восточной
Под компьютерной яркой луной.

На экране заря догорает,
Светит месяц, восходит луна...
Скорость странствий души нарастает
В той игре, где не видно конца.

Царство бурь и подводных течений,
Знаний столько, что просто не счесть:
Виртуальную пищу сомнений
Приправляет блаженная весть.

Здесь меняются люди, народы,
Там восходы закаты теснят...
Представители новой породы
На компьютерном троне сидят.

Проявляется образ героев:
Раньше были прочней, чем скала,
И сейчас отражений странною
Управляют – такие дела.

Тут тропинки сплетаются в сети,
Лабиринтам не видно конца,
И советов не счесть в интернете,
Тех, что вдребезги лечат сердца.

Запускаешь нажатием клавиш
В древний мир миллион голосов,
И с пространства, которым ты правишь,
Всех иллюзий снимаешь засов.
Октябрь 2016

На коленях стою перед троном
И доспехи сверкают мои.
Был я рыцарем или бароном
У престола Святого Луи.
«Перед новым крестовым походом,
Дай священную клятву, вассал,
Кары божьей восточным народам, –
Торжествуя, Людовик сказал. –
Сарацины у гроба господня
Строят мерзкие храмы свои,
Призывая весь мрак преисподней
На святой город Иерусалим».
Вот уже я в толпе крестоносцев,
У причалов нас ждут корабли.
Говорят, что там мало колодцев,
И бесплоднее нету земли.
Ветер рвёт паруса и знамёна,
Берег Франции скрылся вдали,
И печальные мысли барона
Далеко... в палестинской пыли...
20.12.16

Людмила Танковой

Мне сказала хорошая женщина –
Журналистка:

«Пришли мне стихи».
Я в ответ ей притворно застенчиво:
«Пу, за что? За какие грехи?»
Если честно, не очень-то пишется...
По поверхности жизни скользит,
Или как-то лениво колеблется
Мысль, как сонный наевшийся кит.
Но она всем своим обаянием
Надавила, и ясен итог:
Прорвалось – я почти без старания
Из души эти строчки исторг!
Всем, кто верит в меня, посвящается...
Улынуло, а в горле комок:
Сколько строчек по сердцу скитается?
На свободу их,
дай только срок!
17.12.16

Женщина

За стеною соседская ссора:
Они часто так дико шумят.
Но, надеюсь, помирятся скоро
И в любовь поиграть захотят.
Вот во что превращается женщина:
Вся она — то лекарство, то яд;
Как природы стихии изменчива,
А мужчины и так всё съедят!
Эта часто блондинкой становится,
Пряча тёмный загадочный взгляд.
Или зря утверждает пословица:
«Па метле они к звёздам летят».
Отчего эта шумная ссора
Вдохновила меж явью и сном?
Я люблюсь на звёзды и город,
Вдруг соседка летит за окном...
17.12.16

Ты

Во все стороны свет расплескался,
И мелодии жизни — ключом,
Просто голос любимой раздался
За моим задрожавшим плечом.
Словно светом пропитано тело,
Этот взгляд и улыбка твоя.
Бог эльфийкой весёлой и смелой,
Несомненно, задумал тебя.
Неустанно тобой восхищаться,
И любить тебя — чистый экстаз.
В глубине этих глаз потеряться,
Так мгновеньем становится час.
Сердце милой — священная тайна,
Светоносная нить бытия.
Иногда в своих мыслях нечаянно
Ариадной зову тебя я.
И руки твоей тонкой касаясь,
Понимаю, как счастлив поэт:
Пилигримом за музой скитаясь,
Он ответною лаской согрет.
22.12.16

Я хочу стать настолько богатым,
Чтоб тебе подарить этот мир,
Все восходы его и закаты,
Небо, цветом как яркий сапфир!
Для тебя золотые палаты,
Все сокровища света тебе.
Мне же меч и блестящие латы.
И спасибо за это судьбе!
Я хочу научиться полёту
И любимую в небо поднять.
Начинаю за словом охоту,
Чтобы песней о ней рассказать!
22.12.16

Мой ангел из плоти и крови,
Но в сердце из света душа.
Мой ангел лучится любовью,
Что лаской берёт без ножа.
Мой ангел бывает серьёзным,
Хоть часто дурачится он.
Бывает и скромным, и звёздным,
И мыслью горит, как огнём!
Мой ангел — он в женском обличье,
С веснушкой на тонком носу.
Красивая, до неприличья.
А имя её не скажу!
23.12.16

Вразнобой заскакавшие мысли,
Неуютно, когда голова,
Как компьютер от вирусов, виснет,
И уже не от сердца слова.

Тот момент, когда я удачу,
Как жар-птицу, за хвост ловил:
На душе всё было иначе —
Я себя и весь мир любил.

Это жизнь задаёт задачу:
— Подключайся к моей сети
И весь свет получай в придачу.
А удача уже в пути!
24.12.16

Когда, как в какой-то прострации,
Весь мир замирает вокруг,
В груди, словно в скрытой рации,
Набатный проносится звук.
Стук сердца — набат колокольный,
Невидимый взгляду протест:
— Глупец, добровольный невольник,
Несущий куда-то свой крест.
Послушай, несчастный счастливцев,
Прислушайся, нищий богач,
Покуда с душой не разбились
Набатные гром, смех и плач!
24.12.16

Быть заносчивым или грубым,
С покровителем за плечом.
Целовать покорные губы,
Отворив их денег ключом.
И героем, а не дешёвкой,
Как при этом себя считать?
Примитивной ума уловкой,
И себе, и другим солгать?
Алкоголем легко лечиться,
Совесть так погашает счёт:
Паливай, и опять приснятся
Уважение и почёт.
24.12.16

Навеяно Толкиеном

Прекрасная Арвен ждала Арагорна
Две тысячи лет, хоть вздыхала семья.
А он был бродягой без крова и трона,
По рода древнее не знала земля.
Бессмертье на срок человеческой жизни
Вот так же праматерь её, Лютисн,
Чтоб эльфы рыдали на горестной тризне,
Сменила... И что получила взамен?
За армией призраков, тропами смерти
Уводит он с севера серый отряд.
А следом за ним, сквозь гранитные двери
Уносится Арвен тоскующий взгляд.
От стен Минас-Тирита движется войско
Под знаменем, с сильным вождём впереди.
А в сердце эльфийки опять беспокойство,
И страх за героя в прекрасной груди.
Сбывается магия древних пророчеств:
Над царственной парой звезда Лютисн,
Недолгое счастье в веках одиночеств
Бессмертной со смертным,
как сладостный плен.

28.12.16

По мотивам «Тёмной башни» Стивена Кинга
Дал обет, что дойдёт до конца,
Ради мира дал страшную клятву.
На курки револьверов отца
Нажимая, смертельную жатву
Он собрал.
Умирали враги и друзья.
На пути запердельном и страшном
Он порою не помнил себя,
Мир мерещился Тёмною Башней,
Как во сне.
Перекрёстки времён и эпох,
Где лучи всех порталов сходились,
Он прошёл, хоть был мир уже плох.
Как красиво безумцы сразились
В поле грёз...
29.12.16

Китаец — мудрец и шутник,
Из старых замшелых времён,
Владыке сказал напрямик:
«Враньё украшает твой трон».
И шут при придворных сказал,
Сказал самому королю:
«Опять холуёв полон зал,
Я всех их за подлость люблю».
В Кремле Жириновский кричит,
И зрители любят его.
А Дума в массовке молчит:
Быть всем ко двору нелегко...
09.01.17

«Расцветает Дух,
как роза мая»
И.С. Гумилёв

Улетучился запах и вкус,
Чёткий образ земных откровений.
Но душа, словно огненный куст,
Сквозь туманную дымку сомнений
Расцветает.
Чьей-то мысли пугливая лань
Ускользает от образа волка.
Вьётся времени тонкая ткань,
Из сознания осколки восторга
Исторгая...
09.01.17

Поэзия

Летят золотые корветы,
Летят, полыхая в глазах!
Великих поэтов сонеты
Гудят в небесах и ушах!
Влюблённый в тоску, как безумный,
Лекарство ищи от тоски.
Терзай же душевные струны
И сердце разбей на куски!
Нельзя быть с мечтой хладнокровным,
С мечтой, что рождает стихи,
Когда в суеде монотонной
Жизнь ровной полна чепухи...
12.01.17

Сказание о Золотой
Женщине

1
Сколько их было — походов
Солнцу и ветру встречь,
В шкуры одетых народов...
Бурь и свирепых сечь.

На всех хватало добычи:
Дичи и соболей,
Чудных своим обличьем
Жён племенных вождей.
За смелым или атаманом
К дикой земле — Югре.
Слышь, за златым болваном,
У диких на алтаре!
Стрелы так страшно пели,
Чудный протяжный вой:
«Русские, как вы смели
Богине мешать земной!»

Кто видел в бою вогулов
С их яростной красотой?
С каким удалым разгулом
На нас они шли толпой!
С их верой, такой простодушной,
Легко умирали они...
Быть к смерти как равнодушным?
Даже когда враги
Собою от нас укрыли
Тот образ для них святой...
И мы его не добыли,
Он былью стал золотой...

.....
Молитвы и дань Богине
Златой, кто несёт сейчас,
В тайге и небесной сини
Сиянью лучистых глаз.

Куда ты от всех укрылась,
В мерцаньи какого дня?
Но будь эта не забылась...
Меня для неё храня...
14.01.17

2
Во всей пестроте поверий
Сибирских лесных народов,
Есть тайна сакральной двери,
Укрытой от всех природой.
Пылает святая тайна,
Манит на холодный север
Людей, не совсем случайных,
Тех, кто в неё свято верит!
Украшенная рубином,
Горящим в её короне,
Там молча сидит богиня...
Златая, на скромном троне.

Лучистыми льёт глазами
Безмолвно любовь вокруг.
И даже зимой цветами
Пестреет таёжный луг...
20.01.17

3

Крепкие мускулы первопроходца,
Ясный взгляд на открытом лице,
Скулы крутые, кровь инородцев
Выдают в матери или отце.
Археолог, идущий по карте старинной
К древним стоянкам угорских племён.
А в разуме плещет яркой картиной
В полнолуние, вчера приснившийся сон.
Женщина с янтарно-лучистыми глазами,
Чей свет замечен издавала,
Обращается к нему певучими словами
Непонятного, но дивного языка...
Он чувствует, что переходит границу —
Шаткий мостик смещения яви и сна.
Подходит к роднику, чтобы умыться,
И в нём, прозрачном, её глаза...
20.01.17

4

В золотистом сиянии дня
Золотое Богини сиянье.
Археолог молчит у огня:
Сам себя созерцает в молчанье...
Он в горе видел скрытую дверь
И не смог в дивный мир достучаться.
Не пройдут человек или зверь,
Но он мыслью сумеет прорваться!
Пусть в дороге застанет закат,
Но в душе он уносит богатство...
Быть искателем — значит искать,
А не просто за золотом гнаться.
28.01.17

5

Много в душах укрылось святынь,
Тех, в которые хочется верить,
Всех земных и небесных Богинь,
Что в открытые разума двери
К нам взывают...
.....
Золотая легенда Югории,
Той, что сейчас зовётся Тюмень,
Стала давно достоянием истории —
Ягелем местным, который жует олень.
Но есть, слава Богу, упрямцы-искатели,
Романтики — сила русской земли,
Что, как когда-то золото старатели,
Ищут тайну и рядом, и где-то вдали.
Готовые обыскать небо и землю
И душу вывернуть всю набекрень;
Для них только смелых путь приемлем,
Им отвратительны хитрость и лень!

А тайна — она является достойным,
Не обязательно тем, кто в пути.
Как орешек становится кедром стройным,
Так и мы можем сердцем до звёзд дорасти!
28.01.17

6

Природа являет образ Богини,
Любовью дышащий, а значит, живой;
В лесах, океанах и пустыне
Неповторимо-небесный и земной.
Отчего многие на распутье?
Не сроднились ещё душа с душой,
Не поняли собственной золотой сути,
Не прониклись ею — то есть собой...
Иным природа Вечной Певестой,
Паполненной светом и чистотой,
Видится парящей в золотистом блеске,
Как мастеру, что отлил её золотой...
Дикие сражались и погибали
За идола, который стал их судьбой,
Но смерть за неё они благом считали
Всей первобытной своей простотой!
И мысль убегает в седые дали,
Или в небо дерзко зовёт с собой.
Вот так и наши предки мечтали
Приобщиться к высшему наивной душой...
28.01.17

Людмила Иванова-Выгловская

Родилась 10 января 1940 г. Живет в Новокузнецке. Металлургии посвятила 34 года. Свой поэтический путь начала в 40 лет. Первые публикации появились в газете «Металлург». Встречи с писателями и поэтами помогли ей расти в творчестве. Печатались в альманахе «Озарение». В 2007 г. издала сборник стихов «Кузнецкие мотивы». Ее стихи вошли в сборники «Гармония слова», «Ангел мой», «Избранное», «В сахарном инее грозды калины», «Осенняя рапсодия». Составитель сборников «Поэзия – мелодия души» и «Металлурги – для Победы!» В 2015 г. издала сборник стихов «О чем же шепчутся березки». Участник новокузнецкого фестиваля «Февральские метели» и междуреченского «Дружба».

Слёзы в подушку

Отрывок из повести

Как-то баба Марфа посадила Леночку на свою большую кровать.

— Сиди, не вставай, пока я слажу в подпол за картошкой, — строго сказала она.

Вздыхнула тяжело, погладила девочку по головке. «Сиротинушка», — проворчала она и начала отбрасывать тканую дорожку в центре комнаты. Подняла четыре специально обрезанных половых досточки.

Лена, вытянув шею, с любопытством заглядывала в открывшийся лаз. Тёмное подполье всегда страшило и влекло девочку своей неизведанностью.

Там, внутри, в подполье наверное, было много интересного, только темно и холодно. Вот заскрипели ступеньки деревянной лестнички, это баба Марфа, взяв ведёрко, стала спускаться в подполье.

Ведёрко цепляется за ступеньки и грохочет, баба Марфа тяжело кричит. Трудно, наверное, по лестничке в темноте идти. Вот Леночка летом на улице по лестничке быстро взбиралась и спускалась...

— Гляди-ка, что я нашла, — весело сказала баба Марфа, выглядывая из подполья, — такая весёлая картофелина. Видишь, сколько на ней ещё маленьких картофешек! Получилась куколка. Вот ручки, ножки, даже пупок есть. Вымою её, и будешь с ней играть. Потом мама купит тебе настоящую живую куклу.

Положила на пол большую картофелину, обросшую кругленькими, небольшими наростами, а сама снова спустилась вниз. И правда, картофелина была похожа на куколку, её можно и покачать, и завернуть в лоскутки...

Из подполья слышались бормотание и всхлипывания бабы Марфы. «Наверное, ей страшно в темноте? — подумала девочка, — скорее бы поднималась...»

Только без бабы Марфы в комнатке становилось просторнее. Вечером приходили все: и Василий, и дочь с внучкой бабы Марфы Лидой, и тогда комнатка гудела, как улей.

Лена любила гулять по улице с Лидой и соседскими ребятами. Там было столько интересного.

Правда, однажды случилась беда. Началось с того, что перед их домом остановилась карета «Скорой помощи». В те годы машин не было, а были кареты, на которых к заболевшему человеку приезжал врач или фельдшер. Карету везла лошадь.

Вот и в тот день по улице пронеслась карета. У подъезда, где жила семья Лены, лошадь остановилась, как вкопанная. Из неё вышли двое мужчин и бегом направились в подъезд.

Девочки бросились следом. Двери в их квартиру были открыты настежь,

внутри толпился народ.

На высокой бабушкиной кровати стояли двое мужчин, они держали Леночку за ноги вниз головой и трясли, что есть силы. Потом посадили на кровать, заставили выпить ковш воды и снова начали трясти за ноги.

— Пальцы в рот толкай, — кричал один из мужчин, — чтобы вытошнило!

Соседи сокрушённо качали головами, баба Марфа всхлипывала.

— Не выживет... — обречённо сказали в толпе.

«Как так, почему не выживет?» — пронеслось в голове ребёнка и, сорвавшись с места, Лена стала пробираться сквозь толпу. Слёзы текли ручьём по лицу. Она плакала и кричала:

— Папочка, не умирай!

Добравшись до кровати, девочка всё пыталась хоть раз поцеловать отца, думая, что ему от этого станет хоть чуточку легче.

Сердобольные соседки отвели девочку в сторону, а чужие мужчины понесли отца в карету. Кинулась Лена вслед за понесшейся по улице каретой, в надежде догнать и ещё раз поцеловать больно-го.

Клубы пыли быстро осели. Улица снова была пустыня. По лицу малышки текли слёзы.

— Не плачь, дитятко, — подошла к ней баба Марфа, — выживет твой папка. Хорошо, врачи быстро приехали. Говорят, что заворот кишок у твоего папки.

Старая и малая сиротливо пошли к дому, постоянно оглядываясь, будто надеялись увидеть бодрого и здорового Василия.

Прошло время, и Василий выписался из больницы. Он не вернулся в дом своей матери, а снял комнатку у одной из сотрудниц цеха, где Василий и Галина работали.

У хозяйки дома был сын Вася, одногодок Лены, а потому дети часто играли вместе на улице.

Как-то они увидели, что взрослый парень, проходя мимо, плюнул в колодец. Дети закричали на хулигана:

— Что ты делаешь? Зачем плюёшь? Как тебе не стыдно? Из колодца люди воду пьют. Ты такой большой, а дурной!

— Брысь! — цыкнул на них парень.

— Я не кошка! — крикнула Лена, — не брыськай и не плюйся!

Разозлившись, хулиган бросил в девочку камнем. От удара Лена упала и почувствовала, как по голове потекла кровь. Соседи подняли крик, на который на улицу выбежала Галина. Она подхватила окровавленную дочь на руки и побежала с ней вниз под горку. Там находилась ветеринарная больница.

Уложив раненого ребёнка на кушетку, ветеринар обработал ранку.

— Надо нести девочку в больницу, — сказал он.

— Спасите дочку, — рыдала мать, — не дайте ей умереть!

— Я лечу животных, а не людей, — улыбался врач, — и дочка ваша не умрёт, ей просто надо ранку зашить.

Больше Лена ничего не слышала, она потеряла сознание.

Вскоре Василию и Галине дали комнату в бараке рядом с огнеупорным цехом №2.

Леночке кирпичные трубы цеха казались гигантами, стоящими за оградой, а сам цех — большим домом, где работали мама и папа. Каждый вечер она бежала к проходной, чтобы встретить отца после смены. Важно разговаривала с добрыми женщинами-вахтёрами, которых знала всех по именам. Увидев идущего отца, девочка подпрыгивала от радости. Взявшись за руки, они, счастливые, шли домой.

Отец рассказывал о тех цехах, мимо которых они шли.

— В гончарном цехе делают кувшины, — рассказывал он, — а здесь работает стеклозавод. На нём изготавливают пивные кружки, бутылки, стаканы и даже красивые ёлочные игрушки.

Это было очень интересно, и Лена с толпой местных ребятшек часто бегала к распахнутым окнам стеклозавода. Ей нравилось смотреть на рабочих.

Цех был небольшой. В нём горела печь, почти такая же, как у бабушки в деревне, только эта была размером больше.

Рабочий, одетый в комбинезон, говорил ребятишкам:

— Давайте потише, а то и без вас тут жарко.

Иногда давал по блестящему стакану, тогда все разбегались по домам.

В другой смене рабочий, видя, что около окна собралось много детей, говорил:

— Так, сколько вас? Дам каждому третьему по стеклянной указке, и все шагом марш домой!

Мужчина брал метровую трубку, окунал её конец в жидкое стекло, затем помещал в печь. Немного крутил трубку в руках. Стекло вытягивалось витой верёвочкой, становилось всё уже и уже. Потом рабочий охлаждал, обрезал и отдавал детям указки.

Как-то Василий показал лаз в свой цех. Недалеко за гончарным цехом в высокой ограде две доски держались только на верхних гвоздях. Если доски отодвинуть, то можно было незаметно пройти на территорию цеха. Отец сказал, что Лена может приходить к нему в цех в

двенадцать часов, когда начальство на обед уходит.

С тех пор Лена к двенадцати часам бежала к этому лазу. Быстро научилась ориентироваться на территории цеха. Когда шла по территории, всё время оглядывалась по сторонам, с интересом разглядывала рабочих, смотрела на рельсы для вагонеток.

Товарищи по работе говорили Василию, кивая головой на идущую девочку:

— Смотри, Василий, вон дочка идёт!

Мужчина опускал глаза смущённо. Ему некогда было разговаривать, и он не разрешал девочке долго быть в цехе. Он говорил:

— Шамотная пыль очень вредная. Ты бы, Леночка, принесла нам лучше холдинской водички.

Тогда малышка брала литровую банку, стоявшую рядом, и шла к автоматам. Они стояли недалеко. Напившись досыта, она несла банку с холодной газированной водой отцу и его друзьям.

Каждого из них она знала очень хорошо. Вот Иван Черевко — рослый и красивый мужчина. Под стать ему его красавица жена Таня. Закоренелый холостяк Валентин Гуськов с волнистыми волосами и голубыми, как небо, глазами. Женщины его просто обожали. Отец Зои, подружки Лены, Василий Рожков. Кроме дочери, у него росли ещё трое сыновей.

В праздники и в выходные любил друзья собраться вместе. Играли в подкидного дурачка, пели песни, шутили... В общем, любили и поработать, и повеселиться.

Любила девочка праздники и демонстрации, потому что отец всегда брал её с собой. Рабочие собирались около столовой. Играли гармошка, нарядные женщины плясали и пели.

Правилось девочке смотреть на красивых, счастливых, веселых людей. А когда подходило время, все выстраивались в колонны и шли к проходной, потом на площадь. Шли и пели, веселились.

Мать Лены после родов не работала. Много хлопот доставлял ей маленький сын.

— Хватит с тебя, — твёрдо решил её судьбу Василий, — в войну нарабаталась. Займись детьми!

С появлением в семье четвёртого ребёнка комнатка в бараке стала совсем тесной. И мать решила определить Лёну в детский садик, что располагался неподалёку в добротном одноэтажном кирпичном здании. В одной половине была младшая группа, в другой — старшая.

Во дворе детского сада росло большое раскидистое дерево — дикая яблоня. Она буйно расцветала весной, и её аромат чувствовался по всей улице.

Осенью созревали маленькие красные плодики. Воспитательница вела детей к ранетке, потихоньку трясла дерево. На землю сыпались ранетки, и дети собирали лакомство, ели и спорили: кто больше соберёт. Собранные плоды несли на кухню. Добрая и приветливая повариха раскладывала ранетки на противень и запекала в духовке, посыпая их сахаром. Так что на ужин у ребят была вкуснейшая запеканка из ранеток. Готовила он и винок ранетки: сушила их в духовке, варила из них компоты и радовала воспитанников лакомством из своего сада. Яркими и запоминающимися для Лены были и утренники, на которые приходили мамы и папы, чтобы порадоваться успехам своих детей.

Конечно, Леночке очень нравилось в детском садике. Любила она участвовать в концертах. Стоило заиграть музыке, как она пускалась в пляс: плясала цыганочку, барыню, яблочко, матросский танец — будто родилась и выросла для танцев.

Её партнёршей по танцам была маленькая девочка Людочка Кривцова. Танцевала она и с дочерью знаменитого прокурора Миргородского.

Три танцовщицы были участницами всех праздников. А Миргородская обладала ещё и красивым голосом. От её песен зал замирал в восторге, и таяли ожесточённые за войну души и сердца, слушая, как переливается, звенит, как журчащий ручёёк, голос маленькой девочки.

Заведующая детским садом была добрая и приветливая женщина, она любила всех детей, как своих родных. Встречала всех с улыбкой и «заряжала» своей добротой.

Переодевая маленьких артистов в костюмы перед выступлениями, заведующая обнимала их и говорила:

— Девочки мои, вы сегодня должны выступить очень хорошо. К нам на утренник придет наш шеф — Евгений Михайлович Салов. Всё зависит от вас. Выступите хорошо, тогда у вас будут ещё лучше костюмы, и подарки тоже будут хорошими.

И три девочки старались...

Мама Лены всегда сидела рядом с Саловым. Рослый, привлекательный мужчина сидел, положив ногу на ногу. Хорошо начищенные сапоги блестели. Чувствовалось, что ему здесь нравится. Он очарованно смотрел на выступление и, улыбаясь, что-то говорил шёпотом Галине.

Та в ответ тоже улыбалась, отвечая кивком головы.

Часто мама перед концертом просила Лену:

— Доченька, будешь танцевать и поправляешься со мной — подмигни мне. У тебя это так здорово получается, особенно когда ещё и улыбаешься.

Но Лене было не до улыбок, ведь у неё не было передних зубов. Ей казалось, что она выглядит смешной, и не знала, что она очаровательна.

Проплывая в танце мимо мамы, девочка старалась смотреть на неё, кивала головой и подмигивала.

Мама и Салов улыбались.

Как-то после утренника они стояли и о чём-то разговаривали. Лена подошла к матери и попросила:

— Мама, не уходи, подожди меня.

— Галя! — воскликнул Салов, — так это твоя дочь? И ты молчала? Ну, умница!

Мужчина погладил девочку по голове.

Прошло время, и наступило первое

сентября. Накануне мама сшила Леночке сумку через плечо из тёмной ткани, остригла девочку наголо.

Вот так и повела дочку в школу, которая располагалась недалеко в одной половине барака.

Одна половина — детские ясли, вторая — школа.

В школе было четыре класса и большой зал, в котором проводили физкультуру и перемены.

На переменах все дети вставали в круг или в два и, положив руки на плечи впереди идущего, шли и пели.

Лена редко вставала в круг, потому что у неё кружилась голова, когда круги шли навстречу друг другу.

Не всегда ей нравились песни. Особенно песня про поросёнка.

«Между небом и землёй

Поросёнок рылся

И нечаянно хвостом

За небо зацепился».

— Дурацкая песня! — сердилась Лена, выходя из круга. — Лучше песни не пали! Разве может поросёнок до неба достать?

Учительница на самом первом уроке сказала:

— Дети, я научу вас читать, писать и решать задачи. Вы узнаете, что такое Родина. Я расскажу вам о глобусе, Земле и Вселенной. Познакомлю с творчеством писателей и поэтов.

Вы узнаете очень многое, слушайте и запоминайте, самое главное — учитесь. Я вас всех люблю!

Вы будете жить и радоваться жизни. Сейчас трудное время, но со временем всё наладится и мы будем жить лучше. Поверьте!

Леночка познакомилась и подружилась с дежурной, которая колокольчиком подавала звонок на урок и на перемену. У неё была маленькая комнатка, в которой стояли стол, две лавки, а напротив на стене висели часы. По этим часам дежурная и звонила.

Иногда девочка заходила в эту комнату, даже после уроков, чтобы поговорить с дежурной.

На большой перемене учительница раздавала ученикам маленькие листочки жёлтой грубой бумаги. На них сыпала по чайной ложечке сахару и клала по маленькому кусочку чёрного хлеба. Все ели молча, стараясь не обронить ни одной крошки.

С наступлением сильных морозов в школе стало так холодно, что замёрзали чернила в чернильницах. Галина из солдатской чёрной шинели сшила дочери хорошие шаровары. Они были грубоваты и кололись, но были тёплыми.

Из всех уроков Лене очень нравилось рисование.

Как-то уже во втором классе учительница предложила детям проиллюстрировать басню Крылова «Ворона и лисица».

Пока ребята раздумывали, что нарисовать, Лена быстро нарисовала в своём альбоме. Взяла альбом соседки и нарисовала ей. Обернулся Толя Сёмушкин и попросил ему нарисовать. Три разных рисунка за урок — девочка была счастлива.

Но учительницу не проведёшь. Она оставила Лену после урока и пояснила ей, что нельзя выполнять работу за других.

Нужно, чтобы они сами учились. Ученица согласилась, кивнув головой.

Запомнилось Лене, как их принимали в октябрята.

Они пришли в школу №18, которая находилась на окраине Шахтёрского

сада. Знаменит сад был тем, что сюда по выходным привозили и показывали кино. Билеты продавали тут же, при входе в сад.

Конечно, лавочки были все заняты. Ребятишки забирались в сад через забор, устраивались на высоких тополях, чтобы посмотреть кино.

Недалеко от забора сада находился хлебный ларёк. И мама рано утром будила Лену, посылая её занять очередь за хлебом.

В кармане Лены лежал химический карандаш, чтобы можно было им записать на ладони номер очереди.

В восемь утра к ларьку приходила мама, вставала в очередь на «перекличку».

Лена бежала домой присматривать за маленьким братиком.

Дел у девочки было всегда много. Надо было помогать маме: картошку почистить, пол помыть, собрать для супа листья крапивы и лебеды.

В свободное время бегали с ребятами на карьеры, обедались чёрным паслёном.

Василий очень любил дочь и сына, так похожего на отца. Те же волнистые светло-рыжие волосы, большие голубые глаза, длинные чёрные ресницы. В семье его прозвали Маленьким Ангелом.

Только не пришлось Маленькому Ангелу дожить до годика. Умер он в самые лютые морозы, перед Крещением.

Поставив гробик сына и гроб умершей соседки но бару на сани, Василий с соседом отправились на кладбище, хоронить своих кровинушек.

Послевоенный голод, холод делали своё дело. Люди умирали и умирали... И жили...

Вопреки всему жили и радовались жизни, весне, солнцу, хлебу... Война и послевоенное время научили людей любить и ценить жизнь.

Шли годы...

У Василия и Галины родился второй сын, похожий на свою мать: тёмные волосы, карие глаза. Назвали его именем первого сына.

Многие осуждали, поговаривали, что нельзя называть ребёнка именем умершего дитя.

Но Василий настоял на своём.

Леночке шёл уже девятый год.

Василий был хорошим мужем и отцом. Работал там же, в огнеупорном цехе, Галина сидела дома с детьми, готовила обеды и каждый день встречала с улыбкой мужа с работы.

По воскресеньям Василий с дочерью шли на рынок — прикупить домой мяса и других продуктов. И, конечно, шли в небольшой летний цирк, что находился на территории базара.

По небольшой сцене ездили медведи на роликах и держали в лапах бутылочки с молоком и с соской. Отец сидя спал, а Леночка заливалась смехом. Потом клоун из сундука вытаскивал разноцветные ленточки.

Всё это казалось волшебством, и девочка крепче прижималась плечом к отцу и шептала: «Как здорово!»

Часто Василий баловал девочку, спрашивал: «Доча, хочешь в кино?». Он давал ей мелочь на билет, чтобы девочка могла сходить в кино вместе с ребятами.

А в кино ходили ватагой, и спорам не было конца, как до кино, так и после него.

Но Леночке больше нравилось ходить в цирк, потому что в кино иногда было

страшно. То ей покажется, что поезд едет прямо на неё, то враг шашкой отрубил голову кому-нибудь... И Леночка горестно плакала.

Страшно, но интересно, потому и ходила.

Мать начала приучать дочку к хозяйству: носить по полведра воду на коромысле.

Учила играть с братом, оставаться дома одной, никому чужому не открывать двери. Было опасно, потому что толпами ходили хитрые цыгане, случались и грабежи.

Когда маленькому братику пошёл второй год, Галина вдруг начала исчезать из дома на 2-3 часа. Оставляла Леночку с малышом и уходила. На улице стояла жара, и девочке приходилось сидеть дома. Мама возвращалась нервная, взволнованная. Ходила по комнатам, никого и ничего не замечая. Часто вздыхала, хваталась за грудь и охала. Охала, вздыхала и молчала...

Девочка помнила, как когда-то мама пришла домой, повалилась на кровать и долго плакала. Тогда она потеряла, а может вору вытащили у неё хлебные карточки. Тогда она плакала навзрыд, сейчас по-другому. Было заметно, что она раздражена и о чём-то думает.

Василий замстил в ней перемену, начал спрашивать: «Что случилось?»

— Потом, потом расскажу, — отвечала Галина и снова замолкала.

Как-то утром рано, как только Василий ушёл на работу, Галина подстригла дочь, привязала небольшой бантик в волосы, надела на неё новое ситцевое платьишко, новенькие туфельки с носочками. Оглядела дочь с головы до ног и осталась довольна. Отнесла малыша соседке.

— Пойдём мы с тобой, — говорит она дочке, — в гости к брату Василию.

В семье брата Василия росли два мальчика постарше Лены, и потому она не любила ходить к ним в гости.

— Не пойду, — решительно ответила Лена, — я лучше снова с братиком посижу!

На все просьбы матери девочка решительно отвечала:

— Не пойду!

Поняв, что дочь ей уговорами не пронять, Галина выпрямилась и сказала твердо:

— Слушай меня и молчи!

Немного подумав, уже помягче заговорила:

— Мы сейчас пойдём в гости к твоему папке... Он живой... А этот папа тебе не родной. Он чужой... Мы работали вместе, когда пришла похоронка на твоего отца. Он стал за мной ухаживать. Вот я и приехала с ним к тебе на родительский день. Всё решилось само собой.

Девочка онемела. Ей показалось, что ей на голову свалилось что-то тяжелое, невыносимое. Сердце глухо билось внутри, словно хотело выпорхнуть наружу. В отчаянии Лена сжала кулаки и громко закричала:

— Ненавижу тебя! Ненавижу... Обманщица! Это неправда... неправда! Мой папа на работе, и он меня любит! Я пойду и всё ему расскажу, всё, что ты тут напридумывала! Обманщица! Ненавижу! Ненавижу!

Девочка кричала и билась в истерику и уже не слышала себя. Ей казалось, что мир перевернулся, и никто... никто её не любит.

От горя и обиды, от отчаяния она вот-вот умрёт...

г. Новокузнецк.

Т. Черникова

История моей семьи в истории страны

«Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

А.С. Пушкин

Человек, как дерево, силен своими корнями: чем больше он знает о своём прошлом, тем увереннее чувствует себя в настоящем и с оптимизмом смотрит в будущее. История одной семьи как песчинка — соберётся их много-много, и получается нечто единое, большое.

Итак, давным-давно, ещё в царской России, в дальней глубинке, в деревне Ново-Каменка Тогульского района Алтайского края проживала семья крестьянина Василия Федосеевича Часовникова, и было у него с женой Анисей Васильевной 8 детей — трое сыновей и пять дочерей.

Жили своим крестьянским хозяйством, по тем меркам — зажиточно. Была своя земля, много скота, лошади, мельница, маслобойка. Трудились все члены большой семьи весь световой день, не покладая рук. В период заготовки сена и уборки хлеба нанимали работников.

Дети выросли трудолюбивыми. Воспитывали их в строгости, с детства приучая к труду, а вся жизнь была основана на вере в Бога, чтении святых, по праздникам и выходным ходили в церковь. С молитвой садились за стол, с молитвы начинали работать.

В семье все были крепкие, а когда стали жениться и выходить замуж — все венчались в церкви.

Мой дед, Часовников Дмитрий Васильевич, 1896 года рождения, жену себе нашёл в соседней деревне Камышино (теперь это Целинный район), в многодетной семье Дунаевых.

Александра Фёдоровна была одногодкой с Дмитрием Васильевичем. У нее кроме брата-близнеца Егора были еще три брата и две сестры. Пожилейше дедушка с бабушкой в 1915 году, когда обоим было по 19 лет. До свадьбы жених и невеста купили по иконе для венчания в церкви. Бабушка вспоминала, что стала 29-м членом большой семьи Часовниковых. Кроме сестёр и родителей, вместе с ними с женой и детьми проживал старший брат дедушки — Алексей. Снохи по очереди пекли хлеб на всю семью. У моей бабушки долго он не получался, булки были то маленькими, то большими. Тогда свёкор ее утешил: «Не переживай, ведь люди тоже бывают разные — и большие и маленькие».

Недолго пришлось быть вместе молодым. Вскоре деда призвали на фронт Первой мировой войны. Был в плену у немцев, потом тяжело ранен в ногу. Долго лечился в госпитале. В 1917 году вернулся домой.

Как приняли Октябрьскую революцию Часовниковы, мне неизвестно, но знаю, что старший брат деда Алексей был в гражданскую войну на Алтае красным партизаном.

После революции он отделился от отца, а в середине 20-х годов отделился и мой дед. Братья построили рядом с отцом свои дома. Подворье у каждого было своё, но большие хозяйственные дела вели вместе. Главой в семье всегда считался отец, «тятя», так Василия Федосеевича называли дети.

Излишки зерна, мяса, молока и других продуктов Часовниковы отвозили на рынок. Хозяин платил государству налоги, и до 1929 года к нему не было никаких претензий.

С 1929 года, с началом коллективизации, начался разгром лучших крестьянских хозяйств. Крепких хозяев стали насильно загонять в коллективные хозяйства.

Государству нужен был хлеб, заготовительный кризис толкал большевиков на репрессивные меры. Выход из кризиса видели в создании коллективных хозяйств. Из города приезжали агитаторы, которые убеждали крестьян идти в колхоз. Им помогали комитеты бедняков в деревне, которые составляли списки кулаков, подкулачников. По этому же сценарию проходила работа активистов и в селе Ново-Каменка. Бедняки, которые не имели за душой ничего, верили обещаниям о лучшей жизни в колхозе и шли туда, не задумываясь. Им терять было нечего. Но те, кто имел крепкое крестьянское хозяйство или просто более-менее обжился в последние годы, завёл скот, купил новые плуги, бороны, сомневались в том, что коллективным хозяйством жить будет лучше, чем единоличным. Советская власть предоставила местным органам право раскулачивания — выселять кулаков в отдалённые районы Сибири.

К кулакам был причислен и мой прадед Василий Федосеевич, когда отказался вступить в колхоз и отдавать в общественное хозяйство свой скот, сельскохозяйственный инвентарь. Виной посчитали и то, что в весенне-летний период он использовал наёмных работников. Ссылке в Нарым подлежали он и вся его семья — жена и трое детей. Так, в одночасье, Василий Федосеевич потерял все, что создавалось годами огромного труда.

Мой дед Дмитрий Васильевич и его старший брат Алексей Васильевич избежали этой участи, потому что к тому времени уже вели отдельные хозяйства таких размеров, которые не попадали под раскулачивание.

В 30-е годы был отнесён к кулакам и муж младшей сестры бабушки — Татьяна Кривоуцкой. Выселению подлежал только он, но Татьяна, как ни отговаривали её родные, с двумя детьми последовала за мужем в Нарым. В дороге дети заболели тифом, и их, боясь распространения заразы, полуживых скинули с поезда. Сама Татьяна доехала до места ссылки, но от голода вскоре умерла.

Василию Федосеевичу с семьёй чудом удалось бежать из Нарыма по реке. Для этого они наняли проводника. Добрались до окраины Новокузнецка, жили какое-то время в землянке, вырытой на берегу Абушки. Потом они все-таки вернулись в Каменку. В этом им помог старший сын Василия Федосеевича Алексей, участник гражданской войны, красный партизан. В Каменке они вынуждены были вступить в колхоз, чтобы жить дальше.

О родных моего отца, Черникова Егора Емельяновича, мне известно немного. Мои старшие братья и сестры помнят, как отец иногда говорил, что его родители тамбовские. В период столыпинской реформы шло активное заселение Сибири выходцами из европейской России. Переселенцами были и мои дедушка с бабушкой — Федосья и Емельян (отчества не знаю). Моя прабабушка была долгожителем, она прожила 114 лет.

Родился мой отец в 1911 году в селе Ново-Каменка Тогульского (ныне Ельцовского) района, через год появился брат Алексей, через три — сестра Анисей. В 1915 году умер их отец, надорвавшись на строительстве своего дома. У бабушки осталось трое малолетних детей, старшему было четыре года, младшей — пять месяцев. Пинцета была в их жизни постоянным спутником.

Тётя Анисей, папина сестра, рассказывала, что когда моему отцу и его брату Алексею исполнилось по 17-18 лет, они не могли, как их сверстники, вечерами «ходить в улицу», потому что не было подходящей одежды. Тогда отец смастерил первую в своей жизни конную телегу и продал её на рынке. На вырученные деньги справил одежду себе, брату и сестре. Сколько он потом сделал телег, саней, топорищ и других изделий, необходимых в крестьянском хозяйстве!

Оба брата служили в Красной Армии. Моя мама, Часовникова Дарья Дмитриевна, вышла замуж за моего отца в 1938 году. Ей было 20 лет, ему — 27. У отца это был второй брак. С первой женой у него родилось четверо детей, но они умирали вскоре после рождения! После четвёртых родов умерла и жена. Родители бабушки были против брака дочери с мужчиной старше её на семь лет, к тому же идиотом. Но молодых это не остановило. В нашей семье все знали, что отец выкрал маму из родительского дома и увёз к себе. Бабушке с дедушкой ничего не оставалось, как благословить дочь на этот брак, о чем они потом никогда не пожалели, и, как мне кажется, мой отец стал для них любимым зятем. В Каменке он работал в колхозе кладовщиком и был на хорошем счету. Поэтому когда в 1939 году молодая семья решила переехать в Прокопьевск, отца не отпустили из колхоза, и ему пришлось с молодой женой тайком ночью покинуть деревню, сложив нехитрый скарб на телегу, к ней же привязать корову. С ними уехала и отцова мать — бабушка Федосья.

Поселились в поселке «Индустрия» Прокопьевского района, их приняли на работу в колхоз, тогда он считался одним из самых развитых колхозов района. Раньше их в Прокопьевск жить уехали сестра и брат отца.

А в 1940 году с Алтая переехали в Зеньково мамыны родители с детьми. Поселились на берегу Абушки, напротив железнодорожной станции «Зеньковский парк». На работу устроились в колхоз «15 лет Октября». В семье у них к тому времени, кроме моего матери, было шестеро детей: пять дочерей и один сын. В начале 1941 года родился самый младший сын — Николай.

Всё дальше в прошлое уходили годы коллективизации, раскулачивания, репрессий. Так более или менее спокойный период жизни моих родственников здесь, в Прокопьевске, и там, в Алтайском крае, подошел к концу. На пороге уже была Великая Отечественная война.

Для отца мирная жизнь закончилась уже в 1940 году, когда он был призван на советско-финскую войну. А потом Великая Отечественная... Отец был призван в первые дни войны. После прохождения краткосрочных курсов в числе других сибиряков был отправлен защищать Москву. В одном из боёв в ноябре 1941 года был тяжело ранен в

правую ногу. Потом были долгие 10 месяцев лечения в госпитале Самарканда. Домой вернулся на костылях в конце 1942 года.

Из нашей родни в Великой Отечественной войне участвовали многие. Родной брат отца Черников Алексей Емельянович дошёл

до Берлина, затем участвовал в советско-японской войне. Двоюродный дед по линии матери Часовников Михаил Васильевич, 1914 года рождения, дважды был тяжело ранен. Двоюродный дед из рода Дунаевых — Константин Федорович, танкист, пропал без вести в октябре 1941 года. Другой двоюродный дед из рода Дунаевых — Алексей Федорович, был танкистом, погиб. Остались вдовами родные сёстры деда — Аграфена Васильевна и Таисья Васильевна. Воевали на фронтах Великой Отечественной и мужья моих тёт по линии матери — Крысов Аркадий Андреевич, Янкин Михаил.

Дед Дмитрий и старший его брат на войну призваны не были из-за преклонного возраста и ранений, полученных в Первую мировую и гражданскую войны. Они работали в тылу. Дед был бригадиром полеводческой бригады.

Рядом с ним бок о бок работали жена и старшие дочери Александра, Наталья, Анна и Екатерина. В колхозе «Индустрия» трудилась моя мать. Она часто рассказывала о том, как им приходилось работать в военные годы. В обед колхозников кормили на работе похлёбкой. Мама же несла свою порцию домой, чтобы разделить её со свекровью и маленькой дочерью. Те её уже ждали на крыльце. «Здесь же, на крыльце, мы через край выпивали содержимое чашки, и я снова шла на работу», — вспоминала она. Свекровь ей говорила, чтобы мама не тратила силы на эту дорогу, а лучше бы это время использовала на отдых, чтобы немного восстановить силы. Но мама её не слушала. Голодные дети... Это воспоминание было для неё самым страшным о войне.

Бабушка рассказывала свою историю. Однажды, в конце войны, её судили за невыполнение плана по трудовым и приговорили к шести месяцам исправительных работ. Она должна была, помимо работы днём, ещё в ночь топить какие-то печи в колхозе. В то время у неё был маленький сын Николай, который постоянно плакал, когда она уходила ночью на работу. Потом, как рассказывала бабушка, нашёлся добрый человек, подсказал ей написать жалобу самому

Калинину в Москву. От её имени, бабушка была безграмотной, составили жалобу и отправили по почте. Долго ждали ответа. Он пришёл, в нём говорилось о незаконности решения суда, которое нужно отменить, но было поздно — бабушка уже отработала свой срок. Моя старшая сестра хорошо запомнила тот день, когда с фронта вернулся домой отец, несмотря на то, что ей было около трёх лет. Весть о его возвращении облетела всю деревню, и дом быстро наполнился людьми, пришедшими разделить радость от встречи с близким человеком.

Долго отдыхать отцу не пришлось: в колхозе не хватало мужских рук, его сразу же назначили бригадиром полсводческой бригады № 1. В подчинение ему дали молодых девчонки.

А как они работали! За высокие урожаи зерновых в 1948 году отец был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а в 1949-м — медалью «За трудовую доблесть». Высокими правительственными наградами были удостоены и молодые члены его бригады. К своим подчинённым папа относился по-отчески тепло, жалел и оберегал их, тем самым заслужил их бесконечное уважение и благодарность.

После войны в Прокопьевске поселились и все остальные дедушкины родственники. Трудились в разных отраслях народного хозяйства: в угольной промышленности, на железной дороге, в сельском хозяйстве. Если старшее поколение моих родственников — дедушка, бабушка и их братья и сестры были в большинстве неграмотными, их дети уже учились в школах.

Мои мать и отец были старшими в своих семьях, поэтому учиться много им не пришлось. Они умели лишь немного читать и писать. Остальные их родные и двоюродные братья и сестры получали семилетнее образование, затем в техникумах, училищах, институтах получали профессию. Среди них есть учёные, династии учителей, династии врачей, династии шахтеров, товароведы, железнодорожники, строители, работники сельского хозяйства.

Кинемехаником был только один человек в нашей родне — это мой дядя Николай Дмитриевич Часовников. В

50-е годы это была очень модная и востребованная профессия. В 1958 году управлением культуры Прокопьевского района дядя был отправлен на курсы кинемехаников в город Саратов. После учёбы работал на кинопередвижке. Показывал кино в Спиченково, Новорождествовке и других населённых пунктах.

Если фильм был хороший, все соседи упрашивали дядю Колю показать и им фильм.

Встречали его с киношным чемоданчиком с последней электрички, которая приходила в Зёнковский парк к полуночи. Киноаппарату устанавливали в прихожей, а экран — в зале бабушкиного дома, который был битком набит соседями, как в кинотеатре.

Фильм смотрели до утра.

Судьба другого дяди, Василия Дмитриевича, оказалась трагической. Родился он в 1935 году. Отслужил в армии. Устроился на работу. Его любили все за добрый нрав, весёлый характер. Был очень остроумным, знал много разных прибауток, сам придумывал смешные истории. Однажды вечером двое его знакомых парней подрались из-за девушки. Зачинщик драки был с ножом, в ходе которой сам же и поранился им. Василий стал разнимать дерущихся и два раза ударил забияку. Состоялся суд. На первых двух заседаниях дядя был допрошен в качестве свидетеля. Перед последним заседанием бабушка сказала сыну: «Вася, не грехи, скажи правду, как всё было». Он и признался, что два раза ударил потерпевшего. Его осудили на два года тюрьмы. Отсидел один год и четыре месяца. После освобождения с трудом устроился на железную дорогу прицепщиком, а через месяц был смертельно травмирован на работе.

Этот случай я привела для того, чтобы сказать, насколько честными и порядочными были мои дедушка с бабушкой. Такими их воспитали родители, такими они воспи-

тали и своих детей. Они всегда были глубоко верующими людьми, день у них начинался и заканчивался в молитвах перед иконами, с которыми их венчали в 1915 году.

Однако их дети не стали верующими. Совсем недавно я спросила у младшей мамы сестры Валентины Дмитриевны (а ей уже 79 лет): «Вы ходите в церковь?», на что она мне сказала: «Нет». «Почему?» — задала я ей другой вопрос. «Не знаю, наверное, не приучили» — ответила она.

Если верить учёным, советский атеизм мирно скончался вместе с советской властью и теперь принадлежит истории, хотя ещё много таких людей, как моя тётя, живут с таким советским наследием и сегодня.

В моей памяти остались бесконечно добрый дедушка и строгая бабушка, оба умудрённые жизненным опытом. Дедушки не стало в 1975 году, бабушка пережила его на три года. Вместе они прожили ровно 60 лет.

Мои родители прожили в мире и согласии 46 лет. Вырастили девять детей. Воспитывали нас своим личным примером, своим трудолюбием, своим отношением к людям. Они никогда не читали нам нравочений на предмет, «что хорошо», а «что плохо», в этом просто не было необходимости.

Отец ушёл из жизни в 1984 году, мама пережила его на 20 лет, умерла 9 мая 2004 года, в святой для неё праздник. При жизни у неё было 22 внука и 29 правнуков, которых она любила и которые любили её. До конца своих дней она сохраняла ясное мышление и хорошую память. В этом году исполнилось 105 лет со дня рождения моего отца, а через год — 100 лет со дня рождения моей матери.

Это хороший повод вплотную заняться изучением истории нашей огромной семьи, ведь я только чуть-чуть прикоснулась к ней.

От меня мои родственники, те, с которыми я созванивалась, ждут отчёта, им интересно знать, что я же там написала.

А главная цель этой работы — составить свою родословную и передать своим детям и внукам.

Ю. Титова

Женщины моего рода

В настоящее время очень большое внимание многие жители нашей большой страны обращают на свои родословные. Мода это или действительно интерес к своим корням — покажет лишь время. Но если вспомнить историю нашей с вами страны, то можно убедиться, что род, семья, родословная даже у мало-мальски зажиточного крестьянина имели большое значение. А всё почему? Какой в том толк и прок? Да очень просто — сохранялось здоровье рода, чтоб потомки росли сильными и здоровыми. Ведь, зная своих пращуров, нельзя было допустить кровосмешения, что могло привести к последствиям, знать, какие болезни были в роду (конечно, лучше, чтобы их не было), тем самым сохраняя и укрепляя семейный очаг.

Сейчас такая сторона изучения рода не совсем актуальна, и мы обращаемся в прошлое скорее за тем, чтоб просто восхититься нашими предками, их обыденным подвигом, их силой духа, иногда изворотливостью и хитростью. Ну а кто главный хранитель семейного очага, кто создаст уют, растит детей и ничего не требует взамен? Женщины! Они стоят за спинами своих мужей, идут за ними в Сибирь. Так было в моём роду и во многих, если чуть покопаться в истории. И потому мне хотелось бы рассказать немного о тех необычных мужественных женщинах, которые являются моими предками.

И начать я хочу с Натальи Алаевой (девичья фамилия и отчество, увы, не сохранились). Это моя прапрабабушка. Про неё у нас в семье остались только легенды и примерные представления о её жизни. Год рождения примерно 1880-й. В 1906 году совместно с мужем Сергеем (отчество также неизвестно) по столыпинской реформе они отправились в Сибирь, практически были сосланы. Место поселения не выбирали, доставили группу людей на территорию современной Новосибирской области, в безлюдный район, чтобы обживали новые земли. Не было ничего, к зиме вырыли землянки, где и жили ещё несколько лет.

Зимы были очень суровыми, в землянках было всегда холодно, и пеленки родившейся здесь дочери Марии приходилось сушить на себе. Через пару лет с горем пополам накопили нужную сумму, чтобы перебраться южнее и оказались в Прокопьевском районе. Здесь уже и осели в одной из деревень. Баба Наталья, так её все звали уже в преклонном возрасте, была очень набожной женщиной, посетила немало святых мест и приобщила к вере трёх своих детей, хотя времена уже потихоньку менялись.

Анна Сергеевна — моя прабабушка, её дочь. С детства была работящей, но с умом, вспоминала, что вместо того, чтобы выращивать себе лён на одежду, который потом надо было чистить, мыть, трепать и т.д., шла работать на чужих людей и за день зарабатывала на отрез для платья. Так, однажды с братом Иваном они за один день выкопали погреб (будучи подростками), после чего от перенапряжения Аня на несколько дней потеряла зрение. Всегда была независима и резка в суждениях, но когда к ней посватался Кузьма Петрович, мой прадед, с радостью согласилась. Мать Наталья настояла на венчании, а ведь были уже 30-е годы, а Кузьма Петрович был партийным. Но ради Нюши (семейное имя) вышел из партии, венчался и ...

снова вступил в партию.

Их семью нельзя было назвать обычной: она — простая работящая женщина, он — интеллигент, педагог. Но именно этим они и дополняли друг друга. Прадед много сил отдавал работе и учёбе, а бабушка заботилась о быте, многие обязанности мужа взяла на себя. Так, отец Кузьмы Петровича Петр Фирсович не раз говорил сыну: «Ты не жену в дом взял, а брата».

В 1941-м началась война, и мой прадед, как и все, пошел на фронт, а дома остались жена и три дочери. Им было легче, чем другим, ведь на фронте Кузьма Петрович был политруком, его жене и детям полагалось офицерское жалование и пайки. К тому же у Анны Сергеевны после начала войны у одной осталась пасека — никто из женщин больше не умел ухаживать за пчелами. Война отложила свой отпечаток на женщин, оставшихся без мужей. Мне кажется, они были сильнее нас, выносили все. Они 5 лет ждали победы, приближали её, посылали посылки на фронт, растили детей, сами выживали, как могли, и терпели, и надеялись долгих пять лет, что труды их не напрасны.

Кузьма Петрович погиб в 1942-м. Прошедшие тяготы войны, дочери Анны Сергеевны каждая пошла своей дорогой. Самая младшая — Галина вышла замуж за Прокина Петра Степановича, родила двоих сыновей. Работала и жила в районе Зенково г. Прокопьевска. Умерла рано — в 41 год. Средняя Елена с мужем Новосоловым Петром Васильевичем также недалеко уехала от деревни — в санаторий «Прокопьевский», где работала медсестрой и получила квартиру, где и проживает до сих пор. Также имеет двух сыновей.

Моя же бабушка, Шелковникова Анастасия Кузьминична, была первой красавицей на деревне, гордая и грациозная, вроде как неспециально кружила парнями головы, но падали, по её рассказам, они штабелями. Как минимум, троих обещала ждать из армии, а пока все трое служили — вышла замуж за 27-летнего агронома, которому по возрасту уже не грозил призыв. Но и его призывали через год после свадьбы. Как верная жена ждала три года, но к концу срока хотела, чтобы и не возвращался — одной тоже было хорошо. Дальше пошёл семейный быт, разъезды с мужем по совхозам района, даже побывала на ВДНХ с ним, за лучший урожай картофеля по области. В браке родила сына Александра и дочь Марину, оба поздние и долгожданные. Но жизнь порой преподносит сюрпризы: в 35 лет стала вдовой и ещё три года тайком бегала на могилку, чтобы не расстраивать мать и подружек. Потом схоронила мать, сестру.

Не хочется говорить о грустном, тем более всё это было уже на моей памяти, но на жизнь моей бабушки выпало много тягот, много смертей, и две самых больших её печали — дети. Дочь Марина умерла в 2006-м в 41 год, сын Александр — в 2014-м, в 56 лет. Нет для матери страшной горя, чем похоронить своих детей. И она ненадолго пережила сына: 9 мая 2016 года её не стало. Её путь был труден и тяжёл, но почти до самого конца она умудрялась шутить и смеяться, радоваться малому и не просить большего. Людей её поколения в нашем селе осталось совсем мало, с ними тоже уходит история, какая-то соль жизни. И всем нам стоит эту соль ухватить и записать.

Дина Нагорнова (Сабынина)

Родилась в городе Прокопьевске.

Печаталась в коллективных сборниках, газетах, журналах, хрестоматиях и литературных альманахах Алтайского края, Кемеровской области, а также в Москве и Красноярске.

Автор шести книг. Активный участник и неоднократный дипломант поэтических конкурсов и фестивалей в Кузбассе и на Алтае, победитель литературных конкурсов в интернете.

Член Международного Союза творческих сил «Озарение», секретарь прокопьевского отделения Союза Кузбасских писателей, руководитель ЛИТО «Маяк». Организатор открытого городского поэтического фестиваля «Осеннее многоцветье».

Никогда не бывает поздно
Улыбнуться кому-то в ответ
И, мечтая, смотреть на звёзды,
И искать счастливый билет.
Обнимать, утешая, друга,
Верить в то, что кончена ночь.
Разрывая оковы круга
Зла, кому-то в беде помочь.
Пу и пусть для зевак ты странный,
Разглядев за снегами май.
Этот чопорный и жеманный
Мир — теплом своих строк меняй!
Просто ты заблудившийся ангел,
Потерявший дорогу в рай...
Поднимай флаг добра на танке,
Фейерверком стихов стреляй!
Станет мир хоть немного лучше,
Если верим и счастья ждём.
А беда — это просто случай,
Дикий зверь, к нам залезший в дом.

Никогда не бывает поздно
Улыбнуться... простить... Любить!

Я просила Бога

Я просила у Бога любви —
Не романов, не женихов...
Он серьёзно ответил: Лови!
И швырнул мне охапку стихов.
Словно ворох осенних листов
Эти строфы пылали в груди.
И слова гроздью алых цветов
Из души начинали расти.
Я азартно творила тебя,
Так и эдак склоняя меж строк.
Рисовала твой образ любя.
Но дышать, но ожить — ты не мог.
Я роптала: А где же любовь?
Где от счастья золотые ключи?
Бог ответил: Не прекословь!
Почуйся и других научи!..
Ты ещё не готова, поверь,
Не отточена до острия,
Чтоб войти в эту райскую дверь,
Чтоб познать эту грань бытия.

Бесноватый декабрь

Бесноватый декабрь
мне неустово бьётся в окно.
Неотступно и зло,
словно зверь неприкаянный, дикий.
Все следы замело.
Замело уже очень давно.
И забылись любви
полустёртые милые лики.
Декабрю всё равно,
он безбожник и старый брюзга.
И полоски от слёз на щеках
не расстрогают деда.
Боже, что за тоска!
Как же давит на сердце тоска...
Я уеду,
возьму, и бесследно уеду!
А снежинки в стекло,
словно белые пчелы летят.
И смеётся метель,
завывая рассерженным волком.
Не дороги назад!
Без любви — нет дороги назад...
Только льдышек алмазных
в ладошке озябшей осколки.

Сердце склеить нельзя,
как разбитый случайно бокал.
Слов назад не забрать,
время вспять повернуть не заставить.
И усмешка судьбы,
словно ведьмы довольный оскал...
Не забыть, не простить,
не исправить...

Я иду на разрыв

Я иду на разрыв...
Это больно и дьявольски жёстко!
Это маленький ад
В персональной уставшей душе!
Наша жизнь перекрёсток —
Мир чёрной и белой полосы.
Наша сущность театр абсурда
И бой миражей.
Я жила, как могла,
Я пыталась быть бело-пушистой.
Ты любил, как умел,
Возведя свой каприз в абсолют.
Я беру белый лист,
Он пугающе-вкрадчиво чистый.
Я хочу без тебя
Создавать неумелый уют.
Я хочу отпустить
Птицу, узницу страсти, из клетки
Я живу, как дышу,
Я совсем не способна на ложь.
Верь мне, счастье в природе —
Оно альбиносово-редко.
Знаешь, ты, если честно,
И сам через месяц уйдёшь.

Не пой мне песен... Птицы улетели.
Снег хлопьями валит на купола.
Я стала недолюбливать метели
И тайно ненавидеть зеркала.
И в доме тихо, и на сердце вьюга,
И в завтра дверь не манит новизной.
Ты думаешь, нам легче друг без друга?
А мне не спится, холодно одной...
И осень так не к месту в платье белом,
Беспечно сбросив траур с хрупких плеч.
А я тебя всю жизнь любить хотела...
И от пустых мечтаний уберечь.

Лето ускользнуло ящеркой зелёной.
Я была счастливой, я была влюблённой...
Осыпает осень роскошь золотую,
Но тепла былого вновь не наколдует.
Птичьих песен трели не купить за злато.
Зимние метели — за любовь расплата.
Застывает сердце хрусталём бездушным
И в объятьях милых неуютно-душно.
Забываю имя и улыбки нежность.
И на смену счастью — осени безбрежность.
Фейерверк прощальный из багровых листьев.
Лето время страсти, осень — горечь истин.

Любовь не может показаться
И вас лисой перехитрить.
Любовью можно обжигаться,
Дышать, болеть и даже — жить!
Она, порой, вам ранит душу,
Порой, спасает от беды.
Бывает, ласково закружит
В пьянящем танце красоты

И, ничего не обещая,
Подарит россыпь райских грёз.
Любовь, порою, убивает,
Роняя с самых ярких звёзд.

Весенний дух

Весенний ветер в дверь мою впрорхнул,
Как поцелуй любви, как пенье птицы.
Вставай! В такое утро разве спится?
И ласково к щеке моей прильнул.
Рассветный луч пролез в моё окно.
Шалил по стенам и в кровать просился.
И новый день росой прослезился,
По листьям расплывая серебро.
Весенний дух царил по всей земле,
Ронял цветы, белил черёмух косы.
Бродил по скверам — юный, резвый, босой...
Искал пути, ведущие ко мне.

Протопчу тропинку я по снегу —
К сердцу твоему торю дорожку.
Ты ещё таким счастливым не был...
Закрывай глаза! побудь немножко.
Кто сказал, что нет на свете сказок?
Я твоей Шахерезадой стану,
Или Василисой... Мало ль масок?
Ласковых, весёлых, добрых, странных...
Я такая выдумщица, право,
Что сама дивлюсь себе порою.
Так скажи моим талантам — bravo!
Насладись искусною игрою.
И не бойся, снова быть обманут,
Сердце контролируя невольно.
Я живой водой плесну на рану
И ты вдруг поймёшь — мечтать не больно!

Во мне есть всё и счастье, и печаль,
И радости случайные рассветы,
И бронзовый загар хмельного лета,
И вьюжный неприкаянный февраль.

Во мне есть боль осенней наготы
И первых чувств весенние ошибки,
И декабря зловещая улыбка...
И капельку совсем во мне есть ты.

И глаз твоих язвительный сарказм,
И нежность губ, настойчиво скользящих.
Со мною ты ранимо-настоящий,
А не паяц пустых дежурных фраз.

Но ты не хочешь это замечать.
А я, как свет луны, влеку незримо.
И ты опять пройти не сможешь мимо,
Хоть будешь злиться, топтать и кричать.

Во мне есть всё и радость, и печаль,
И боль, и счастье, и мечты, и слёзы...
И белые российские берёзы,
И стран чужих волнующая даль.

В шёлк моих ладоней спрячь свои печали.
Путь земно нелёгок — мне ль о том не знать?
Пусть луна и звёзды нашу боль качают —
На плече желанном слаще засыпать.

В дивных сновиденьях
ты бесстрашный рыцарь,
Ради глаз прекрасных обнаживших меч,

Чтоб со злом вселенским
Дон Кихотом биться.
Чтобы сон любимой от невзгод беречь.

Погружайся в грёзы, голос мой вкушая.
Я, как птица Сириус, чудно запою.
И не надо сказки, и не нужно рая.
Кто любить умеет, тот всегда в раю.

После дождика небо синее,
После горестей радость слаще...
Я взрослою, прошло — не жалею.
Просто пробую быть настоящей.
Грусть обид отряхну неумело
И, шагая по минному полю,
Я не верю, что чёрное — бело.
Но молчу, если спорить не стоит.
Есть в котомке для опыта место,
Если что-то случится в дороге.
Мне не страшно шагать в неизвестность —
Для того и придуманы ноги.
Сотни линий седых философий
Мне в пути часто путают карты.
И, отделившись малою кровью,
В дебри жизни вгрызаюсь с азартом.
А бывает, присяду устало.
Отдыхать, тоже нужно с размахом.
И послушаю байки бывалых,
На груди своей рвущих рубаху.
А потом, встану с лёгкой улыбкой,
Понимая, что я здесь не к месту.
И скользну серебристой рыбкой
Выполнять бесшабашные квесты.

Лисья улыбка месяца,
В лужах хрустинкой лёд.
Девушка ночь-кудесница
Звёздный узор плетёт.

Дышит под чёрным кружевом
Нылью тревожных снов.
С ветром повесой кружится,
Веткой стучит в окно.

Взгляд с поволокой ласковой
В душу вонзится мою,
И я тянусь за красками,
Или стихи творю.

Спать бы как все беспечные,
С боку крутятся на бок.
Нет же, приходит вечное
Словом на мой порог.

Ночь ли повинна звёздная
В мыслей-ужей клубке?
Но отречься поздно мне —
Ручка уже в руке.

Лисью улыбку месяца
Тучи укроет шаль.
Может в стихах пригрезится
Радость, а не печаль?

Снова ты будешь ласковым
Лунным седым котом.
Ночь из ларца со сказками
Нежность плеснёт в наш дом.

г. Прокопьевск.

Людмила ЛУКЪЯНЦЕВА

Людмила Андреевна родилась в Новокузнецке. Окончила НГПИ, получила специальность учителя русского языка и литературы. Начиная простым учителем, дошла до директора школы. За добросовестный педагогический труд удостоена звания «Почетный работник общего образования РФ». Награждена медалями «За долголетний труд», «За достойное воспитание детей», «За веру и добро».

Автор семи поэтических сборников. Изданы три книги с прозой: «Утро вечера мудренее», «Родомыслы земли», «Я буду твоей берегиней». На её стихи написаны песни. Любит детей, пишет для них сказки, рассказы и стихи. Приняла активное участие в одиннадцати региональных поэтических сборниках. Лейтмотивом творчества Людмилы Лукьянцевой является мысль «В мире правит любовь».

Людмила Андреевна в 2016 году стала дипломантом Международного клуба «Наследие» в номинации поэзия. В альманахе «Проза-2016» литературного клуба Российского союза писателей напечатана её проза. Творческая деятельность автора освещается подробно в городском музее просвещения.

Член Российского союза писателей.

Возмездие

Приключенческая повесть
(Отрывок)

Глава первая

Андрей Ашпин работал лесорубом на первой делянке в Амурской тайге. Учил молодёжь правильно зачищать сучья, чтобы не пораниться топором. Показав приёмы зачистки на очередной поваленной сосне, отправился на перекур. Усевшись на брёвна, подготовленные к вывозу, достал кисет с самосадам. Сделав самокрутку, глубоко затянулся. Любил с юности курить крепкий табак. Прикрыл глаза, воспалённые до красноты от попавших в них опилок, и расслабился:

— Господи! Как же хорошо в тайге! Какой хвойный запах разливается вокруг. А воздух просто волшебный, чистый-пречистый! Дышишь, не надышишься!

Вдруг неподалеку раздался смачный хруст веток. Оглянувшись, Андрей увидел подбегавшего к нему младшего братишку Сёмку. Расстроенное лицо двенадцатилетнего мальчика говорило о том, что произошло что-то страшное. Протянув руку брату, запыхавшемуся от бега, усадил рядом с собой.

— Семён, что случилось?

Отдышавшись, мальчуган ответил:

— Братка! Вчера подошла наша очередь пасти с пастухом Григорием леспрохозное стадо. От нас пошёл я, а от Аниськиных — их сын Пашка. До самого заката всё шло хорошо, а поздним вечером при пересчёте стада не хватило одной тёлки. Представь себе, ей оказалась нетель Зорька, принадлежащая семье нашего участкового Макара Устиновича Звонарёва. Узнав о пропаже, участковый так кричал, так матерился, что на его крик, сбегались многие жители. Уходя, пригрозил нам:

— Знайте, шельмы! Всем головы поотрываю, если не найдёте Зорьку. Тебя, Семён, завтра жду в десять часов в кабинете! Все пошли по домам, а мы вернулись на пастбище. Вместе с пастухом до самой темноты обшаривали кусты и тропы. Поднимались на холм, но никаких следов Зорьки не нашли, как сквозь землю провалилась. Утром явился к участковому, он послал меня за тобой на делянку. Велел тебе к полудню в милицкий участок явиться. Вытолкнув из кабинета, прокричал:

— Даю вам с братцем два часа на дорогу: туда и обратно.

Андрей погладил подростка по голове и подумал: «Вот подлец, одного ребёнка в тайгу отправил. Пять километров пацан бежал по лесу, с ним всё могло случиться — дикого зверья и змей полно!». Достал носовой платок, вытер ребёнку лицо, чумазое от пыли, и сказал спокойным голосом:

— Не дрейфь, Сёмка! Сейчас у бригадира Гордея Васильевича отпросимся, возьмём лошадь и поедем в участок.

Бригадир, поворочав немного, все-таки

отпустил Андрея к участковому, сказав вдогонку:

— Андрюха! Ты там сильно-то не рыпайся! Звонарь мужик с гнильцой, привяжется и будет мстить. Приедешь в поселок, сходи в управление, подай заявление на отгулы. Трёх дней на поиски вам хватит.

До здания милиции добрались за час. Спрыгнув с коня, старший брат спустил Сёмку на землю. Строго проговорил:

— Привяжи лошадь к столбу, посиди на скамейке, если будешь нужен, позову.

Войдя в приёмную, сказал секретарше:

— Доложите участковому о приезде Ашпина Андрея. Звонарёв просил приехать к двенадцати часам, а сейчас без пятнадцати двенадцать. Знаю, у него обед в два часа, хотелось бы попасть на разговор до обеда.

Зыркнув на вошедшего лесоруба недовольным взглядом, девица пробурчала себе под нос:

— Макара Устинович занят, супруга обед принесла. Ждите на улице, освободится, позову.

Андрей не любил Макара Звонарёва, возмнившего себя правителем в посёлке. С жителями обходился бесцеремонно, даже грубо. Участковый гордился тем, что его тесть, Чернов Вениамин Прохорович, работает начальником в районном отделе милиции. Именно он по блату сделал Макару липовые документы и назначил участковым в посёлок Саянский. Чувствуя за собой широкую спину, Звонарёв творит всё, что захочет. «Не найдем пропавшую, — подумал Андрей, — придётся отдавать свою корову Милку. Как трое наших детей будут жить без молока?»

Полтора часа просидели братья на жаре, дожидаясь приёма. Наконец, дверь на улицу открылась, из неё гусыней выплыла жена Звонаря. Следом за ней вынырнула секретарша Роза. Махнула рукой Андрею и исчезла в приёмной. Мужчина пошел к Звонарёву.

Войдя в кабинет, увидел: участковый сидел, валяжно развалившись в кресле и ковырял зубочисткой застрявшую в зубах пищу. Напившись квасу, повернулся к Андрею и заорал:

— Ты, Ашпин, где шлялся? Тебе было велено прибыть к полудню, а сейчас почти два часа! Разве твой щенок не доложил мой приказ?

Андрей стиснул зубы до боли, чтобы не послать подальше жирного боров. Вовремя вспомнив наказ бригадира, спокойно ответил:

— В участок прибыли без четверти двенадцать. Сразу попросил вашего секретаря доложить о приезде. Роза сказала, что вы обедаете. Правда, на дверной табличке написано: «Обед с 2 до 3». Позовите Розу, пусть подтвердит время прибытия.

Лоснящееся лицо Звонарёва побагровело, вскочив с места, завопил:

— Кто ты такой, чтобы мне указывать,

когда обедать? Ты — вор! Должен радоваться, что ещё не сидишь в кутузке за кражу тёлки. Думаешь, не знаю, что вы с братцем Николаем заказали в конторе лес на строительство собственного дома? Скоро выкупать, а денежек-то тую-тую, вот и продали китайцам Зорьку. Ничего, выведу вас на чистую воду. Будете оба срок мотать в тюрьме. Ровно через три дня Зорька или твоя корова должна стоять у наших ворот. Пошел вон отсюда!

Андрей не стал отвечать участковому:

— Надо уважать себя, — решил он, — этот венер не поймёт простых человеческих слов. Как только таких гадов земля держит? Сам заворовался, прикормил начальство. Обдирает в посёлке всех: у женщин забирает ведрами собранную ягоду. Конфискует орехи и грибы у подростков, а у мужчин пушнину. На продаже корней женщины китайским браконьерам обогащались. На ворованные средства с тестем построили трёхэтажные особняки, купили дорогие машины.

В Саянском посёлке долго не было лесника. Вернувшись после службы в армии, старший сержант Геннадий Седов согласился на трудную должность. Сразу столкнулся с браконьерами и самоуправством Звонарёва. Через год Геннадий бесследно исчез в тайге.

Расследование исчезновения лесника было проведено поверхностно, для отвода глаз. Вскоре дело, за отсутствием улик, было закрыто. Теперь и лесником, и егерем работает за Седова одноклассник Звонарёва. Такой же хануга — Свиридов Тимофей.

Успокаивая себя, Андрей подумал: «Сколько вор не ворует, а тюрьмы не минует. Найдем на тебя, Звонарь, управу. Возмездие наступит, дай только время».

Проснувшийся Семён, увидев брата, метнулся навстречу:

— Ну что, братка, что сказал участковый?

— Дал пять дней на поиски тёлки.

— Поди, сильно ругал тебя?

— Нет, не беспокойся, так, пошумел немного.

Андрею не хотелось тревожить душу братишки. Мальчонке и так досталось от своснаправного злодея.

Глава вторая

Не заходя домой, братья отправились в управление для подачи заявления на отгулы. Директор леспрохоза, не откладывая, подписал заявление. Перед уходом Андрея произнес:

— Ты, Ашпин, с этим делом не затягивай. Завтра суббота, собери человек пять и отправляйтесь в тайгу на поиски тёлки. Коли заблудилась, то, может, ещё живой найдете.

— Спасибо, Виктор Павлович, с рассветом начнём обследовать низину и сопки.

Наскоро перекусив, Андрей с Семёном отправились собирать поисковую группу. Первым посетили соседа — Фёдора Тимошина. Фёдор был старожилом данных мест. Хорошо знал каждую тропку, пещеры и скальные обрывы. Имел новое охотничье ружьё и добротное снаряжение для лазанья по скалам и деревьям. Возможно, снаряжение понадобится для осмотра местности с высоты. Жители посёлка называли Фёдора кормильцем. Три года назад несколько домашних кроликов сбегали из его хозяйства в тайгу. Развелись на воле в большом количестве на радость местных жителей. Стали дополнительным трофеем для охотников. Сосед сразу дал согласие участвовать в поисках животного.

— Возьмём с собой и сына Серёгу. Из него получился хороший охотник, ни в чём мне не уступает. Осенью моё старое ружьё из рук не выпускает.

Поблагодарив Фёдора, Андрей напомнил ему:

— Встречаемся завтра в шесть утра у управления.

Немного подумав, решили сходить к Аниськину Антону, сын которого был вчера подпаском у пастуха. Аниськин долго межевался: идти с ними на поиски или не идти? Ссылаясь на больную спину. Его жена Евдокия, властная, дородная женщина, презрительно процедила сквозь зубы:

— Что нони-то распустил? Заболел, видите ли! Как самогон лакать, так ничего не болят! Ты, подлец, в пропавшей тёлке виноват! Надо было самому идти пасти. Упили так, что в родной дом вползти не смог. Двенадцатилетнего сынишку вместо себя на пастбище послал.

Иди, позови на поиски Зорьки Родиона Звягина! От него больше будет проку: хоть какое-никакое, а ружьё есть. Говорят, белку без промаха в глаз бьёт, когда трезвым бывает.

Антон сразу сник, засуетился, побежал к Звягиным. Братья остались ждать за воротами. Через десять минут посланец вернулся и сообщил:

— Ашпин! Родька согласился с нами идти. Когда выходим? Где будем собираться? Звягину нужно точное время сказать.

— Думаю, чем раньше, тем лучше. К шести утра подходите к управлению.

Возвращаясь от Аниськиных, Андрей подсчитал людей, давших своё согласие на поиски. Их оказалось пять.

— Семён! Больше никуда не пойдем. Набрали пять человек, считаю, этого достаточно. Оправляемся домой, надо подготовиться к завтрашнему дню.

Дома ждал брат Николай, приехавший раньше времени со сменой с делянки. Глаза мужчины горели гневом.

— Это правда, что Звонарёв обвинил нас в воровстве тёлки?

— Да, правда! Сказал, что упрячет обоих в тюрьму.

— За что? В чём обвиняет?

— Участковый считает, что мы продали нетель китайцам, чтобы добыть деньги на покупку леса для строительства дома.

— Он видел, как мы корову продавали? Или по себе судит: сам вор и думает, что все такие. Пойду сейчас к нему и скажу всё, что о нем думаю!

— А вот этого делать не советую! Дашь только повод себя арестовать. У меня есть другая задумка, как вывести участкового на чистую воду, потом поделюсь. Или, готовься, завтра рано выходим. С тобой в поисковой команде уже шесть человек, надеюсь, найдём Зорьку.

В шесть часов утра поисковая группа собралась. Андрей посоветовал назначить старшим Фёдора Тимошина — знатока хасанских мест. Все согласились. Фёдор, осмотрев пришедших людей, предложил:

— Давайте обсудим маршрут поисков.

Считаю, надо сначала обследовать место пастбища, откуда исчезла рыжая Зорька. Может, ребяташки, расстроенные пропажей, упустили какие-то важные зацепки. Например: следы, сломанные ветки, клочья шерсти.

— Думаю, предложение Фёдора дельное, — подвёл итоги Андрей. — Пойдёмте в низину, на пастбище.

Пастух Захар Григорьевич показал, где Зорька паслась до заката. Потом животных собрали в летний загон, там при пересчёте молодой тёлки не оказалось. До полудня мужчины обследовали густые заросли. Искли следы на тропинках. Сходили на лёжку животных на берег реки, куда те приходили на водопой, но ничего не обнаружили.

Не найдя следов и на правой стороне низины, решили пообедать. Ели торопливо, зная, что ещё нужно обследовать другие места. Фёдор первым закончил трапезу. Посмотрев на почерневшее небо, произнес:

— Баста, мужики, кончайте с обедом, пойдёмте прочесывать Орешниковую сопку. Пройдет сильный дождь, следы найти будет невозможно. Встаём! Сергей, сложи оставшуюся еду в общий мешок!

Все встали. Только Родион Звягин, как сидел, так и сидел.

— Ты что, Родька, расслаживаешься? — удивлённо посмотрев на друга, спросил Анискин.

Мужики обернулись. Тимошин Фёдор, не любивший лентяев, раздражённо проговорил:

— Звягин! Какого чёрта расселся, оробого предложения ждёшь? Что, твой пыл без опохмелки улетучился?

— Никуда идти не надо, — тихо, но твердо ответил победивший Родион. — Знаю, где тёлка. Своими глазами видел, кто и куда её увёл. Садитесь, расскажу о пронаже, хочу очистить совесть, душу она мне измотала. Я и пью, чтобы забыться.

Присутствующие опустили на траву, глядя ошалелыми глазами на Звягина. Сказанные им слова действовали на них, как гром среди ясного неба. Наступила мёртвая тишина, которую, наконец, нарушил Родион.

Глава третья

— Помните, пять дней назад к нам в посёлок тесть Звонарёва привёз важных гостей из города? Это были большие начальники, которым хотелось острых ощущений на охоте. Охотиться, сами знаете, в июне нельзя, лицензий не выдают. Для участкового Звонарёва никаких преград не существовало.

Немного помолчав, Звягин продолжил:

— Скажу вам, мужики! Живу в поселке Хасанском всё время, как на пороховой бочке. Закадычные дружки Макар Устинович Звонарёв и егерь Тимофей Свиридов всеми средствами стараются подмять меня под себя. Напоминают мне о моей условной судимости. Правда, срок её истек уже два года назад. Участковый стра-

шает новым сроком в колонии, если его волю выполнять не буду. Принуждают ходить с ними на охоту. Платят иногда деньгами, когда добычей. Правда, берут только на осеннюю и зимнюю охоту. Видно, в другое время года звать побаиваются, не доверяют. Охота без лицензий считается браконьерской. У него своих дружков-браконьеров и в городе, и в районе полно. Стреляют в основном ценных пушных зверей. Им мои снайперские навыки нужны. В армии снайпером на границе служил. Заставляют убивать зверьё без меры, лицензия, мол, есть!.. Участковый тычет мне ей в лицо, хихикая:

— Это законный документ! И с ним мне сам чёрт не страшен!

После очередной охоты становилось тошно на душе. Правда, деньги, полученные за работу, частично успокаивали. Размышлял по ночам: «Ради детей на всё пойду, даже на смерть. Почему эти два выродка, находящиеся у власти, безнаказанно гребнут под себя всё: и деньги, и богатства тайги? Насли мордороты, кирпичом не пробьёшь. А я жене, болеющей астмой, даже лекарство купить не могу! У детей одежды и обуви нормальной нет». Такие мысли да самогонка на время успокаивали. Протрезвев, снова считал себя таким же подонком, как они. Порой повеситься хотелось, но потом вспоминал большую Антонину, троих детей и опять шёл на сделку со своей совестью. На зарплату сторожа сытно не проживёшь. Вот и на этот раз позвали на внеочередную охоту. Очень удивился, срок выдачи лицензий ещё не наступил, поэтому спросил егеря:

— На кого будем охотиться, Тимофей?

Он вдруг зло ответил:

— А тебе какая разница! Ты, главное, не промахнись!

— Нет уж, или ты говори, или не пойду с вами.

— Ладно, чёрт с тобой, на Тигровую сопку пойдём, тигра нужно завалить. Появился там один, сам недавно его рык слышал. У городского начальника юбилей: пятьдесят стукнуло. Вот Звонарёв со своим тестем решили ему сюрприз сделать — шкуру тигриную подарить. У него домина огромный, на пол постелет. Рогов, чучел птиц и зверей показалось мало, намекнул, какого подарка на юбилей хочется.

— Вы что, слурели? Тигров и так осталось немного. Они занесены в Красную книгу. Нам за него столько лет дадут!

— Ты трусил, однако! Поздно из игры выходить, обими ногами и руками увяз. Деньги брал? Брал! Твоего отказа Звонарь не простит! Начнёшь рыпаться, как лесник Седов в вечность канешь. Кто твоих детей кормить будет? Давай, бери ружьё и вперед!

Я понимал, что участковый, действительно, не потерпит отказа. Найдёт любую причину и в колонию упрятает. Может просто пристрелить где-нибудь в тайге, как лесника. Эти звери не боялись хвастаться, что расправились с Гённадием Седовым, мешавшим им обогатиться.

— Ладно, я маленький человек, погон не имею. Знай, иду по принуждению. Случится беда с тигром, вам отвечать, ведь вы здесь балом правите.

В голове появилась отчаянная мысль: «Нужно всё сделать, чтобы тигра не убили! Лишь бы только каких-нибудь чрезвычайных событий не произошло!»

На рассвете повели приезжих гостей на Тигровую сопку. Такое название она получила из-за появления на ней одиночных тигров в определённое время года. Охотники называли их пришлыми. Хищники то жили на ней, то снова уходили туда, откуда появлялись. На улице стоял туман, да такой, что даже дыма из труб не было видно. Тимофей знал, где обитал тигр. Лежбище находилось на другой стороне сопки, в ложине. Туман лишил возможности быстро двигаться, видимость была почти нулевой. Пройдёшь два метра, а дальше сплош-

ное белое молоко. Полагались на нюх собак. Они в любую погоду вели точно по нужной тропе. Звонарёв с трудом удерживал на поводке своего волкодава Барса. Тот тащил его за собой почему-то не по тропе, ведущей в ложину, а наверх, на скалу, заканчивающуюся крутым пятиметровым обрывом. К моему удивлению, и мой Рекс, шедший без поводка, тоже кинулся следом за ним. Рексу доверял, как самому себе: следы брал безошибочно. Передо мной встал вопрос: «Кого он учуял?». Встревожившись, снял ружьё, взвёл курок, чтобы в случае чего быть наготове. Поднявшись на сопку с обрывом, все в растерянности остановились. Каждый думал: «Зачем собаки привели именно сюда, а не в ложину, где была лёжка пришедшего тигра?»

Не успели обдумать дальнейшие действия, как из тумана в метрах восьми от нас показалась голова матерого тигра. Собаки, поджав хвосты, прижались к ногам охотников. Тигр издал громогласный рык и было двинулся в сторону участкового, стоявшего впереди. Тот от страха выпустил поводок и визгливо крикнул:

— Барс! Фас! Взять его!..

Волкодав, услышав приказ, по инерции ринулся навстречу тигру и этим спас жизнь хозяину. Тигр ударил пса лапой по спине. Подняв под себя, сломал позвоночник. Расправа зверя с животным позволила Макару спрятаться за мою спину. Теперь перед тигром стоял я, лихорадочно думая:

— Хорошо, что ружьё заранее приготовил! Вот они, чрезвычайные обстоятельства! Придется в тигра стрелять, чтобы спасти жизни людей.

Разъярённый хищник, бросив бездыханного Барса, оскалил огромные клыки и приготовился к прыжку. Переживая за людей, стоявших за моей спиной, ринулся на выстрел. Именно в момент прицела меня под руку толкнул человек, стоявший за мной. Рука дрогнула и, как мне показалось, пуля зверя не задела.

В тот же миг Макар толкнул меня навстречу опасному животному. Когда хищник прыгнул, я машинально пригнулся. Зверь, пролетев над головой, кувырком покотился к обрыву. Ёре-охотники, отпрянувшие в сторону во время прыжка, опять спрятались за меня, но бояться было уже некого. Внизу раздался сильный грохот от падения тела и предсмертный тягучий стон тигра. Всё говорило о том, что животное упало на нижнее плато.

Опомнившись от страха, Макар выскочил вперед. Отпнул ногой подальше окровавленного пса, закричал:

— Звягин, сукин сын, что ты наделал? Такую шкуру загубил, где теперь вторую добудем? Зачем зверя убил?

Я остоленел от удивления. Всё же, собравшись с мыслями, спросил его:

— Что, Макар Устинович, после исчезновения опасности героем себя почувствовал? Ты даже ни ца минуту не подумал о смертельной угрозе, нависшей над твоими гостями. Не стрелял в тигра, а в руках у тебя была отличная винтовка с оптическим прицелом. Спасая шкуру, подставил верного пса тигру на съедение. Потом, спрятавшись за мою спину, ударил по руке, когда я целился. Ты предполагал, что убитый тигр может скатиться с обрыва. Толкнув меня в пасть разъярённому зверю, решил: пока тот расправляется со мной, пристрелишь его — и шкура вапа! Вот от твоего толчка, слава Богу, не попал в него. В момент его прыжка, если бы не пригнулся, то улётел бы вместе с ним с пятиметрового обрыва. Всегда знал, что ты подлый, трусливый человек! Правда, не думал, что до такой степени. Ты убил тигра, а не я! Сам проговорился, что тебе не тигр был нужен, а его шкура. Вот и понесёшь за убийство тигра ответственность!

Вдруг участковый перестал орать, глядя на кого-то поверх голов, мило заулыбался. Оглянувшись, увидел, как его пальцем к себе подзывает тесть — Вениамин

Прохорович. Столкнув меня грубо с тропы, участковый подошёл к нему и заискивающе спросил:

— Что, батя, хотите мне сказать?

— Хочу, дорогой зятёк, спросить тебя: в какое дерьмо ты нас только что вляпал?

Потом размахнулся и врзал Звонарёву по роже. Зять не удержался на ногах и покатылся к обрыву. Если бы вовремя не полоспел егерь, схвативший его за шиворот куртки, полетел бы с горы.

Глава четвёртая

Чиновники, почувствовав, что запахло жареным, поспешили удалиться восвояси. Дружно, почти ползком, стали спускаться по пологой стороне сопки к её подножию. Было противно смотреть на перепуганных людей, ещё недавно желавших острых ощущений. Потому не пошёл вместе с ними, а остался на месте трагедии.

Захотелось узнать, почему тигр оказался на людской тропе? Обычно хищник не нападает первым на большую группу охотников. Вдруг меня осенило:

— А, может, мы пришли не вовремя, помешали его завтраку? Любой сильный зверь будет защищать добычу.

Решив проверить предположение, поднялся к месту, откуда появился тигр. Вскоре убедился в правильности моей мысли. На тропе лежала убитая им косуля, которая, по-видимому, заблудилась в густом тумане. Убегая из ложины, поднялась на сопку, там и настиг её преследователь. Косуля была целой и даже тёплой, зверь только придушил её. Стало жалко чудное животное, но помочь ему уже не было возможности. Поразмыслив, прикинул: не пронадать же свежему мясу. Накармлию свеженькой жёну и детей. Закинув животное на плечо, унёс в тайник, сделанный мной в небольшой, но прохладной пещерке. Оставив косулю в надёжном месте, отправился домой, решив:

— Завтра в пять часов утра, пока жители спят, приду на сопку и заберу мясо.

Спускаясь к подножию, увидел на тропе егеря Тимофея. Остановив жестом меня, он произнёс сквозь зубы:

— Звонарь передал, чтобы ты забыл обо всём, что было сегодня на сопке. Пикнешь, сядешь в тюрьму за убийство тигра. Моё дело тебя предупредить.

И добавил:

— Сам, поди, убедился, какой Макар сволочуга. Человеческого в нём давно ничего не осталось. Тесть его сегодня для себя открытие сделал, с каким трусом связался. Так и сказал ему прямо в лицо: «Ты хуже волка, потому что волк смелый, а ты подлый трус и вонючий сунск. Не хочу тебя больше видеть!» Потом у Чернова забарахлило сердце, дружки увезли его в районную больницу. Тебе даю дружеский совет: остерегайся Звонаря, может в раскол тайно пустить.

Не понимая причин откровенности Тимофея, я предположил: «Видно, ему надоело пресмыкаться перед участковым. Побивается мести коварного друга».

...Родион резко поднялся и произнес:

— Вот, что, мужики! Предлагаю пойти сейчас со мной на Тигровую сопку, там всё доскажу и покажу.

Вскочив с земли, охотники окружили Звягина. Тут же, как горох, посыпались вопросы:

— Родя! — взволнованно спросил друга Анискин, — ты точно знаешь, кто украл нетель участкового?

— Да! Сейчас придем на сопку, там покажу вора!

— Ну, Родион Александрович! Ты — настоящий мужик, даже зауважал тебя. Почему так долго молчал? — обратился к нему Фёдор.

— У меня тогда ещё не лопнуло терпение, улики против Звонаря были маловаты. А, главное, вы у меня в друзьях не ходили. Кто поверит пьяному человеку..

Звягин, ответив на вопросы, произнес:

— Хорош, други мои, зря лясы точить, пошли на сопку! Небо всё чернеет... Дождик захватит, а там скалистая поверхность — не поднимемся. Кос-что по дороге сообщу. Путь неблизкий, примерно, с час будем добираться.

Повернулся и пошел быстрым шагом вперед. Мужики, удивленные рассказом Родиона, отправились следом. На половине дороги Родион остановился и сказал:

— У подножия сделаем перекур. Рассказу одну историю, а потом кое-что покажу.

Таинственное поведение Звягина заинтриговало, хотелось поскорее узнать правду до конца.

Глава пятая

К месту подошли быстро, Родион сел на сломанный ствол кедр. Односельчане, шедшие за ним, уселись напротив, с нетерпением ожидая продолжения рассказа. Вдруг мужчина задумчиво спросил:

— На чём я остановился?

Сергей выпалил почти скороговоркой:

— Ты утром собирался сходить за мясом косули на сопку.

— Да, точно, собирался. В полпятого утра, действительно, отправился к тайнику. Поднялся над обрывом, хотел идти к пещерке, как вдруг услышал громкий рык тигра. Мгновенно по всему телу прошла дрожь. Предположил: «Кажется, зверь не погиб. Каким-то путём выбрался на свободу. Наверное, как кошка, приземлился на лапы, очухался и по кромке болота вышел на сушу. Вчера не сожрал, так сегодня до конца дело доведёт».

Скинул ружьё, взвёл курок и прицелился, но никто не появился. Рык прозвучал снова. Прислушавшись, определил: звук доносясь из-под обрыва. На душе стало немного легче:

«Может, ещё поживу? Значит, зверь находится там, куда вчера свалился. Что с ним случилось? Почему не покинул рокового места?»

Захотелось посмотреть, что происходит под скалой. Пошел к тайнику, взял трёхметровую веревку. Возвратившись к месту, нашёл мощную лиственницу, обвязал конец веревки вокруг ствола. Опоясав поясницу вторым концом, стал спускаться к краю обрыва. Старался не сорваться и не повиснуть кулем над опасным местом. Спуск сопровождался падением камней, с грохотом летящих на плато. Подумал: «Тигр, наверняка, слышит каждый мой шаг». Почти у самой кромки скалы стояла небольшая сосёнка. Половина ее корней вросла в расщелины. Вторая свободно болталась в воздухе. Зацепившись за сосёнку, подергал сильнее, деревце крепко держалось. Взявшись рукой за ствол, лег на живот и заглянул вниз. Зрелище, увиденное внизу, поразило меня. Прошибло потом с головы до ног. Тигр был жив. Увидев меня, зарычал, хотел, двинуться в мою сторону, но не смог. Его задние лапы влочилились, как плети, потому что были сломаны. При падении зверь серьёзно покалечился.

Душу залила горечь и боль! Будто беда постигла не тигра, а меня. Было невыносимо осознавать, что красивое, мощное животное превратилось в жалкую калеку. Может умереть голодной смертью. Лихорадочно думал: «Надо что-то делать, зверь голоден. Добыть пищу сам не в состоянии. Постой, есть же косуля! Она — его законная добыча, значит, должна принадлежать ему!».

Поднялся наверх и пошел к тайной кладовой. Нарезав мясо косули, разделил на небольшие порции. Побросав пищу в брезентовый рюкзак, привязал к себе спереди и вернулся обратно. Спустился к краю уже знакомым путём. Держась одной рукой за сосёнку, другой стал бросать мясо тигру. Много кусков упало рядом с ним. Те, что приземлились чуть дальше, он подтигивал здоровой передней лапой. Собрав возле себя всю добычу, с жадностью стал её есть. Иногда поднимал голову, чтобы посмотреть на меня. Мне показалось, что в

его взгляде ко мне уже не было дикой ненависти.

Глава шестая

— Ладно, побалакали и отправляемся дальше. Покажу вам тигра, если его Звонарь не нашёл.

— Дядя Родион, а как ты покажешь тигра всем сразу? По верёвке спускаться к обрыву по одному долго.

— А мы не пойдём наверх. Пройдем снизу, там, где поставлена изгородь. Три дня назад решил обследовать запрещённое место. Оказалось, из-за летней жары вода испарилась. Болото отступило на полтора метра. Надев рыбацкие сапоги, хранившиеся в тайнике, спокойно пробрёл по мелководью. Тигр был недалеко, в метрах десяти от меня. Почувствовав запах человека, повернул голову, оскалил клыки, но узнав меня, успокоился. Подошёл к нему ближе, бросил три тушки кроликов. Зверь, накинувшись на них, забыл о моем присутствии.

Зная, что тигр из-за болезни не нападет, прошёл по территории. Рык его был такой громкий, поэтому дал ему кличку Гром. Заслышав своё имя, он стал поворачивать голову в мою сторону. Осмотрев местность, убедился: горизонтальная скала, по которой шёл, спускалась далеко в болотистую местность. Возле нижнего плато трясинный не было: вода не была застойной. Постоянно разбавлялась чистой родниковой водой, бьющей из-под вертикальной скалы. Ручей, выбегавший из родника, протекал рядом с тигром. Посев, он мог досыта напиться ключевой воды. Глядя на Грома, прикинул в уме:

— Если бы не травма задних лап, мой подопечный давно бы окреп. Надо показать его ветеринару Аркадию Уколову. Усыпив животное, осмотрит ушиб, решит, что с ним делать дальше. Все стоит хорошенько обмозговать, чтобы Звонарь раньше времени не узнал, что тигр жив.

Собираясь домой, решил забрать две тушки кроликов, которые вчера упали при кормлении тигра на широкий уступ вертикальной скалы. Кроликов на нём не оказалось. Куда они могли подеваться? Над уступом нависала старая береза, прочно державшаяся корнями в расщелинах скалы. Березу обвивали лианы стоявшей рядом актинидии. Вдруг из её кроны появилась голова удава. Он смотрел мне прямо в лицо неподвижными, гипнотизирующими глазами. Ноги похолодели от страха. Вскочил сработав инстинкт самосохранения, приказал себе: «Беги! Скорее беги!»

Опомнившись, бросился бежать. За всю прожитую жизнь не бежал так быстро, как в этот раз.

Произнес эти слова, Родион замолчал и больше не сказал ни слова до самой сопки. Незаметно подошли к изгороди. Звягин остановился и предупредил:

— На плато всем вести себя тихо! Там, кроме Грома, удав может затаиться. Пробеда по воде у изгороди, вошли на каменную платформу. Тигр, услышав людские шаги, приподнялся и зарычал. Родион произнес:

— Спокойно, Гром, это я!

Гром, еще немного пометался на месте, поворчал и обречённо улегся. Вдруг Серёга, шедший за Родионом, громко закричал, забыв о предупреждении:

— Посмотрите! У самой скалы находится наша Зорька!

И правда, звонарёвская тёлка лежала недалеко от ручья, усердно жуя жвачку. Заслышав голоса, встала и пошла навстречу людям.

— Мужики, выводим Зорьку с плато к подножию сопки, — сказал Звягин. Надо накормить её свежей травой. Воду, возможно, пила из ручья, а вот травы здесь нет.

Погладив животное по голове, надел на шею веревку и повел к изгороди. Тигр издал шепелящий тревожный рык: прямо изпод его носа исчезал сытный ужин. Братья

Ашпины с жалостью оглянулись на бунтовавшего зверя:

— Андрей, — тихо окликнул брата Николай, — надо помочь Родиону в охране и лечении Грома.

— Согласен! Сделаем всё, что от нас потребуются.

Услышав их разговор, Федор Митрошин тихо добавил:

— Мы с сыном такого же мнения: нужно не просто помочь, а сделать всё необходимое, чтобы тигр вернулся совершенно здоровым на свободу.

Договорившись о помощи тигру, пошли гуськом за Родионом. У подножия сопки Зорьку, чтобы не убежала, привязали к берёзке. Длинная веревка позволяла ей свободно ходить по поляне и щипать траву.

— Мужики, предлагаю разбиться на две группы, — проговорил Звягин. — Николай с Сергеем, попрошу вас остаться с Зорькой. Мы же пойдём проверять капканы. Грома нужно хорошо накормить. Не расслабляйтесь, этот громилу удав неизвестно где шастает. Скоро вернёмся и тогда повечеряем.

Сердобольный Серёга шептал, глядя на проголодавшуюся нетель:

— Ешь, Зорька! Ешь досыта, проголодалась бедная!

Потом начал спрашивать Николая:

— Дядя, Коля, подскажите, как Зорька здесь оказалась?

— Не знаю, Сергей! Вот холоки вернутся, и Звягин тайну откроет. Потерпи немного!

Через час группа Родиона, накормив тигра, вернулись к подножию. Сергей, увидев их, обрадовался, как ребёнок.

— Дядя Родион! У нас в детстве ребята говорили: первое слово — дорожка второго. Пока вы ходили, я уже измучил лялю Колю предположениями насчёт Зорьки. После ужина откройте свой секрет!

— Ладно, Сергей! Своё первое слово сдержу, не беспокойся!

Было видно, что едоки проголодались. Через несколько минут скатерть-самобранка была пуста. Запили пищу водой из фляжки, набранной в роднике. Закончив ужинать, задымили крепким самосадом, предложенным из кисета Андрея. Один Сергей, отец которому строго запретил курить, ёрзал нетерпеливо на месте.

— Ты что, Сергей, вертись, как принцесса на горошине? Смотри, на штанах дырку потрёпал, — пошутил над ним отец.

— Да ну тебя, батя! Думаю, сам хочешь Зорькину историю услышать.

— Хватит бычиться, — засмеялся Родион, — усаживайтесь лучше удобнее и слушайте. Только объяснить суть истории, увы, не смогу. Для меня случай, произошедший с Зорькой, просто фантастика. Помните, я рассказывал, как удирал от удава. Так вот, когда пришёл домой, так мне стало стыдно. Корил себя: «Какой из тебя меткий снайпер. Белку, видите ли, бьёт в глаз. На деле же трусом оказался. Улёпывал так, только пятки сверкали. Вот пойди завтра на Тигровую сопку и докажи себе, что ты не трус». «И пойду!» — ответил сам себе.

И действительно, пошёл, но не утром, а ближе к закату, жена попросила свозить её в районную больницу. Когда возвратились, даже есть не стал. Собрал в рюкзак краюху хлеба, чёток молока и побегал на Тигровую сопку.

Сразу поднялся наверх, хотел сверху берёзу камнями забросать, чтобы выгнать удава из кроны. Переживал за Грома, вдруг на него, ослабевшего во время болезни, накинется. Этот трёхметровый удавище, если его побеспокоить, задушить сможет. Сколько ни бросал в крону камней, никто из неё не появился. Оглядел скалистый уступ, тот тоже был пустым. «Куда, стервец, мог подеваться? — подумал я. — Ну, нет, так нет! Пойду, проверю капканы, Гром уже заждаётся».

Накормив тигра, решил до темноты вер-

нуться домой. Стал спускаться к подножию сопки. Не дойдя метра три до её основания, увидел на тропе какое-то существо. Оно вело себя как-то необычно: при ходьбе виляло из стороны в сторону. Приглядевшись, определил, что это корова. Возник вопрос: «Почему она так странно движется? То остановится, будто идти не хочет. Потом шагает вперёд, словно подчиняясь чьему-то приказу».

Тихонько спустился пониже. Взял в руки большой камень: так, на всякий случай, стал рассматривать рыжую тёлку.

Вы не поверите тому, что увидел: крупная молоденькая корова была обмотана толстыми кольцами знакомого мне удава. Его голова свисала на полметра вперед с крупы нетели. Он хорошо видел выбранный им путь. Хвост трёхметровой «змеейки» находился на вершине туловища коровы. Если она останавливалась, удав сжимал её кольцами и, хлеща хвостом по крупу, направлял в нужное место. Приглядевшись, узнал в нетели звонарёвскую Зорьку. Удав уже подвёл её к изгороди, она побрела по воле на плато. Понял я, что удав ведёт нетель к тигру. Зачем это делает? Объяснить себе не мог. Дойти до тигра оставалось метра четыре. Предвидя страшную трагедию, не выдержал! подкрался к ним поближе. Прицелился и со всей силы швырнул острый камень в голову удава. К неопишуемой радости, попал. Возможно, от причиненной боли тот свалился под ноги коровы. Зорька, перешагнув через захватчика, побежала вглубь плато. Думал, удав кинется за ней, но нет, уполз за скалу и исчез. Гром, увидев тёлку, вскопчил и попытался ринуться следом. Но ноги не слушались, боль сделала коварное дело. Быстро обессилев, опустился на землю и стал, молча, дождаться брошенную зайчатику. Я не знал, что делать! Если пойду за тёлкой, она может в наступившей темноте шарахнуться к тигру. Тот только будет рад встрече с ней. А вдруг удав притаился и ждёт меня, чтобы напасть. Получается: и корове не помогу, и сам могу погибнуть. Решил: «Пойду домой, а завтра утром, если будет жива, заберу и отведу к участковому».

Потом помолчал и добавил:

— А потом ты, Андрей, прислал ко мне Анискина за помощью. Вот, Серёга, и вся история, случившаяся с Зорькой.

— Дядя, Родион, почему удав не залупил её, а привёл на плато живой? Может, хотел тигра накормить? Гром от боли стоял, ему его стало жалко, вот и решил помочь?

— Сергей, я не знаю ответа на твой вопрос. Для меня самого это необъяснимая загадка. В природе иногда случаются в реальности какие-либо события — необычные, когда звери ведут себя добрее, чем люди. А люди ведут себя, как звери.

— Знаешь, Сергей, — проговорил Николай Ашпин, — ты полчаса назад просил рассказать меня о случае, произошедшем на первой делянке в нашей тайге. Сейчас расскажу.

Глава седьмая

Возможно, событие, произошедшее три года назад, прольёт свет на интересующую тебя тайну. Оно нас тогда напугало и обрадовало. А случилось вот что. Разрабатывая делянку, мы наткнулись на логово тигрицы с двумя трёхмесячными тигрятами. Правда, само лежбище находилось на другой стороне небольшой речушки, поэтому она нам не докучала. Вскоре вырубка леса приблизилась к реке. Громкий шум бензопил, топоров, техники стал тигрицу беспокоить. Хозяйка тайжных мест решила заявить о своих правах на территорию. Однажды, в жарком июле, вместе с детёнышами переплыла обмелевшую речку. Затем пришла на поляну, где паслась наша коза с маленьким месячным козленком. Поляна от делянки была, примерно, в двухстах метрах. Увидев тигрицу, все в ужасе замерли, понимая, что кормилице Нюрке и её

Сергей Пряхин

С литературным творчеством Сергея Афанасьевича Пряхина читатели «Усятской россыпи» уже знакомы, в тринадцатом выпуске Альманаха была опубликована подборка его стихов на целую газетную полосу. Его стихи о любви и философии крестьянской души.
Живёт в Таштаголе Кемеровской области.

Эх, душа!

*Мягким, уютным, надёжным теплом,
Запахом мёда и свежего хлеба —
Встретил нас маленький старенький дом
И рушники цвета чистого неба.*

*Русская печь — «разыгралась» в углу,
Благостней этого зрелища нет:
На потолке, на стенах, на полу —
Колышется нежно-малиновый свет.*

*В зимний, неспешный, задумчивый, вечер —
Мама читает стихи детворе...
Звёзды рассыпались небу на плечи
И на зеркальном снегу, во дворе.*

Чугуна

*Солнце светит, играют звёзды,
Дышат горы, плывёт луна...
И птенцы копошатся в гнёздах,
И журчит меж камней Чугуна.*

*Под корнями берёз и кедра,
Под обломками древних скал
Укрывает собою недра,
Символ силы и счастья — металл.*

*Его ценность не столь величественна.
Но других у нас ценностей нет?
В кладовой, под землёю — чинно,
Он хоронится много лет.*

*Это золото. По крупницам
Собирает его старатель
Лишь затем, чтобы счастья птица
Принесла самобранку-скатерть.*

*И, себя не щадя за это,
(О Природе подумать в тягость)
Целомудренный облик планеты —
Распинал, не сыскавши радость.*

*Солнце в дымке — погасли звёзды,
Стонут Горы, ушла Луна;
И не жалко, знать, птички гнёзда.
Под бульдозером — Чугуна.*

Белая сказка

*Снегопад во дворе затих.
В доме — Звёздная ночь поэта:
О морозе рождается стих
В окруженье тепла и света.*

*Поджидая с морозом встречи —
Всё на месте: дрова и шубы;
Напоились пожарче печи,
Кружева выдыхают трубы.*

*Провода зазвенели струной,
Свежий снег от мороза парит;
За окошком, за тёплой стеной —
Невидимка-художник, творит!*

*Под Луною насыщенный лес
Ярких звёзд опустил высоту,
Снег зажёг отраженьем небес,
Бескорыстно даря красоту.*

*Вот, прозрачное взяв полотно
И, владея — единственной краской.
Он украсил простое стекло, нам —
Из детства вернувшейся сказкой.*

*Парисует художник-мороз
И — пейзаж, на студёном окошке,
И — волшебные ветви берёз,
И — хвою, в перламутровой крошке.*

*Слышу я — тот мороз, в тишине.
Он снежинкой скрипит, словно мелом:
Знать — витраж, оформляется мне
Весь орнаментом — искристо-белым.*

*Всё теснее ложатся слои.
О! Явь это, иль мне всё же снится?
Вон, раскинула крылья свои
На ветвях и хрустальная птица!*

*Я с восторгом смотрю позитив.
И вновь чудо?! В окне этом вижу,
Вдруг — тропический, летний мотив!
Ну а он то, тут взялся откуда?*

*Вот холодного моря волна —
Задремала, над сказочным миром.
Кё-пейи седой пелена
И брега, бережливо укрывала.*

*Как в гипнозе стою у окна,
Для стихов подбирая ключи...
Сквозь прозрачную ткань полотна
Просочились рассвета лучи.*

*И лишь Солнце коснулось окна
Как картина зарёю зарделась:
Покатилась обратно волна
И застывшая сказка, «созрелась».*

*И, неспешно — волне в унисон,
Улетела хрустальная птица.
Эта — Белая сказка, не сон!
А ушла, что бы вновь возвратиться...*

Свет любви

*Убелённый годами отец
Иль совсем ещё юная мать,
Ждут ведь — белому свету конец!
...То, чего не увидишь, и ждать?!*

*Кто-то крепостью выбрал Белуху,
Кто-то — харч, по кладовкам, «шкиряет»,
Кто-то в бункере спрятался глухо,
Кто-то Бога с огнём поджидает.*

*Я ж ценю каждый времени миг
И люблю Мир загадочных Звёзд,
Богородицы-Ладушки лик
И затишье в семье после «грозы».*

*Я люблю чистоту молодых,
Бескорыстность в делах стариков
И удары судьбы мне под-дых,
Для стремления к знаниям веков.*

*Я люблю благодарность в глазах,
Детский лепет, глагол мудрецов,
Быть с роднёю и с Богом в узах;
Я люблю наших мам и отцов.*

*Свет любви излучается мной.
Я — Душа, плоть от Бога-Творца.
Свет любви не погасится тьмой;
Белу свету не будет конца!*

Эх, душа!

*Эх, деревня — сиротка запойная,
Эх, труды вы мои — бесконечные;
Мне на что эта воля, безвольная?
На потехи мои — беспечные?!*

*Эх ты — сердце моё, живучее,
Эх вы — руки мои, усталые;
Вам попутчики — чрево едущее,
Да — уста мои, бессовестные.*

*Эх, любовь ты моя — нетленная,
Эх, мечты вы мои — немислимые;
Мне наукой — жена блаженная,
А заслугой — грехи бесчисленные.*

*Белым днём, чёрной ночью бессонною,
В плен отдав — суете и печали,
Свою душу — как Бог, невесомую,
Я стремлюсь в безрассветные дали.*

*Среди Звёзд путеводных, в небесной тиши,
Стынут чистые слёзы моей Души.
Испытания — цепь бесконечная...
Ты держись уж, Душа, сердечная!*

Урок пророка

**«Красота спасёт Мир,
если она добрая»**
(Ф.М.Достоевский)

*Когда разум пленён толпою,
Людам — выгода, Солнцем, блещет;
Поступаются и красотой,
Забываются вечные вещи.*

*Не куражить бы жизнь, а кружить,
Никого не браня, не коря,
Всех принять, да ещё б пережить
Двадцать первое декабря!*

*Мир (душевно больной калека)
О спасении к Богу взывает,
И надежды ему возлагает...
По спасенье — в умах Человека...*

*Красота? Она ж хрупка, что Мир,
Ей самой-то приходится «туго».
Да во время чумы этот мир —
Красота, на которой, прислуга...*

*Вот и прожит «последний» день.
Позади Свет «ушедший», с «нагаром».
А быть может — «пророка» тень,
Концом света пугала недаром?*

*Может стали иными мы —
За мгновение до шага в пропасть.
На границе Света и Тьмы,
Перед Тьмой — испытавши, робость?!*

*Может быть, пришло осознание:
Красота нам несёт покой;
А вот — ВЕРА, что значит — ЗНАНИЕ,
Сохранит этот Мир Земной.*

*А Душа, истосковавшись в плену,
Уиллюзий — толпы и дурмана,
Всё ж — с любовью глядит в вышину,
Разорвав паутину обмана.*

*Дай же волю Душе, толпа,
И не жди дар небесный, на блюде:
Чтоб сияла вокруг красота —
Пробуждайте сознание, Люди!*

детёнышу Фомке пришел конец. Молоко козы восстанавливало нам силы после тяжелого дневного труда. Стрелять нечем, единственное ружье осталось в избушке. До неё было ещё дальше, чем до поляны. И зачем ружьё? Стрелять в тигрицу с тигрятами было запрещено законом.

Нюрка была на привязи, длинная веревка не позволяла ей уйти в дебри тайги. Козлёнок бегал свободно, но не отходил от матери. Постоянно искал под её брюшком сосок с молоком. Лесорубы, скучая по собственным детям, находили в малыше радостную отдушину и полюбили Фомку.

Тигрица направилась сразу к козе, увидев в ней потенциальную добычу. Тигрята обогнали мать и побежали впереди. Фомка, приняв их за подросших местных котят, живущих вместе с кошкой в избушке, решил затеять игру. Козлёнок начал влипать, наклонять голову, делая вид, что боится. Призывал своим весёлым поведением маленьких полосатых «котят» порезвиться. Непрошенные «гости» сначала опешили. Потом тигрёнок покрупнее ударил малыша лапкой по голове. Фомка от удара полетел кубарем, чуточку полежав, поднялся. Наклонив головёнку, ринулся бодать обидчика. Маленький охотник опять хлестнул его лапкой. Оглушённый козленок упал и больше не шевелился. Тигрёнок пригрозил придушить побеждённую добычу. Нам стало понятно, что тигрица перевела тигрят на мясное вскармливание. Обучала их охотиться на мелких животных.

Наблюдающие эту картину люди от страха закрыли глаза. Открыв снова, увидели: тигрица обошла нападавшего охотника и заслонила собой козлёнка. Затем слегка шлепнула лапой агрессивного сына. Тот отлетел от козлёнка почти на полметра. Вскочив, снова ринулся к добыче, и опять полетел назад от очередного шлепка. Мы недоумевали: что происходит? Тигрёнок тоже не понимал матери, ещё вчера разрешавшей охотиться на зайцев. Отогнав своего упрямца, тигрица подошла к козлёнку, обнюхала его. От него нахло материнским молоком. Увидев, что Фомка зашпелелся, подтолкнула его носом. Когда козлёнок, шатаясь, поднялся на ослабевшие ноги, развернулась и пошла вместе с тигрятами к реке.

Что это было? Предположения товарищей, пришедших в себя от потрясения, посыпались, как град. Тогда подумал: «Именно запах молока позволил тигрице, недавно кормившей тигрят, пожалеть козленка. Материнским чутьем поняла, что Фомка ещё несмышлёный детёныш. Не позволила тигрятам убить его, как добычу».

Теперь, как применить произошедший случай к удаву и тигру? В мире природы существует тесная связь между животными. Уже пять дней прошло, как с тигром случилась беда. Родион постоянно подкармливал его. Удав, живший на березе, опутанной лианами актинидии, видел мучения зверя. Понимал его беззащитность, но не пытался напасть и убить. И зачем убивать? Удав заглатывает только мелкую добычу. Возможно, когда съел двух кроликов, свалившихся под берёзу, посчитал, что их подарил тигр. В знак благодарности сделал ответный подарок — в виде рыжей Зорьки. Конечно, такое предположение покажется вам смешным, и мне тоже. Учёными с мировым именем доказано, что удавы способны привязываться к людям. Например, в Индии молодые удавы, маленькие удавчики и полозы охраняют маленьких детей от нападения ядовитых кобр. Так что оставим случай с тёлкой Звонарева открытым. Удав и тигр не умеют говорить. На вопрос, поставленный тобой, Сергея, ответа не дадут. Остаётся только предполагать и додумывать, почему всё произошло, именно так, а не иначе. Давайте лучше сделаем всё, чтобы спасти нашего Грома, чтобы тигр снова стал хозяином могучей тайги.

г. Новокузнецк.

Юрий ПРОСКОКОВ

Родился в 1950 году в городе Горно-Алтайск Алтайского края. В 1958 году семья переехала в Междуреченск. Работал электрослесарем на разрезе «Томусинский», его трудовой стаж – сорок три года.

Увлекается рыбалкой, охотой. Серьёзно литературой занялся в 2009 году. Печатался в альманахе «Радуга сердец», региональных поэтических сборниках, энциклопедическом издании «Писатели Кузбасса». Он автор книг: «Берега» (поэзия), «Таёжные были» (проза), «Вдыхая запахи тайги» (проза), «Каждому дана своя дорога» (стихи), «Встречая алые рассветы» (проза). Участник поэтических фестивалей, конкурсов, концертов, является лауреатом фестивалей-конкурсов «Дружба-2013» в Междуреченске, «Осенний разгуляй» в Прокопьевске и «Дружба-2014» в Междуреченске. Член союза Кузбасских писателей и Российского союза писателей.

Медведь с белой отметиной

Рассказ старого шорца-охотника (в сокращении)

Вот он, долгожданный первый день отпуска! Егор с другом Васькой давно собирались съездить порыбачить на таёжную реку Мрас-Су выше Хомутовского порога. У Егора был знакомый шорец, заядлый рыбак Кирилл, который жил в небольшой деревушке Порушке, расположенной в двадцати километрах выше порога.

Было начало августа, река обмелела без дождей, и Василий старался как можно аккуратней вести лодку по перекатам. Шёл третий час, как они отчалили от гостеприимного берега, и вот уже вдали показались крыши деревушки.

— Добрались, слава Богу, — Василий с криканием вылез из лодки, разминая затёкшие ноги и спину, — пойдём Кирилла искать.

— А чего его искать, вон, бабка его идёт. К ним, и вправду, спускалась с пригорка небольшого росточка старушка в заплатанном ватнике и галюшах. Она поприветствовала их на шорском:

— Эйзенок! — потом перешла на русский. — Пойдёмте в избу, там старика дожидаться будем. Он тайга ушёл, пстли про-верять, может, мяса принесёт. Давно вас поджидает, ещё на той неделе думал, приедете, всё выгладывал.

Ближе к вечеру притопал с охоты Кирилл. Он обрадовался гостям, а когда увидел патронташ, привезённый в подарок ему, растрогался до слёз:

— Ай да молодец, как догадался, что мне такой надел? — несколько раз повторял он, разглядывая подарок.

Тем временем хозяйка поставила жарить мясо — муж принёс «козу», так здесь называют маленьких оленей.

— В петлю попала, — объяснил Кирилл, — давно такую не ловил.

Он посочурился, что дичи совсем мало стало в тайге, мясо не всегда в доме есть:

— А ведь охотник мясо должен кушать, чтобы хорошо по тайге ходить, на одном талкане много не походишь.

Но Егор, давно знавший старого шорца, понимал, что хитрит Кирилл, ведь его талкан считался самым лучшим во всей округе. Сколько ни просил Егор, старик так и не рассказал секрет приготовления своего целебного порошка. Каждый охотник готовит это истинно шорское блюдо по-своему, у всех есть свой рецепт приготовления высококалорийного порошка, завариваемого крутым кипятком.

Вскоре хозяйка пригласила всех кушать. Васька сбегал в лодку за бутылочкой, и под сто граммов, все принялись с аппетитом уплетать сочное жареное мясо. За едой потекли неспешные разговоры, бутылка была опорожнена, друзей потянуло где-нибудь прилечь. Как-то незаметно речь зашла о хозяине тайги — медведе, и Кирилл ожил:

— Я вам такую историю расскажу — спать забудете!

Он разжёг трубку, попытался ею немножко и, поймав внимательные взгляды дру-

зей, неловко начал рассказ:

— Давно это было, я тогда ещё ружья не держал в руках. Жил у нас в деревне охотник, Афанасием звали. Был он самым удачливым во всей округе, всегда домой с добычей возвращался. Собак держал хороших — соболятниц. Ходил он и на хозяина.

Много медведя добыл, но однажды произошёл с ним случай, изменивший всю его жизнь. Нашёл он по первому снегу берлогу, заметил место, чтобы потом прийти с мужиками и поднять зверя. А по следам было видно, что медведь залёг громадных размеров — одному опасно брать, мало ли что может случиться.

Когда выпало уже немало снега и начались хорошие морозы, Афанасий и ещё двое охотников отправились поднимать зверя. Всё закончилось быстро, медведь ещё не успел впасть в длительную спячку, и стоило его шевельнуть шестом, как он выскочил из берлоги, едва не задавив шестового. Один выстрел Афанасия, и зверь упал как подкошенный. Мужики привязали собак, повесили ружья на деревья, закурили. Потом начали разделывать убитое животное. И тут из берлоги с диким воплем вылетел небольшой медвежонок и с выканьем начал улёпётывать в сторону реки.

Охотники, забыв о ружьях и собаках, с хрипом рвавшихся с поводков, кинулись за ним. Афанасий вернулся, схватил ружьё и бросился вслед за остальными. Медвежонок догнали у обрыва, это был голова-лый пестун, таких охотники называют «няньками». Они ложатся в берлогу вместе с матерью, а весной помогают ей с малышами, рождёнными зимой.

Медвежонок стоял на самом краю обрыва на задних лапах, посочуливая по-собачьи, и поглядывал то на приближающихся людей, то на реку под обрывом. Мужики подбежали, запыхавшись, и встали от него метрах в тридцати, не зная, что предпринять. Афанасий поднял ружьё:

— Пристрелим, всё равно он без матери пропадёт зимой, в берлогу уж точно не вернётся!

Но выстрелить не успел: медвежонок прыгнул вниз. Мужики ахнули:

— Вот бестия, не стал дожидаться, пока пристрелят, решил покончить жизнь самоубийством!

Они глянули вниз. Там, у самой кромки воды, лежала маленькая жалкая кучка бурого цвета, бывшая ещё недавно живым существом. Мужики переглянулись, тяжело вздохнули и не спеша побрели раздвигать ещё тёплую медвежью тушу. Всё время, пока занимались мясом, и потом уже, по дороге домой, никто из них не проронил ни слова, и только перед самой деревней, один охотник сказал Афанасию:

— Ты видел, какая у этого пестуна отметина была на левой стороне груди?

— Да, небольшое белое пятно, но почему-то подумал, что это снег был.

С той поры прошло два с половиной года.

Афанасий на медведя больше не ходил, видимо, что-то в нём перевернулось после той охоты. Но вот однажды, возвращаясь из тайги, он почувствовал чей-то пристальный взгляд. Остановился и внимательно огляделся вокруг — ни одна веточка не шелохнулась по присутствию кого-то ощущалось очень остро. Афанасий поёжился:

— Вот чёрт, покажется же такое, — и побрёл дальше, постоянно оглядываясь.

Несколько дней не давала покоя мысль: что кто-то глядел из леса, это был инстинкт прирождённого охотника, который особым образом чувствовал тайгу. Он слышал и различал в ней звуки и шорохи, он был частью этого мира, мира природы, которую впитал в себя с молоком матери — шорской таёжницы.

— Стареть начал, однако, — решил он наконец, — казаться начало что попало. — Хватит дома сидеть, пойду промышлять, может, на солонце чего добуду, — доложил он жене и, прихватив ружьишко, шагнул за порог.

До старого солонца было ходу чуть больше часа. Афанасий же не торопился, он решил остаться ночевать на лабазе в скрадке, с надеждой, что рано утром к солонцу подойдут козы. Удобно расположившись на высоко устроенном помосте так, чтобы солонец хорошо просматривался, он прислонился к кедровому стволу, впотьглаз поглядывая на высланный до глины пятак земли, испотанный лесным зверем. Расслабил тело, отдыхая после долгой ходьбы. Проснулся Афанасий от крика филина. Было уже совсем темно:

— Посплю до утра, — подумал Афанасий и, достав из рюкзака старенькую телогрейку, прилёг, положив руку под голову.

Рассвет только-только начинал окрашивать горизонт тоненькой светлой полоской, из логов, крадучись начал выползать жиденький, полупрозрачный туман, ранние птицы стали перекликаться хриплыми после сна голосами. Потянул лёгкий ветерок, слегка шевеля начинающие желтеть осенние листья.

Афанасий открыл глаза:

— Пора, хватит кемарить, смотреть надо, — и приладил ружьишко на сучок, отполированный за годы до блеска.

Рассвет быстро набирал силу, уже было отчётливо видно все окрестности, но козы, как ожидал Афанасий, так и не появились:

— Наверное, на другой солонец пошли, — решил он и хотел уже слезть на землю, как вдруг краем глаза успел увидеть движение на краю леса. — Посижу ещё немного, авось и подойдут, — подумал Афанасий, глядя в то место, где, как ему показалось, что-то шевельнулось.

И тут он увидел то, чего никак не ожидал увидеть! На опушке леса, за пределами выстрела, стоял громадный медведь с белой отметиной на левой стороне груди! У Афона выступил холодный пот:

— Не может быть! Он не мог выжить, как же так? — шептал он побелевшими губами.

Тело стало ватным, затряслись руки, и ружьё выпало, с грохотом полетело вниз, целясь за сучки. Медведь постоял, пристально вглядываясь в скрадок, на охотника, затем, опустившись на все лапы, не спеша побрёл вглубь леса. Долго ещё сидел Афанасий, не в силах унять дрожь в теле. Наконец, успокоился, слез на землю, подобрал ружьё и медленню пошёл в деревню.

Пока шёл, вспоминал ту далёкую историю с медвежонком, явственно помнил его взгляд, полный отчаяния и страха перед человеком, его смертельный прыжок в пропасть. И вот теперь, выживший каким-то чудом, тот маленький беззащитный зверёк вырос и превратился в красивого громадного зверя, который нашёл охотника — убийцу его матери.

Афанасий вспомнил тот взгляд из глубины леса, что ощутил на себе недавно. И понял, чей это был взгляд. Да, это была охота, но охота уже на него, и от этой мысли у Афанасия замирало сердце.

Он знал, что зверь очень умён и не подпустит к себе на выстрел, оставалось надеяться только на случай. Старый охотник стал реже выходить из дома, от малейшего шума вздрагивал, стал раздражительным, злым. Старуха-жена не могла взять в толк, что же с ним случилось, почему старик так изменился и всегда как будто чего-то ждёт.

Долго так продолжаться не могло, Афанасий знал, что не зря объявился здесь зверь, но никому, даже друзьям не говорил, боялся, что засмеют. Лучший охотник в округе, медвежатник, и вдруг испугался зверя! Если бы это всё было так просто.

Развязка произошла как-то сама собой. В один погожий осенний день Афанасий с утра пораньше вышел из избы попилить дров. Вытащил из сарая старенькую, но исправно служившую ему много лет пилу «Дружба» и хотел уже заводить её, но опять почувствовал на себе тот же пристальный взгляд.

Обернувшись, увидел в двадцати шагах от себя медведя с белой отметиной, который стоял на задних лапах и пристально, не мигая, горящим взглядом смотрел на старого шорца. Больше Афанасий ничего не помнил. Его, лежащего без движения с пилой, зажатой в руках, нашла жена.

Лицо Афанасия перекосило, глаза были как стеклянные, говорить он не мог. Она заволокла деда в дом, позвала родных. Немного посоветовавшись, решили отвезти его в город в больницу. Так и сделали.

Афанасий пробыл в больнице неделю, потом встал в кому, и на девятый день, после очередного приступа инсульта, отдал Богу душу.

Мать-медведица была отомщена своим сыном охотнику, не причинив ему физической боли, этим самым как бы давая понять, насколько же звери гуманнее человека. А медведя с белой отметиной в этих краях больше никто, кроме погибшего старого охотника, так и не увидел.

г. Междуреченск.

ственным курсом, признавая в Свете равную державу.

На стадионе новый королевский статус Светы был неожиданно укреплен ответственной ролью: показатели на стометровке фиксировал у мальчишек сам физрук, а девчонки отдал Свете, вручив «скинстр и державу», символы и орудия власти — тяжёлый блестящий секундомер и разграфлённый блокнот с ручкой. Света осуществляла «властные полномочия» с истинно королевским милосердием и сообразно своим понятиям о высшей справедливости. Очкастенькой слабосильной Наде Гордесовой, пухляшке Лене Ильиной, тещедушной Ивановке зажимала стрелку чуть раньше, чтобы хоть на четвёрочку вышло, а долгоногим Бабкиной и Кочерге замеряла секунды честно — хватит с них и их кудрявости... То есть, некоторым образом «вершила судьбы»,правляя неравенство природы.

После всех замеров возбуждённых и распаренных девчонок обуяла жажда. Пить, пить! — до дома не вытерпеть, что же это, нигде автомата с газировкой не видно?

— А-а-а! — вдруг радостно возопила шустрая Ивановка. — Девчонки, знаю! Здесь

фонтанчик есть! Поилка! Я видела!

Вся девчонья стайка в момент шумно востепенулась и понеслась на обещанный водоём...

Света стометровку не бегала, и жажда её не томила. Зачем, зачем она подхватила вместе со всеми бежать, сломя голову, — все в теннисках, а она на своих румынских платформах? Как же королевское достоинство? Или королеве пристало быть с народом, разделяя его нужды? Нет, скорее, Света вмиг забыла о своей померещившейся «высокой роли», обратившись в одну из беспечных птичек. Куда же ты рванулась, новоявленная «барышня» и королева, как простая смертная? Стометровку не захотела бегать, а тут... Может, её хотели вразумить высшие силы, чтобы не очнуться за носилась, Кочергой не обернулась? Близок, близок крах твоего «королевского величия», секунды шёлкают...

Света не долетела до фонтанчика метров пять, больно и сильно впечатавшись в серый колкий асфальт круглыми коленками. Коленками, обтянутыми волшебными чешскими колготками!

В одно мгновение колготок не стало.

Кровавые ссадины в ладонь величиной, грязные чёрные лохмотья вокруг ран, немой ужас в глазах, бесчувствие внезапности, а потом горячие, безутешные слёзы от неоправданности...

Девчонки не бросили — захлопотали, заохали, отмывали водой из злосчастного фонтанчика, перевязывали мокрыми носовыми платками, заботливо везли «раненую» на трамвас... Мама даже не ругалась, только вздохнула:

— В первый раз надела... девять пятьдесят коту под хвост. Я как чуяла. Ладно, сколько ещё порвёшь...

Назавтра классная, тревожно сдвинув брови, стала спрашивать после уроков, что ж такое, как, мол, так вышло, и Света жалобно расписывала свой конфуз-несчастье, и вот тогда-то сильный Борисковский басок донёсся из-за спины:

— Ага... завалилась, как ду-у-ура...

Света осеклась и обернулась в изумлении. Чем это она «дура»? Почему это Борисков так? Все жалуют и сочувствуют, а этот — злорадствует? За что?

Борисков улыбался, навалившись через парту поближе, смотрел ясными ка-

рими глазами. Ну и глаза — любая девчонка позавидует. И глаза эти смеялись и блестели, но не зло... нет, не зло! Сияли глаза Борискова. Отчего? Никакого обычного мальчишеского дразнения-запирания, тупо-злобного, кошачье-собачьего, хулиганисто-хамского. Чего ты хочешь, что ты «имеешь сказать», неслепый троечник Борисков, зачем ты встрял со своим «комментарием»? Это «дура» звучало нежно и покровительственно... Много времени прошло, прежде чем Света догадалась: конёк-горбунок мечтал взять тебя на спину, под защиту, и провезти через все ухабы и рытвины, чтобы ты больше нигде не упала и не расшиблась. Но откуда тебе было знать это тогда, в одиннадцать лет?

Тогда словно сфинксову загадку задали, приоткрыв неведомое. Осталось робкое недоумение, долгое и неразрешимое, но стронувшее нечто глубинное и тайное — подземные геологические пласты. Колготки — лишь малая, ничтожная жертва за глаза Борискова и за это предчувствие, хоть и стояли они целых девять рублей пятьдесят копеек...

Укротитель

Пенсионер Бубанистов добрался домой в задумчивости. Можно сказать, в потрясении. Даже предательски забыл поставить в холодильник кефир, за которым ходил в дальний магазин «Фермер»: ведь только кефир однодневный слабит, а уж на третий день, наоборот — крепит! Пластиковая бутылка, недоумевая, обиженно высунула голову из мешка, несправно оставленного под зеркалом, — хозяин сидел на кухне, уставившись в окно.

Потрясение случилось, когда на подходе к дому Бубанистов, опасливо озираясь, ступил с тротуара на полосатую «зебру». Визгивнув тормозами, ниоткуда нарисовалась морда авто. Бубанистов враждебно воззрился на неё, но морда терпеливо пыхла у невидимой стены перехода. Ждала. Скопив на неё глаз, Бубанистов стал недоверчиво продвигаться по «зебре», ожидая сразу за своей спиной ширканья шин... Но лишь когда он вскарабкался на противоположную сторону, автовраг, лица которого Бубанистов по слабости зрения разглядеть и не пытался, двинулся дальше.

Что за чудеса? «Наверняка, за рулём баба, — неприязненно думал Бубанистов, — их сейчас развелось немеряно». Сам он никогда автовладельцем не был и не стремился. Какие авто на честные сто двадцать рублей зарплаты простого советского инженера? Копить-надрывать, а потом ещё возюкаться с этой железкой, заискивать перед какими-то чумазыми слесарями или самому лежать под брюхом лелеемого монстра, как сосед Степаныч? Тыфу! Для того ли он образование получил? Лучше с тем же Степанычем в картишки перекинуться, посмотреть футбол, политику обсудить, газетку почитавши. Бубанистов был выше неприменной мужской жажды «колёс» и езды с ветерком. Детские игрушки, примитив.

Когда в девяностые за рулём всё чаще стали обнаруживаться женщины, да ещё и просто сопливые девчонки, Бубанистов воспринял это как абсурд и посягательство на всеобщее мужское достоинство — эти-то куда лезут, дуры безмозглые? Тем большее неприятие стала вызывать у него, принципиального пешехода, как он себя именовать, вся эта автомобильная шайка. Вся жизнь Бубанистов считал доблестью, делом чести и полным правом пренебрегать всякими их «правилами» и светофорами — использовал уличное пространство по своему усмотрению.

Он вспомнил, как лет пятнадцать назад, когда внучка Ируся ещё ходила в детский сад, ему поручили забрать её. Гордый редким поручением, Бубанистов потащил девчонку напрямик, через шумный рыкающий проспект. Пусть видит мужскую смелость и бесшабашность, а то всё бабушка, да мама, женская глупая, пугливая смиренность.

— А мы вон там не-сходим, всегда, — удивилась Ируся, тыкая крохотным пальчиком в свирепый красноглазый светофор.

— Ты с делом! — снисходительно возразил Бубанистов. — Не трусь, мелочь. На ста-а-арт... готовься!

Быстро вертя головой по сторонам, наслаждаясь своей отнюдь не стариковской пока ловкостью и силой, Бубанистов тогда ещё вполне зорко оценивал скорость и траекторию движения пролетающих мимо колёсных противников. Точно рассчитав, выбрал подходящий разрыв в беспощадном железном потоке и рванул Ирусю вперёд, выпорхнув из-под самого носа автомобильных нагленов. Ага, есть, наша взяла! — полдела сделано, полдороги одолели...

Дед с внучкой оказались на условном островке посреди бушующей стихии бешеной скорости. Ируся робко прижалась к деду. Металлические убийцы пронеслись совсем вплотную, тесня безумцев и не желая уступить ни сантиметра своей территории. Бубанистов с Ирусей ждали две, три, пять минут... Попались! Девочка уже растянула ротик, приготовившись плакать. Бубанистов запаниковал.

— Здесь же «зебра!» — проорал он неизвестно кому, срывая голос и призывно взмахивая рукой. — Остров! Остров нарисован!

«Гды, гды!» — негодовал Бубанистов, — ведь видят же: старик с ребёнком!». Хотя пять минут назад ни за что не принял бы звание «старика». Робинзонами помирать на этом бессмысленном «острове», что ли? Сколько ещё маяться, стоя тут христорадно? Мелькнула глупая мысль: лечь в магическом очерченном овал в знак протеста! Ага, тогда их уж точно раскатают в кровавую лепешку, сей же миг. Лихие девяностые, как назовут их позже, бесновались вокруг и устаревшая, по-советски уличная, слабо-омашиненная лихость Бубанистова, принципиального пешехода, этой новой бесстыжей автолихостью была сокрушена напроочь и бесповоротно.

Теперь уж и не понять, как он с Ирусей всё же смог тогда юркнуть смертельно-цирковым трюком, в последнем и без-

надёжном отчаянии, под визг тормозов и вопли водителей, в плотную злобную стремнину и оказаться на безопасном тротуаре. На нетвёрдых ногах, в бесчувственном ступоре от пережитого, Бубанистов спешно сдал Ирусю бабушке, а вечером прослушал по телефону истерику дочери и был справедливо отлучён навсегда от подобных деловских поручений. Он, разумеется, хорохорился на тему «ничего же не случилось», но лично для себя сделал угрюмые выводы, смирившись с масштабом перемен. Только по законной «зебре», только под светофор, да и то — воровски оглядываясь, бесправным тараканом...

Привык! Приноровился. И вот на тебе — уступают дорогу, вежливо и уважительно. Мол, только после вас, сударь. Что ж такое случилось? Бубанистов припомнил, что недавно все в округе тихие когда-то улочки изрисовали «зебрами». До смешного: любой перекрёсток, пустяково-лилипутский, в пять шагов, опоясан-стянут полосатыми тропинками. Неужели станут пропускать на каждом?

На следующий день Бубанистов с утра отправился проверять свои невероятные подозрения. Неторопливо прогуливался возле намеченной к испытанию «зебры». Завидев издали противника, внезапно сворачивал, демонстрируя готовность ступить на спорную землю.

Злыдни сбавляли ход и покорно ждали исполнения Бубанистовым заявленных намерений. Невероятно! Не может быть... А вот здесь? А на углу? А сразу за поворотом? А перед этим тупорылым танкообразным? А через проспект в три ряда? А без светофора?

Коварный Бубанистов экспериментировал и провоцировал, но закономерность сбавляла неизменно: многочисленные обидчики смиренно признавали за ним право нога за ногу болтаться по любым «зебрам». По его хотению и разумению. Как ему нужно! Фантастика... Должно быть, что-то переменялось, уверился Бубанистов, сменились правила игры! Он признан полноправным игроком, он больше не пугливый таракан!

Бубанистов с ликованием вернулся в ряды принципиальных пешеходов — долой громоздкие трамваи, низкосидящие увалы троллейбусы и тряское дребезжание маршруток!

Ножками, ножками — и несомненная польза здоровью, и каждодневное подтверждение собственной значимости. Фигура Бубанистова подтянулась. Взор прояснился. Ноги окрепли. Он изучил все

«зебры» в пределах пешей достижимости и продумал все пути, совершая всё более дальние вылазки. Но особенным пристрастием Бубанистова стало одно местечко, ежедневно лающее ему опущение жизненного триумфа.

Вся хитрость злешней «зебры» заключается в том, что мстрах в десяти «выше по течению» торчит строгий страж — Светофор, уполномоченный прерывать запылённый бег автозверей по проспекту, дабы пропустить, в очередь с «проспектными», струю с поворота. Не будь здесь «зебры» с автостоянки, одолеть переправу пешком было бы невозможно — не одни, так другие несутся на всех парах... Пришлось бы идти на поклон и указку к Светофору. Но не таков Бубанистов, нарочно проникший окольными путями на мысик автостоянки, словно вражеский лазутчик. Бубанистов и его тайно персональная, нежно любимая «зебра».

С невинным видом, неся в стариковской кошелёчке однодневный кефир, Бубанистов приближается к переходу в нужный момент: вся свора машин только что покорно отстояла под Светофором и, выпущенная им «на старт», срывается с места. И вот тут-то на «зебру» задумчиво, как бы рассеянно, ступает башмак пенса Бубанистова. Свора с рычанием и разочарованием сбавляет пыл — Бубанистов с наслаждением воображает матюки водил — и притормаживает в нетерпении...

Одна захудалая машинёшка, грязноватый жигулёнок старой советской закалки, невзирая на то, что Бубанистов уже стоит на священной «зебре», нахально отрывается от законопослушной стаи и порекает вперёд, перед самым носом Бубанистова. Небось, внутри сидит такой же старый, как и его жигуль, водила, которому все эти новомодные политесы на дорогах никак не вняты и неприятны!

Бубанистов гордо выпячивает грудь и, в праведном гнве, возмущённо грозит вслед наглецу кулаком. Потом, презрительно сощурив глаз, смотрит, нет ли желающих последовать дурному примеру, и настойчиво тыкает указующим перстом в полосатый половичок перехода — мол, а это видели? Я тут в своём полном праве! Победно глядя в оскаленные радиаторы, Бубанистов медленно одолевает переход, чувствуя себя дрессировщиком хищных зверей.

Показательные выступления бесстрашного укротителя Бубанистова происходят ежедневно.

г. Санкт Петербург.

Александр ВАСЮНОВ

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта, Крымской области. Среднюю школу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет.

С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагол. С 1981 года по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку.

С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба ГО и ЧС, затем в дирекции по безопасности ЕВРАЗруды.

Самые большие увлечения - это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи. Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году попав в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедры, курумники... В свободное время пишет рассказы, которых накопилось за бурную жизнь очень много.

«Живи вопреки всем!»

Рассказы

Капкан

Утро было морозным и ясным. Снег мелко искрился всеми цветами радуги. Пролетающая изморозь блесками помогала создавать в окружающей природе праздничный предновогодний вид. На девственной чистоты полянах и опушках попадались следы зверя, продолжавшего свою жизнь в холодное время года.

Михаил работал руководителем дорожной службы. Он исколесил вдоль и поперёк зоны своей ответственности. На его территории особой гордостью были мосты, построенные в целях экономии бюджетных средств, по его собственным проектам. И вот на комфортной и проходимой служебной машине сехал Михаил на один из своих мостов.

Он был рыбаком, заядлым охотником и фанатом строителем-трудоголиком. Не жалел сил и времени на свою работу. А в тот день Михаил сразу после наряда решил проверить запущенный в эксплуатацию мост на границе с соседней областью. Его сооружение далось с большим трудом и подпорченными нервами. Надо было обследовать своё детище, ушедшее в зиму и морозы.

Михаил не торопился. Глядел на зимнее великолепие природы, механически отмечая в памяти следы зверя на белом покрывале. Внезапно взгляд зафиксировал след, похожий на собачий, по какой-то причине, забравшийся далеко от жилья.

«Волк! Его следы похожи на собачьи. Но почему он идёт до заброшенного разобранного моста и никуда не выходит?» — подумал Михаил, притормаживая машину. Ему приходилось видеть следы большой выдры, промышлявшей в этих местах на её участке охоты. И даже один раз видеть эту зверюшку, перебегающую дорогу перед машиной. А волка в этих

местах никогда не встречал.

Михаил вышел из машины. По следам дошёл до небольшого обрыва, остановился перед наваленными брёвнами заброшенного переезда. За брёвнами увидел сероватый ком, присмотрелся — это был волк, попавший в капкан, поставленный на выдру. Не на кого было больше ставить капканы в этом месте. Поставлен капкан был, видимо, давно, насторожен рыбой на ценного зверя. Этот запах и привлек волка.

Михаил, проваливаясь в ботинках в глубокий снег, остановился недалеко от волка с серовато-стальной шерстью. Обречённый, злобно болезненный взгляд жёлтых глаз, в которых были безысходность и мука от долгой боли, поразили его. Ничего хорошего зверь не ожидал от приближающегося человека.

...Несколько дней назад, пойдя на едва ощутимый запах мороженой рыбы, хищник потерял осторожность. Не почуял запаха замёрзшего железа, угодил в ловушку. Сначала пытался освободиться от неё, а потом, выбившись из сил, лёг. Выть боялся. Слышал проезжавшие машины, голоса людей, лай собак и скрип санных полозьев. Никто не обращал внимания на его следы.

Не везло волку. Когда стаей преследовали отбившегося от стада лося, он повредил ногу. Стал отставать. Вожак обнюхал его рану и увёл стаю к новому месту. Волк долго голодал. Нашёл и съел останки пропавшей птицы, растащенной мышами. Нешадно болел. Пролёжал несколько дней у неубранной копы сена, не обращая внимания на бегавших по нему мышей-полёвок. Чтобы утолить жажду, лизал горячим шершавым языком грязноватый снег.

Выздоровел. И вновь угодил в неприятность. Теперь ожидал от приближающегося к нему человека самое худшее. Это был его враг — постоянный и безжалостный, которого нужно бояться и не встречаться с ним...

Михаил вернулся к машине. Переоделся в рабочую куртку, взял другую, старую, пропахшую мазутом и гудроном. У проезжих старателей попросил кусок хлеба. Вернулся назад. Накинул на голову зверя старьё. С помощью большой суковатой палки, коврика-подстилки, опасаясь оскаленных молочно-белых клыков, открыл капкан и вытянул онемевшую лапу зверя. Обессиленный волк её самостоятельно вытянуть не мог. Силы ушли на попытки самостоятельного освобождения из плена.

Не покусал зверь Михаила. Не борол-

ся за свою жизнь. Его инстинкт самосохранения перестал работать, и он смирился со своей участью. Ведь смерть — это избавление от боли.

Михаил оставил зверя рядом с капканом. Положил около морды кусок хлеба и вернулся к своей машине. Уходя, посмотрел на обессиленное животное. Волк, не мигая, смотрел ему вслед.

— Живи, зверюга. И больше не попадайся в капканы! — проговорил Михаил.

Так и оставил его, обессиленного, лежать рядом с капканом и куском хлеба.

Вечером, проезжая назад мимо места, где оставил волка, Михаил решил посмотреть на спасённого зверя. Прошёл до обрыва. Волка не было, как и не осталось куска хлеба — платы за причинённое горе.

Ведь как бывает: один поставил капкан, а проверить или закрыть его забыл. Не подумал, что кто-то может в него попасть. Не снял, не разрядил, не выбрал время, чтобы убрать опасное оружие охоты. Тем самым обрек попавшего в него зверя на муки и боль. А второй, хоть и торопился по своим делам, остановился и, несмотря на опасность, освободил его из железных челюстей.

«Какой же странный человек этот Человек?» — мог бы подумать волк, когда оказался в спасительном лесу, уйдя прочь от места своего шлена и неминуемой смерти...

А впереди его ожидала липкая холодная зима.

Живи, волк! Живи назло своему одиночеству! Живи вопреки всем! Пусть тебя обходят стороной опасности и беды, которых досталось выше положенного. Рассчитывай только на себя в этой страшной жизни!

И пусть почаще встречаются добрые люди, такие, как наш Михаил.

У лося на буксире

За долгое время, которое я посвящал рыбалке, одному из самых любимых увлечений, многое пришлось повидать, многое услышать, но эта история, рассказанная моим знакомым как бы между прочим, запомнилась и легла в основу повествования.

Большая река, один из многочисленных притоков озера-моря, жемчужины Сибири. Нестроенная людьми природа. Одним словом — дикий край. И первозданная тишина с прозрачным воздухом,

жёлто-золотистым разноцветьем лиственниц, берёз и осин, с вкраплениями ярких красных кустов боярышника и черёмухи на фоне тёмно-зелёных пихт и сосен. Видимые вдаль чётко очерченные островские горы приозёрного хребта с зубчатыми пиками вершин, покрытые бело-голубым свежим снегом. Это примерное описание дивной красоты того места, куда попали наши герои.

На берегу большой реки у завала из оплукнувших водой мощных стволов сосен, осин и берёз, со свисающей бело-коричневой берестой, на продуваемом каменистом берегу расположен лагерь двух рыбаков, приехавших за удовольствием от общения с природой. Новенькая яркая палатка с тентом-прихожей, автоматическая повышенная проходимость и обеспечивающая комфорт в дальних поездках, таган с набором котелков, раскладной столик с перевёрнутой чистой посудой, два походных кресла и звуки стереомызыки из навороченной системы, установленной в машине. Дополняет картину стана стоящая у уреза воды лодка последней модификации с водомётном-японцем, удочки и спиннинги, прислонённые к одинокому полуободранному кусту. Звуки музыки звучат в унисон звукам текущей воды.

Никакого движения, будто всё живое вымерло. В лагере никто не занимается каким-либо делом. Рыбалка в полном ступоре... За два дня активной рыбалки почти нулевой результат. Настроения — никакие. Даже окружающая природа, которая будто стремится компенсировать своей красотой рыбацкий облом, не радует ни красотой, ни бодрящим осенним воздухом с запахом свежесыгранного белья, занесённого с мороза в дом. Утренняя свежесть постепенно уступает дневному потеплению. Ночная изморозь превращается в тёмную воду на оставленных или забытых вещах и предметах быта. Костёр весело потрескивает, а варёвое своим запахом бодрит желудки рыбаков в предвкушении доброго завтрака. Впереди ожидаемая рыбалка — встреча с нестроеным рыбьим царством — тайменями, сигаками, хариусами, ленками.

После плотного завтрака мужики побросали снасти в лодку и пошли на моторе вверх, к пока ещё не обрыбаченным местам на противоположном берегу, едва видимом вдаль за широкой рекой. Ходко идёт лодка. Вершинки спиннингов и удочки покачиваются, а леса серебряной паутиной поблёскивают на солнце. Внутри каждого — ожидание встречи с крупной рыбой, предвкушение борьбы с ней, пока ещё не пойманной.

Александр ВАСЮНОВ

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта, Крымской области. Среднюю школу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет.

С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагола. С 1981 года по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку.

С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба ГО и ЧС, затем в дирекции по безопасности ЕВРАЗруда.

Самые большие увлечения - это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи. Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году попав в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедры, курумники... В свободное время пишет рассказы, которых накопилось за бурную жизнь очень много.

«Живи вопреки всем!»

Рассказы

Капкан

Утро было морозным и ясным. Снег мелко искрился всеми цветами радуги. Пролетающая изморозь блесками помогала создавать в окружающей природе праздничный предновогодний вид. На девственной чистоте полянах и опушках попадались следы зверя, продолжавшего свою жизнь в холодное время года.

Михаил работал руководителем дорожной службы. Он исколесил вдоль и поперёк зоны своей ответственности. На его территории особой гордостью были мосты, построенные в целях экономии бюджетных средств, по его собственным проектам. И вот на комфортной и проходимой служебной машине ехал Михаил на один из своих мостов.

Он был рыбаком, заядлым охотником и фанатом строителем-трудоголиком. Не жалел сил и времени на свою работу. А в тот день Михаил сразу после наряда решил проверить запущенный в эксплуатацию мост на границе с соседней областью. Его сооружение далось с большим трудом и подпорченными нервами. Надо было обследовать своё детище, ушедшее в зиму и морозы.

Михаил не торопился. Глядел на зимнее великолепие природы, механически отмечая в памяти следы зверя на белом покрывале. Внезапно взгляд зафиксировал след, похожий на собачий, по какой-то причине, забравшийся далеко от жилья.

«Волк! Его следы похожи на собачьи. Но почему он идёт до заброшенного разобранного моста и никуда не выходит?» — подумал Михаил, притормаживая машину. Ему приходилось видеть следы большой выдры, промышлявшей в этих местах на её участке охоты. И даже один раз видеть эту зверюшку, перебегающую дорогу перед машиной. А волка в этих

местах никогда не встречал.

Михаил вышел из машины. По следам дошёл до небольшого обрыва, остановился перед нависшими брёвнами заброшенного переезда. За бревнами увидел сероватый ком, присмотрелся — это был волк, попавший в капкан, поставленный на выдру. Не на кого было больше ставить капканы в этом месте. Поставлен капкан был, видимо, давно, насторожен рыбой на ценного зверя. Этот запах и привлек волка.

Михаил, проваливаясь в ботинках в глубокий снег, остановился недалеко от волка с серовато-стальной шерстью. Обречённый, злобно болезненный взгляд жёлтых глаз, в которых были безысходность и мука от долгой боли, поразили его. Ничего хорошего зверь не ожидал от приближающегося человека.

...Несколько дней назад, пойдя на едва ощутимый запах мороженой рыбы, хищник потерял осторожность. Не почуяв запаха замёрзшего железа, угодил в ловушку. Сначала пытался освободиться от неё, а потом, выбившись из сил, лёг. Выть боялся. Слышал проезжавшие машины, голоса людей, лай собак и скрип санных полозьев. Никто не обращал внимания на его следы.

Не везло волку. Когда стаей преследовали отбившегося от стада лося, он повредил ногу. Стал отставать. Вожак обнюхал его рану и увёл стаю к новому месту. Волк долго голодал. Нашёл и съел останки пропавшей птицы, растащенной мышами. Нешадно болел. Пролёжал несколько дней у неубранной копны сена, не обращая внимания на бегавших по нему мышей-полёвок. Чтобы утолить жажду, лизал горячим шершавым языком грязноватый снег.

Выздоровел. И вновь угодил в неприятность. Теперь ожидал от приближающегося к нему человека самое худшее. Это был его враг — постоянный и безжалостный, которого нужно бояться и не встречаться с ним...

Михаил вернулся к машине. Переделав в рабочую куртку, взял другую, старую, пропахшую мазутом и гудроном. У проезжих старателей попросил кусок хлеба. Вернулся назад. Накинул на голову зверя старьё. С помощью большой суковатой палки, коврика-подстилки, опасаясь оскаленных молочно-белых клыков, открыл капкан и вытащил онемевшую лапу зверя. Обессиленный волк сё самостоятельно вытащить не мог. Силы ушли на попытку самостоятельного освобождения из плена.

Не покусал зверь Михаила. Не борол-

ся за свою жизнь. Его инстинкт самосохранения перестал работать, и он смирился со своей участью. Ведь смерть — это избавление от боли.

Михаил оставил зверя рядом с капканом. Положил около морды кусок хлеба и вернулся к своей машине. Уходя, посмотрел на обессиленное животное. Волк, не мигая, смотрел ему вслед.

— Живи, зверюга. И больше не попадайся в капканы! — проговорил Михаил.

Так и оставил его, обессиленного, лежать рядом с капканом и куском хлеба.

Вечером, проезжая назад мимо места, где оставил волка, Михаил решил посмотреть на спасённого зверя. Прошёл до обрыва. Волка не было, как и не осталось куска хлеба — платы за причинённое горе.

Ведь как бывает: один поставил капкан, а проверить или закрыть его забыл. Не подумал, что кто-то может в него попасть. Не снял, не разрядил, не выбрал время, чтобы убрать опасное оружие охоты. Тем самым обрёл попавшего в него зверя на муки и боль. А второй, хоть и торопился по своим делам, остановился и, несмотря на опасность, освободил его из железных челюстей.

«Какой же странный человек этот Человек?» — мог бы подумать волк, когда оказался в спасительном лесу, уйдя прочь от места своего пленя и неминуемой смерти...

А впереди его ожидала длинная холодная зима.

Живи, волк! Живи назло своему одиночеству! Живи вопреки всем! Пусть тебя обходят стороной опасности и беды, которых досталось выше положенного. Рассчитывай только на себя в этой страшной жизни!

И пусть почаще встречаются добрые люди, такие, как наш Михаил.

У лося на буксире

За долгое время, которое я посвятил рыбалке, одному из самых любимых увлечений, многое пришлось повидать, многое услышать, но эта история, рассказанная моим знакомым как бы между прочим, запомнилась и легла в основу повествования.

Большая река, один из многочисленных притоков озера-моря, жемчужины Сибири. Нетронутая людьми природа. Одним словом — дикий край. И первозданная тишина с прозрачным воздухом,

жёлто-золотистым разнообразием лиственных, берёз и осин, с вкраплениями ярких красных кустов боярышника и черёмухи на фоне тёмно-зелёных пихт и сосен. Видимые вдали чётко очерченные островершеские горы приозёрного хребта с зубчатыми пиками вершин, покрытые бело-голубым свежим снегом. Это примерное описание дивной красоты того места, куда попали наши герои.

На берегу большой реки у завала из оплывших водой мощных стволов сосен, осин и берёз, со свисающей бело-коричневой берестой, на продуваемом каменистом берегу расположен лагерь двух рыбаков, приехавших за удовольствием от общения с природой. Новенькая яркая палатка с тентом-прихожей, автомашина повышенной проходимости и обескураживающая комфорт в дальних поездках, таган с набором котелков, раскладной столик с перевёрнутой чистой посудой, два походных кресла и звуки стереомышки из навороченной системы, установленной в машине. Дополняет картину стана стоящая у уреза воды лодка последней модификации с водомётом-японцем, удочки и спиннинги, прислонённые к одинокому полуободранному кусту. Звуки музыки звучат в унисон звукам текущей воды.

Никакого движения, будто всё живое вымерло. В лагере никто не занимается каким-либо делом. Рыбалка в полном ступоре... За два дня активной рыбалки почти нулевой результат. Настроения — никакого. Даже окружающая природа, которая будто стремится компенсировать своей красотой рыбацкий облом, не радуется ни красотой, ни бодрящим осенним воздухом с запахом свежесыгранного белья, занесённого с мороза в дом. Утренняя свежесть постепенно уступает дневному потеплению. Ночная изморозь превращается в тёмную воду на оставленных или забытых вещах и предметах быта. Костёр весело потрескивает, а варево своим запахом бодрит желудки рыбаков в предвкушении доброго завтрака. Впереди ожидаемая рыбалка — встреча с нетронутым рыбным царством — тайменями, сига́ми, хариусами, ленками.

После плотного завтрака мужики побросали снасти в лодку и пошли на моторе вверх, к пока ещё не обрыбаченным местам на противоположном берегу, едва видимом вдали за широкой рекой. Ходко идёт лодка. Вершинки спиннингов и удочки покачиваются, а леса серебряной паутиной поблёскивают на солнце. Внутри каждого — ожидание встречи с крупной рыбой, предвкушение борьбы с ней, пока ещё не пойманной.

Не до разговоров. Оба сосредоточены, молчат и смотрят только вперёд, к медленно приближающемуся берегу их рыбацкой надежды на удачный лов.

«Японец» всеми лошаадьми толкает лодку по почти гладкой поверхности изумрудно-зелёной, голубовато-серебристой воды.

Идут ходко. Прямо по курсу впереди появляется пятно, похожее на корни пропленного дерева. Подошли поближе. Оказалось, что это крупный лось с богатыми здоровыми рогами, торчащими над водой, как ветки дерева. Плыл спокойно. Пофыркивает. Целеустремлён. У него гон, и он в поисках самки. Инстинкт продолжения рода — главный стимул его плавания. И плывёт он по своим лосиным делам. Никому не мешает. Косит влажными блестящими глазами на приближающуюся лодку с рыбаками.

— Подверни поближе! Поглядим на этого красавца, — говорит Пашка, а точнее, Павел Александрович. Прожжённый в прямом и переносном смысле таёжник, рыбак и инициатор дальних поездок в экзотические места. Кстати, дальняя поездка на Большое озеро-море тоже была его затеей. Видите ли, когда ему пришлось гнать машину с Владивостока, то сильно приглянулись эти места, и он дал себе слово побывать здесь обязательно.

— Не балуй! — говорит осторожный Михаил. — Пусть плывёт. Нам ведь ничего от него ничего не надо.

Михаил Николаевич тоже интересная личность. Никуда он без своего закадычного друга Пашки. Как нитка за иголкой. Даже жена, махнув на их дружбу рукой, смирилась и воспринимает это с обречённым видом. Вдобавок Миша ещё и финансист, обеспечивающий все ближние и дальние поездки. А по факту обустройства станов или временных жилищ и быта на них — нет ему равных.

— А давай, Миша, сэкономим немного бензина. Привяжу швартовочный канат за его рога и пусть тащит, как миленький, — не унимается Павел.

Михаил, не задумываясь о последствиях, подплывает к сильному зверю. Павел набрасывает капроновый шнур на рога лоса.

Мотор глухнет. Лось, кося глазом, пофыркивая и раздувая ноздри, тащит их лодку, которая плывёт за его мощным задом. Он продолжает пофыркивание и зло блестит глазами, изредка поворачивая голову на незваных пассажиров. Он очень зол.

Противоположный берег с отмытым, отсортированным и отшлифованным водой гальщиком с редкими круглыми валунами неумолимо приближается к ним.

— Сплошная халява! — с восторгом кричит Павел. — Мы с тобой экономисты. Смотри, сколько на буксире идём! — продолжает восторженно кричать он.

Проходит ещё некоторое время их безмятежного плавания на буксире. Довольные Павел и Михаил радуются как дети, внезапно дорвавшись до халявы. И они ещё не знают, что приближается беда. Не замечают протопленную впереди косу-отмель с большими волнами воды.

Лось, ещё недавно плывший спокойно и, как казалось, смилившийся с привязанной лодкой, задвигает копытами опору — дно. И всю оставшуюся силу вкладывает в передние, а потом в задние ноги. Отталкивается всей своей лосиной мощью от каменистого дна и... начинает бег по твёрдому дну реки. Благо, опора под ним хорошая и сдвигавшиеся камни не проседают, а тело не проваливается. Опора-то хорошая.

Капроновый швартовочный канат натягивается. Лодка внезапно выскакивает из воды. Не удержавшись в ней, Михаил и Павел вываливаются на камни и больно ударяются. Подвесной мотор лодки отрываясь с транца, колотится о камни. Раз-

бивается его красивый пластмассовый корпус. А лось с лодкой, освобождённой от рыбаков и мотора, продолжает движение вперёд.

Всей своей мощью он несётся к видному недалеко лесу. Лежащие на камнях рыбаки с ужасом смотрят на происходящее. Лось проскакивает мимо растущих близко друг от друга сосен. Лодка, ещё недавно представлявшая надёжное плавание, попадает меж них и с громким звуком лопается. Воздух со свистом выходит наружу и необычным для лоса свистом придаёт дополнительные силы испуганной животно. Он, как танк, ломится вперёд вглубь спасительного леса. Мужики видят, что лось с лоскутами лодки и швартовочным тросом исчезает в прибрежном лесочке.

Павел и Михаил, крича и охая, ругаясь и матерясь, встают и, прихрамывая, направляются к разбитому о камни мотору-водомоту. А если точнее, к тому, что от него осталось. И по ходу подбирают переломанные снасти — спиннинги и удочки. Взгляды с глубочайшей тоской устремляются на остатки плавающего средства, валяющегося недалеко и напоминающего рваньё и хлам.

До них начинает доходить, что своим легкомыслием они сами себе создали проблему. Забыли, что лось силен и коварен. Про дно забыли. Про нож, висевший на боку, которым можно было перерезать капроновый трос. Обалдуи, одним словом.

Сэкономили бензин. Тишину воды послушали. Прокатались на халяву. Зверя вблизи поглядели. Похвастаться перед знакомыми решили о своих приключениях. А получается, что создали проблему на ровном месте.

...К лагерю они попали только на третий сутки. Обессиленные и голодные, на дрожащих в коленях ногах сошли с самодельного плота из необрубленных деревьев разной толщины. Подошли к стоянке с одиноко стоящей машиной и палаткой.

Приходили в себя долго, пока не закончили запасы горячительного, которым снимали стресс. Сначала обмывали своё спасение, а потом просто пили за внезапно закончившуюся, так и не успевшую начаться рыбалку.

Договорившись между собой, старались не рассказывать о пережитом приключении. И приключением его назвать нельзя. Ведь виновны в случившемся были оба, за что и поплатились.

Медведь-преследователь

В конце августа—начале сентября старый кедр, стоящий сплошником на перевале на границе двух областей, продолжал радовать обильно падающей кедровой шишкой с неслезовых деревьев. Это явление, продолжающееся ежегодно, у коренного населения называется тушке-ном.

В это время вдоль дороги, соединяющей посёлки золотодобытчиков, обычно встречается много машин, стоящих на обочине, в кюветах, съездах, небольших «карманах».

Но в тот раз машины и люди по какой-то причине отсутствовали.

Валентин с друзьями-шахтёрами долгое время был на заготовке ореха. В кедровнике был обустроенный стан с железной будкой-вагончиком, оставленный в незапамятные времена у старой дороги-прямушки, ведущей к заброшенному и захиревшему приисковому посёлку. И вот шишкарки выходили к месту, где, как было договорено, их должна была забрать машина. Налегке, проделав путь по тайге мимо мощных кедров-великанов, он вме-

сте с товарищами вышел на грунтовую дорогу. Машины не было.

После небольшого отдыха и нервного ожидания заказанного транспорта посовестились и решили идти пешим порядком к заброшенному посёлку из нескольких домов. В нём до глубокой осени, до снега, жил их общий знакомый Павел, а по жизни просто Пашка Руднев. И если по ходу движения им не встретится машина, то они остановятся у него и скоро-тают в тепле холодную ночь.

Пошли. Усталость чувствовалась, но идти-то надо было. Зверья не боялись. Оно в это время сытое. Медведь отъедался, готовился к зиме, жир наедал.

И пошли мужики с обречённым видом по дороге. Немного прошли. Идущий позади всех Владимир, припадавший на изувеченную в молодости ногу, оглянулся назад. Он заметил, что по их следам идёт здоровенный бурый медведь. Точнее, это был медведь с тёмно-коричневым окрасом шерсти, отливающей белизной. Его мышцы при движении перекатывались волнами, тело колыхалось, демонстрируя мощь. Даже дыхание было слышно. Это был здоровый зверь — хозяин тайги, во всей своей мощи.

От этого мужики пошли быстрее и оглядываться стали чаще. Но хищник продолжал идти, упорно их преследуя. Не бежал, не рычал, не торопился. Просто шёл, оставаясь на одном и том же расстоянии. Хоть и знали шишкарки, что он в это время сыт и не опасен, но хода не убавляли.

Дорога была накатанной и не препятствовала их ходьбе. В таком темпе шли некоторое время. Начали выдыхаться. Медведь тем временем начал понемногу сокращать расстояние. Его дыхание стало слышно громче. Воздух с шумом и свистом вырывался из его пасти. Но он по-прежнему молчал. От этого становилось только страшнее.

Потом косоланый резко повернул вправо по ходу и скрылся в придорожной тайге.

— Наконец-то отстал, — облегчённо вздохнув, громко проговорил Владимир.

— Наверя ли, — ответил Валентин, — он, видно, попытается опередить нас и выйдет снова к дороге. Будет ждать нас, чтобы напасть наверняка.

— Откуда знаешь?

— Догадываюсь. Да и на душе как-то неспокойно.

Он что, умный?

— Нет, опытный. И хочет, видно, ото-

мстить нам за то, что кто-то сильно навредил ему или обидел.

Они пошли ещё быстрее, пропустив вперёд Владимира, потом побежали. Внезапно впереди зашумели кусты тальника и высокой травы. Мелькнуло что-то большое, чёрно-коричневое с лоснящейся шерстью. На пределе забежали на большую кучу гравия, оставленного когда-то золотарями, возвышающуюся большим холмом у дороги. Потом начали отковыривать и сверху кидать в сторону хищника булыжники и камни. При этом орали и ругались громкими голосами, не слушая

друг друга. Медведь пытался подняться к ним и почти не чувствовал болезненных ударов.

Прижавшись плечами друг к другу, продолжая орать, они пытались отпугнуть зверя и надеялись, что он уйдёт. Но медведь это не останавливало. Казалось, что сама смерть в образе хозяина тайги пришла за их жизнями.

Медведь начал медленный подъём на холм, будто растягивая удовольствие перед неумолимой расправой. И когда до людей оставались какие-то метры, он начал вставать на задние лапы, оскалив клыкастую пасть и показывая острые длинные когти на передних лапах. Тут из-за поворота выехала большая машина-лесовоз. Водитель увидел нападшего на людей медведя и направил на него машину.

Несмотря на большой вес и огромные размеры, медведь легко опустился на передние лапы и проворно отпрыгнул в сторону от наседавшей на него машины. Потом, рыкнув, быстро исчез в придорожных кустах.

Радости Валентина и его друзей не было предела. Побледневшие лица стали по-немногу розоветь, а испуг проходить. Потом, перебивая друг друга, взахлёб повеселили водителя историю преследования зверюги.

Машина развернулась на узкой дороге, и они благополучно добрались до посёлка...

Но медведь не ушёл тогда от этой дороги. По слухам, пытался не раз напасть на людей в кедровых и на перевале. Но в последний момент исчезал, когда те хватались за ружья. Не попал он под их прицельные выстрелы.

Перестал пугать людей медведь после нападения на пасечника, бывшего егеря. Порвал его сильно. Верные друзья-собаки отобрали ищарапанного, порванного, истекающего кровью хозяина. Пасечник из последних сил дотянулся до ружья и прикончил хищника.

За что преследовал медведь Валентина и его друзей? Кому пытался отомстить? Какая обида была нанесена ему людьми? За что обиделся на род людской? Нет ответов на эти вопросы.

А вот глаза зверя, глядевшие в глаза людей там, на холме, запомнились. Не было в них жалости, а только злоба, не сулящая ничего хорошего.

Видно, ангел-хранитель в лице подъяввшего на лесовозе водителя спас шишкарей от неминуемой смерти.

Форпост или На останце

В наше время новые знания из разных областей науки опровергают ранее уложенные исторические и научные факты в фундаментальную науку с описанием естественного хода развития исторических и геологических процессов. Напрочь отвергают существование и развитие ранних цивилизаций. Верить или не верить, уже не вопрос, а аксиома. И сомневаться в этом не приходится.

Не исключено, что и наша Горная Шория, на территории которой обнаружены мегалиты и другие артефакты, подтверждающие, что давно, очень давно, они были созданы неизвестными жителями древних цивилизаций, таит много неизвестного.

... Валентин шёл по тайге. Удивительно, что гул проезжающих автомашин по новой объездной дороге, разгрузившей движение к городу, внезапно стал зати-

хоть, а потом совершенно пропал. Перестал дуть ветер, ещё недавно раскачивающий вершины деревьев. Пропали слышимые звуки скрипящих стволов пихт, ломающегося сухостоя, летящих и падающих на землю вниз сучьев и веток.

Внезапно его взору открылось нагромождение скал, на которых в разных местах валялись останки могучих кедров-великанов.

Валентин остановился и задрал голову вверх, на вершину полуразрушенного останца, сложенного крупными плитами правильной формы. Удивило, что в одном

её небольшими глотками. Вода имела неимоверный вкус, будто была из горного источника. Но немного пресноватая. При этом он испытывал лёгкое покалывание в ладонях. А едва ощущаемый прохладный поток воздуха снизу освежал его тело.

Утолив жажду, Валентин ещё раз оглядел место своего пребывания. Ноги, несмотря на проделанный путь и крутой подъём, не болели. Сердце билось в обычном режиме, будто и не было никаких нагрузок. В голове была такая ясность, что диву давался. Мозг очистился от побочных мрачных мыслей, так часто посещав-

месте были собраны крупнозернистый голубоватый гранит, красноватый порфирит и разрушенный рыхлый песчаник с коричневатым отливом.

Его взору предстало впечатляющее зрелище. Постаралась матушка-природа, объединив в одном месте причудливое нагромождение больших монолитов разных горных пород, которые ну никак не могли по канонам науки-геологии оказаться в одном месте, нагромождённые друг на друга. Да вдобавок были гладко отёсанными или отшлифованными ветрами и осадками за неизвестно какое время.

Валентин ступил на нижнюю, едва видимую и вросшую в землю большую плиту размером с кузов большого самосвала. Ещё раз, более внимательно, посмотрел на это чудо Природы. Что-то подсказывало ему на искусственную обработку плит, проделанную в одно время неизвестными каменотёсами-строителями с использованием чудо-техники.

Это был какой-то форпост или наблюдательный пункт великанов. Невозможно современному человеку сотворить такое. Мысленно освободил останец от заросших и окружавших его деревьев. И взору представился настоящий наблюдательный пункт — форпост. Вот только зачем и с какой целью он был построен и за кем с него велось наблюдение, понять не мог. Не укладывалась в голове масштабность сооружения. Слишком большое было.

Валентин прошёл по первой плите. Поднялся на вторую — из крупнозернистого порфирита. Потом залез на третью, серо-чёрную, с глянцевитым голубоватым отливом бледно-синего кварца. Тело его, по мере подъёма, начало обретать невообразимую лёгкость. А потом ноги вынесли на верхнюю площадку, с небольшим углублением, похожим на воронку от разорвавшейся бомбы или снаряда большой мощности. В ней была вода кристальной чистоты. Он видел её прозрачность и отсутствие какой-либо растительности вокруг, будто служила она для утоления жажды любому поднявшемуся сюда путнику.

Валентин опустился на колени, наклонился, начал набирать в ладони воду и пить

её небольшими глотками. Вода имела неимоверный вкус, будто была из горного источника. Но немного пресноватая. При этом он испытывал лёгкое покалывание в ладонях. А едва ощущаемый прохладный поток воздуха снизу освежал его тело. Утолив жажду, Валентин ещё раз оглядел место своего пребывания. Ноги, несмотря на проделанный путь и крутой подъём, не болели. Сердце билось в обычном режиме, будто и не было никаких нагрузок. В голове была такая ясность, что диву давался. Мозг очистился от побочных мрачных мыслей, так часто посещав-

ших его. Заботы, житейские проблемы ушли в никуда. Осталась чёткая память и восприятие окружающего мира. Зрение, внезапно обострившееся по-новому, воспринимало мир в мельчайших деталях во всём его многоцветье. Валентин стал поворачиваться по сторонам и глядел на окружающую его тайгу, на внезапно открывшийся вдали, вверх по склону, ещё один такой же останец из монолитов, находившийся на вершине горы. Оба эти сооружения, освещённые солнцем, когда-то очень давно были связаны друг с другом и чётко вписывались в непонятное фортификационное сооружение великанов.

Валентин смотрел на покачивающиеся вершины деревьев, колышущуюся сухую траву. Они указывали ему на присутствие ветра, которого он не ощущал, удивлялся отсутствию звуков и завораживающей тишине. Казалось, что Всевышний дал ему возможность посмотреть на Природу по-другому, по-особенному. И время будто остановилось в тот момент. Восхищение и восторг от увиденного и ощущаемого поразили его волю.

Лишь через некоторое время Валентин начал понемногу воспринимать окружающее, слышать звуки сильно дующего ветра, шум леса...

Спуск был необычайно лёгким. И как только он отошёл от последней плиты останца, с которой начинал недавно подъём, почувствовал усталость ног, а зрение потеряло яркость и остроту восприятия окружающей природы. Жизнь, со своей повседневностью и проблемами, возвращалась к нему своей обыденностью.

Валентин удивился, что ещё совсем недавно, там, на верхней площадке останца, он не чувствовал груза прошедших лет, одышки, ломоты в суставах и постоянной боли в раненом плече.

Позднее, осмысливая происшедшее с ним в тайге, на останце, похожем на форпост, он пытался докопаться до истины. Почему он испытал там такую лёгкость на его вершине, у воды? Да и был ли это останец, если оказался сложенным немислимым нагромождением обработанных массивных плит-блоков. Да вдобавок подаривших ему неизведанное до этого чудо помолодения.

Умеет Природа хранить свои тайны от Человека. Не каждому их открывает. А вот Валентину, неизвестно за что, открыла одну из них. И даже позволила испытать забытое чувство молодости.

Повезло!

Подмена

В советское время мне пришлось служить в милиции. Работы хватало. Заняты были по разным делам. Да и преступления надо было раскрывать. Принимать меры по телефонным звонкам граждан, которые звонили в милицию по разным происшествиям. Отрабатывала милиция свою довольно скромную зарплату. Но когда выдавалось свободное время, могли позволить себе расслабиться и отдохнуть на природе. В красивом месте жили — в Горной Шории.

Запомнился один из звонков, когда женщина, не терпящим возражения голосом, приказывала срочно приехать в частный сектор и вытащить провалившегося в туалетную яму телёнка.

Стабильность ушла в небытие и пошла эра меченого перестройщика — ставропольского комбайнёра и сменившего его свердловского волейболиста-барабанщика-ударника, с обнищанием российского народа, махинациями в государственном масштабе. Доходило до абсурда: сотрудники в лихие девяностые шли на ножи и под пули бандитов, рисковали жизнями при раскрытии тяжких преступлений, а зарплату им задерживали месяцами.

Однажды начальник местного узла связи заявил замам начальника милиции:

— Отключу к чёртовой матери телефоны в вашей милиции, пока не рассчитаетесь!

Увидев на их лицах только радость, понял, что сморозил что-то не то.

— Не понял? — спросил он удивлённо.

Видно, давно вынашивал в голове это наказание, которое как-то могло поправить аховое положение его предприятия. У его работников тоже зарплата не выплачивалась около полугода.

— Выключай к чёртовой матери свою связь, а заодно и «02» отключи. Пусть сотрудники хоть немного отдохнут. Всё равно бесплатно работают. И донимать звонками никто не будет. Пусть тебе звонят, почему милиция на телефонные звонки не отвечает, — такую тираду выдал один из замов.

Главный связист почернел лицом, представив возможную картину от своей угрозы, когда он её приведёт в исполнение. И его паршивое настроение, в котором он пребывал, упало ниже плинтуса. Думал, что от милиции получит оплату за услуги связи, а у них самих такие же проблемы. Да вдобавок у них и бензина нет, чтобы выезжать на происшествия.

— Отключи! Только порадуешь этим личный состав. А на тебя все стрелки переведут. Найдёт тебе после этого другую работу Председатель. И пугать некого будет.

На этом нелцеприятный разговор завершился, и обе стороны, недовольные друг другом, разошлись в разные стороны.

Продолжу об отдыхе...

По-разному отдыхали. Да и как не выбраться в великолепие окружающей город природы, побывать с ружьём в тайге или посидеть с удочкой на берегу реки!

Однажды... Ох, уж это однажды! С него начинается большая часть историй и происшествий. Ни один рассказчик или пишущий не могут найти синонима этому слову, если захотят заинтересовать слушателя или читателя. Так вот, однажды сотрудники одного из подразделений на закреплённой машине — уазике, решили съездить после работы на рыбалку, половить окуней и щук на поставушки-кружки. Это

такие крупные крючки с тяжёлыми грузилами на толстой леске с привязанными сверху большими пенопластовыми поплавками, на которые насаживается пескарь-живец. В большом количестве они расставляются по длинному плёсу в ожидании хватки речных хищников.

Не буду останавливаться на деталях лова.

Съездили на рыбалку на ночь, на этой самой машине, а разрешения на её использование у руководства не спросили.

— Авось, ничего не будет!

Перед самым отъездом в город, чтобы попасть в отдел на рапорт, начали выезжать по глубокой колее, вымытой проливными дождями и весенними потоками воды. Попали в большую промоину. Уазик лёг на бок. Погнулись дуги, порвался тент. А когда его выбирали, оторвался бампер. В непотребный вид пришла машина. Кстати, она в отделе резко отличалась от других: была покрашена в довольно необычный ядовито-зелёный цвет.

Тогда автопарк в милиции состоял из небольшого количества транспорта, и каждая машина была на особом счету.

— И куда теперь нам с такой машиной? — сказал старший офицер.

Их начальником в то время был бывший опер, который знал всё и про всех. Умел он информацию получать. Занимался этим делом давно и небезрезультатно. Не зря, видно, дорос до руководителя серьёзной службы и носил, по тем временам у нас редкость, две звезды в двух проsvetaх.

Утром, на рассвете, досхали на полотно машинной машины наши рыбаки до посёлка, где в одной из организаций работал начальником их общий знакомый. У него был солидный автопарк машин. И точно такая, окрашенная в такой же цвет автомашина, уазик. Да! В такой же ядовитый ярко-зелёный цвет!

Подняли его, сонного. Засхали в гараж. Перескинули номера с разбитой машины на его транспорт. Приехали на ней в отдел. Поставили машину в бокс. А сами разошлись по квартирам, чтобы унести улов и привести себя в порядок перед началом рабочего дня.

По окончании утреннего рапорта начальник, сидевший, как на иголках и порывающийся куда-то бежать, не стал задерживать подчинённых. Он вышел во двор и рванул к боксу, где всегда находилась оперативная машина, тот самый УАЗ. Сотрудники прилипли к окнам, наблюдая происходящее и дальнейшее развёртывание событий. Увидели, что по его приказу водитель закреплённой машины открыл бокс. В ещё полностью не открывшуюся дверь он протиснулся и зашёл внутрь. Водитель стоял лицом к ним и была видна его злорадная ухмылка.

Через несколько минут этот руководитель появился на улице. Лицо его было растерянным. Он, рассмотрев машину, был в полном недоумении и не мог скрыть своего разочарования. С опущенными плечами, медленно передвигая ноги, пошёл к зданию.

Получается, что его информатор, которому за долгие годы работы он привык доверять как самому себе, обманул его и выдал ложную информацию о якобы побывавшей в аварии и разбитой служебной машине.

Не было никаких разборок.

А финал этой истории был таков. Только через полмесяца спокойного ремонта и поиска новых запчастей автомашина была восстановлена и осуществлена её подмена.

Как всегда, в конце этого рассказа должно быть заключение или сделан вывод.

Не сделали вывода милиционеры после той аварии и при наличии свободного времени выезжали на рыбалку.

г. Таштагол

Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев родился в Прокопьевске (Усятах), там же прошли его детство и юность.

В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер полковник запаса ВВС. Литературным творчеством занимается с курсантской скамьи. Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт прошедший через тексты технического и служебного характера перерос в литературно-художественные произведения.

С 1998 года, на протяжении 3-х лет, работал главным редактором городской газеты «Народовластие» Прокопьевска. С 2007 года редактор и издатель Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».

Твоя история, человек!

Новая земля

На новых землях, в стороне, открытой
Для счастья людям, долго жизнь трудна.
И кажется она им необжитой,
И помнится иная сторона.
И нужен срок, чтоб здесь окорениться,
Чтоб жизнь иною памятью обречь,
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...

А.Т. Твардовский

«Краевед»

9 марта 2016 года в Прокопьевском районе в рамках Межрайонной библиотечной системы был создан и начал действовать местный исследовательско-географический общественный клуб «Краевед».

На первом заседании председателем совета клуба была избрана Семёнова Надежда Николаевна, в прошлом — руководитель межрайонной библиотечной системы Прокопьевского района.

За прошедший год клуб провёл пять заседаний, большинство из которых прошли на выезде — на базах библиотек сельских поселений района: в посёлках Индустрия (лето 2016 г.), Терентьевск (19.10.2016 г.), Михайловка (15.03.2017 г.).

В посёлке Индустрия члены кружка местной мордовской общины в национальных костюмах устроили театрализованное фольклорное представление, в котором на национальном языке рассказали о традициях своего народа.

В Михайловке перед зрителями выступили представители местной чувашской диаспоры, также в национальных костюмах. На чувашском языке они исполнили родные песни и показали обряд проведения встречи чувашской Пасхи. Заведующая сельской библиотекой Усова Нина Николаевна подробно рассказала об истории переселения первых чувашей в село, об их связях с исторической родиной, чувашских обычаях и традициях.

На заседании совета клуба выступила Дыба Людмила Семёновна (молдаванка по происхождению), она поведала историю переселения её отца (Морогай) в сибирский Прокопьевск. Слушатели узнали о его нелёгкой судьбе, о женитьбе, работе в Прокопьевске (в пос. Сахалин и в других местах).

Абраменко Сергей Васильевич доложил о результатах своих исследований, собранном материале и походе в Хакасию по следам сибирских партизанских отрядов Рогова, Новосёлова и других во времена гражданской войны.

Сегодня на страницах «Усятской россыпи» на суд читателей альманаха представляются несколько исследовательских работ членов районного клуба «Краевед» в области истории и генеалогии известных им местных родов и фамилий (родов родителей и близких родственников).

Фамилии посёлка Усяты и их связи с другими фамилиями и кланами села, города и области

Атучины

Бесспорно, это одна из старейших усятских фамилий. В одной из версий о происхождении названия поселения Усяты предполагается, что изначально поселение называлось Усат или Усаты. Которое, в свою очередь, расшифровывалось косеком из местных старожил и краеведов как составляющие первых двух букв названий старинных усятских фамилий — Усовых и Атучиных, пращуров которых якобы и являлись первыми поселенцами на усятской земле. И хотя нет документальных подтверждений этой версии, нет и сомнений в том, что фамилия Атучины — одна из старейших фамилий села.

Многие годы я занимался исследованием истории возникновения Усят и его первыми поселенцами. Для этого обращался к исторически достоверным документам, работал в архивах Кемерово, Новокузнецка и Прокопьевска. Результаты поисков и исследований были опубликованы в газетных публикациях и моей книге «Прокопьевск в летописях», увидевшей свет в 2011 году. Однако нигде в документах не встречались упоминания о жителях села Усяты с такой фамилией. Я не нашёл даже приблизительной расшифровки этой фамилии в имеющихся различных справочниках и толкователях фамилий. В своей книге я попытался самостоятельно расшифровать фамилию Атучины по её составляющим частям. Считаю, что слово «атуча» в переводе с тюркского языка означает «воин».

Всем известное слово «ату» является одним из самых распространённых междunarодных слов, на всех языках оно звучит одинаково и имеет одинаковое смысловое значение — взять, догнать, уничтожить!

Некоторые представители рода Атучиных считают, что их фамилия является обрусевшим продолжением названных выше слов; что корни их фамилии уходят далеко в глубь местной дорусской цивилизации: абинских татар или ещё каких-то иных кочевых народностей, живших на Кузнецких землях задолго до прихода сюда русских...

Во времена моего детства в Усятах оставалось ещё много потомков первопоселенцев села. Представителей фамилии Атучины было также много. Многие семьи не признавали родственных связей меж собой. Они считали остальных чужими, однофамильцами.

Если бы существовала возможность проследить историю родов

Атучиных, то, уверен, что они обязательно слились бы где-то в глубине веков в одну веточку.

Моя жена Гуляева Наталья Ивановна в девичестве была Атучиной. После смерти её матери Атучиной Нины Александровны (в девичестве Тихоновой) Наталья Ивановна в наследство достала родительский дом в Усятах на улице Алмазная.

И вот в начале июня 2013 года к нам пришёл незнакомец, назвавшийся Атучиным Михаилом Александровичем. Он сказал, что в настоящее время проживает в крымском городе Керчь. В Усяты он приехал в надежде отыскать следы своего рода, своих пращуров. Михаил Александрович рассказал, что его дед жил в селе Усяты где-то недалеко от речки Аба.

Я знал, что у моего тестя, Атучина Ивана Васильевича, родившегося в Усятах в

1923 году, был родной старший брат Александр Васильевич, который был не единственный женат. «Возможно, — подумал я, — что Михаил из Керчи мог быть одним из сыновей дяди Сани Атучина».

Присмотревшись к незнакомцу, отметил про себя, что он чем-то похож и на моего тестя: такой же худощавый, чернявый, но небольшого роста.

Пригласил я гостя в дом, и мы разгово-

рились. Михаил Александрович рассказал, что он родился в Прокопьевске в 1953 году. Родители его проживали на Тыргане. После окончания Прокопьевского горного техникума долгое время он жил и работал на севере. В восьмидесятых годах купил квартиру в крымском городе Керчь, переехал туда на жительство.

Отец Михаила, Александр Михайлович Атучин, в прошлом шахтёр и участник Великой Отечественной войны, родился в селе Усяты в 1909 году.

Деда звали так же, как и моего гостя, Михаилом Александровичем Атучиным. Он родился в Усятах приблизительно в 1877 году. Прадед Александр Михеевич Атучин родился в Усятах приблизительно в 1830 году, а прапрадед Михайл Атучин — приблизительно в 1800 году.

Такая полная и интересная, доселе не

Михаил Атучин и Анатолий Гуляев

Известная мне, информация впечатлила, и я записал её в свои рабочие тетради.

В свою очередь я поделился с Михаилом Александровичем историей его рода, то есть тем, что знал об Атучиных, родственниках моего тестя. В память о нашей встрече подарил гостю выпущенную мной небольшую книгу «Прокопьевск... в летописях» и несколько выпусков газеты «Усятская россыпь» с моими публикациями об истории города Прокопьевска и села Усяты.

Новому знакомому был интересен мой рассказ ещё об одной усятской семье Атучиных, которая не считала и не признавала родства с родом моего тестя.

После завершения нашей беседы Михаил Александрович поблагодарил за приём и беседу и, уходя, попросил разрешение прийти ещё раз, после сверки с прокопьевскими родственниками полученной от меня информации.

Через несколько дней он

Александр Михайлович Атучин в Берлине. Май 1945 г. (первый справа)

вновь пришёл к нам. Из его рассказа мне стало понятно, что он действительно является дальним родственником моего тестя Ивана Васильевича Атучина (в прошлом известного многим прокопчанам и усятским жителям прокопьевского адвоката).

Итак, после встречи с Михаилом Александровичем Атучиным, жителем Керчи, выяснилось следующее:

Михей Атучин (ориентировочно 1800 года рождения) имел сына Александра Михеевича Атучина.

Александр Михеевич Атучин (ориентировочно 1830 года рождения) имел трёх сыновей: Михея Александровича (1860 г.р.), Дмитрия Александровича (1870 г.р.) и Михаила Александровича (1877 г.р.).

Михей Александрович Атучин (1860 г.р.) имел двух (или трёх) дочерей: Прасковью, Таисью (или Екатерину, Самаковскую по мужу).

У Дмитрия Александровича Атучина было шесть детей от двух жён.

От первой жены:

Григорий (1900 г.р.) работал на шахте «Зиминка» в Прокопьевске, имел девяти детей.

Василий (1898 г.р.) работал на шахте «Зиминка» в Прокопьевске. Как и его отец, дважды женился, имел четверых детей от первой жены Анастасии:

Алексей (1919 г.р.) в свою очередь имел двух сыновей (Николая 1951 г.р. и Сергея 1954 г.р.) и дочь Галину (1949 г.р., имеющую двух сыновей);

Александр (1921 г.р.) имел сына Виктора (1946 г.р.), горного инженера, отработавшего всю трудовую жизнь на шахтах города Прокопьевска. Виктор Александрович Атучин имел дочь и внуков.

Иван (1923 г.р.) имел троих детей — двух дочерей: Наталию Ивановну 1951 г.р. (по

Анастасия Дмитриевна Атучина (1910 г.р.), муж Михаил Ананьев. У них было три дочери: Александра Михайловна Ананьева (по мужу Скрябина); Екатерина Михайловна Ананьева (по мужу Самбуракова), имела дочь и троих сыновей: Каллистрата, Михаила и Леонтия.

Анна Дмитриевна Атучина (1911 г.р.), муж Сорокин Егор Степанович. У них была дочь Любовь Егоровна Сорокина (по мужу Франко), которая в свою очередь имеет двоих детей: сына Андрея (1959 г.р.) и дочь Елену (1965 г.р.).

Аким Дмитриевич Атучин (1913 г.р.) работал на шахте «Зиминка» в Прокопьевске (больше о нем информации нет).

Михаил Александрович Атучин (1877 г.р.) имел двоих детей: дочь, дочь которой проживает в Крыму, в Евпатории (большей информации о них нет), и сына Александра Михайловича Атучина (1909 г.р.) участника Великой Отечественной войны, шахтёра, проработавшего до пенсии на одной из шахт Прокопьевска, в свою очередь имеющего сына Михаила Александровича Атучина, проживающего сегодня в городе Керчь, у которого есть сын, живущий в Омске.

Михаил Александрович Атучин (старший) в начале коллективизации в Усятах являлся одним из первых председателей одного из двух колхозов. В 1929 году подвергся процедуре раскулачивания и был выслан в Нарым.

В списках Прокопьевского РИК (райисполкома) лиц, лишённых избирательных прав в 1929 году по Устьтскому сельскому Совету, Атучин Михаил Александрович значится под № 41.

«Лишён избирательных прав по ст. 15, п. «А» и 13» (указано неразборчиво).

После отъезда Михаила Александровича Атучина домой, в Крым, я встретился по его просьбе с прокопчанками Любовью Егоровной Франко (в девичестве Сорокиной) и Ларисой Васильевной Вежиной (активисткой Прокопьевского совета ветеранов, в прошлом школьного учителя истории, в девичестве Звягиной). От них я узнал много нового и неизвестного для себя, особенно из рассказа Любови Егоровны.

Чтобы разобраться в многочисленных ветвях генеалогического древа рода усятских Атучиных, пришлось начертить их древо на большом листе бумаги. На нём род моего тестя Ивана Васильевича Атучина и род Михаила Александровича Атучина из Керчи сошлись в единую ветвь.

Второй род усятских Атучиных:

Второй род усятских Атучиных, по имеющимся у меня сведениям, начинается с Евстафия Атучина (в народе его звали Астафием или просто Астахой), уроженца села Усяты, родившегося ориентировочно в 1870 году.

Женой Евстафия Атучина являлась Наталья Григорьевна Самаковская (ори-

ентировочно 1874 года рождения), родители которой проживали в Усятах.

Евстафий и Наталья Атучины имели дочь Екатерину и четверых сыновей: Василия, Егора, Алексея и Ивана.

Екатерина Евстафьевна Атучина замужем была за Дмитрием Кабиным, жила с семьёй в прокопьевском городском посёлке Берёзовая роща, у неё было много детей, муж её был известным и почётным шахтёром на одной из шахт «Зиминка».

Алексей Евстафьевич Атучин, ориентировочно 1890 г.р., был женат дважды: от первой жены у него было пятеро детей: три сына — Иван, Пётр, Яков и две дочери — Алевтина и Таисья.

От второй жены у Алексея Евстафьевича Атучина в 1938 году родился сын — Анатолий.

Яков Алексеевич Атучин (1920 г.р.) — участник Великой Отечественной войны, известный кузбасский журналист, долгое время проработал главным редактором юргинской городской газеты. Его жена — Агния Александровна (в девичестве Тихонова). Они имели троих детей: дочь Ларису (1949 г.р. по мужу Тузовская) и близнецов Виктора и Юрия (1952 г.р.).

У Ларисы Яковлевны и её супруга Геннадия Егоровича Тузовского было двое детей: дочь Алла (ориентировочно 1975 г.р.) и сын Вадим (1982 г.р.), у которых в свою очередь также имеются дети.

У Виктора Яковлевича Атучина и его жены Ларисы Ивановны (в девичестве Атучиной же) детей двое: дочь Анастасия (ориентировочно 1985 г.р.) и сын Дмитрий (ориентировочно 1990 г.р.). У Анастасии

Виктор Яковлевич Атучин (второй слева) около своей скульптуры «Семья»

Викторовны трое детей (два сына и дочь).

У Юрия Яковлевича Атучина и его супруги детей двое — сын и дочь, у которых также есть дети.

О жизни и семьях Василия Евстафьевича Атучина, Ивана Евстафьевича Атучина, Егора Евстафьевича Атучина; Ивана Алексеевича Атучина, Алевтины Алексеевны Атучиной и Таисьи Алексеевны Атучиной информации, к сожалению, нет. Обратимся к другим источникам.

В «Клубе любителей истории города Прокопьевска» (Интернет), опубликован небольшой рассказ-воспоминание младшего сына Алексея Евстафьевича Атучина Анатолия, записанный Игорем Мангазевым. С некоторыми сокращениями и уточнениями предлагаем его читателям.

«Мой отец рассказывал, что наши предки переселились сюда с Дона. А по женской линии моя прабабка была из ясашных татар. Атучины в посёлке Культура были первыми жителями. До войны здесь квартировали учителя, поэтому и появилось название — «Культура».

Наш дом в округе был самый старый. Как говорил отец Алексей Евстафьевич Атучин, этот дом достался ему по разделу. Мой дед Астаха (Евстафий) делил сыновей, а их у него было четверо: Василий, Алексей, Иван и Егор (Георгий). Ещё у деда была дочь Ека-

терина. Дед Астаха работал налоговым инспектором по волости: в Смышляево, Зенково, Усяты. По этой должности он сам себя и порешил: Понаехали из Томска инспектора, выяснилось, что у родни налоги не собраны. Овечьими ножницами он закололся. Уже в годах был.

Основная усадьба у деда Астахи была у реки Аба, в центре Усят. Там же стояли и амбары. За Татарским мостом, в сторону посёлка Школьного, у наших предков были поля. У отца моего нас детей было шестеро (от двух жён): четыре сына — Иван, Яков, Пётр и я и две дочери — Таисья и Алевтина. На Баргузинскую улицу мы переехали в 1920-е годы.

Дом Василия вон стоит — синий, с зелёной крышей. Сыновья Василия перестроили этот дом. Первым по заселению считался дом моего отца Алексея Евстафьевича Атучина (следовательно, мой дом), вторым — Василия Евстафьевича Атучина, третьим — Георгия Евстафьевича Атучина.

Мой отец Алексей и дядя Георгий с Иваном работали на шахте «Зиминка-1-2». Георгий Евстафьевич стал почётным шахтёром.

Усовы на Культуре тоже селились. Илларион Сергеевич и кузнец Филипп Сергеевич жили между нашим домом и домом Ивана Атучина.

Наша улица сначала называлась Центральной, во время войны её переименовали в Баргузинскую. В 1950-е годы она разделилась, и этот порядок начал застраиваться.

В 1950-е годы уже эту её часть называли Грузинской улицей, а потом уже и улицей Валерия Симбирского. Усятская школа в начале была в бывшей церкви, примерно в 1947 году это здание перепрофилировали в сельский клуб. Бачатский мост, что у хлебозавода. ДК «Красногорское» открыли в 1957 году. Встречали в нём Новый 1958 год.

25-я школа свою историю начинала в Усятах, а в 1948 — 1952 годах она размещалась в 2-этажном здании, где сейчас общежитие. С 1950-го по 1960 годы там был детдом, улица Международная, 7. Мы перешли в новое 4-этажное здание осенью 1952 года. Я учился в 5 «А» классе.

«РПБ» построили в 1956 году, после окончания 9-го класса я пошёл туда работать. Довелось мне работать с Леонидом Черченко, мужем Людмилы Николаевны Черченко.

В Усятах действовал колхоз «Деятель», во время войны председательствовал там Евлаха Бычков, очень грозный он был мужик, гонял всех на работу в колхоз без разбора — и старых, и малых. За что многие обижались на него.

Многие из Атучиных были на войне:

Иван Васильевич Атучин, сын моего дяди Василия Евстафьевича Атучина, погиб в Великой Отечественной войне.

Солдатский медальон второго сына Василия Евстафьевича — Александра Васильевича Атучина — поисковики нашли под Белгородом.

Да и сам Василий Евстафьевич Атучин был мобилизован в Трудовую Армию — в Новосибирск. Он подвозил патроны на станцию. Там у него украли продовольственные карточки и он умер от голода. Крестьянская душа, ничего и ни у кого просить не мог.

Мой старший брат Иван Алексеевич Атучин (1922-1975 г.г.) тоже был на войне, награждён двумя орденами Солдатской Славы, орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». По слухам, он был представлен к присвоению ему звания Героя Советского Союза, но что-то с присвоением не получилось. До Берлина он дошёл, там и ранен был, пуля навзлет прошла.

Второй брат, Пётр Алексеевич Атучин, погиб в 1943 году. На фронт ушёл добровольцем, совсем мальчишкой, в 15 или 16 лет.

Да и третий мой брат, Яков Алексеевич Атучин, был призван в армию во время войны, правда, в действующей армии, на фронте, не был, но лиха тоже хватил.

Много и других Атучиных, дальних моих родственников, тоже являлись участниками

мужу Гуляеву, имеющую двух детей — дочь Ольгу Анатольевну Гуляеву и сына Николая Анатольевича Гуляева, и двух внуков от дочери) и Ларису Ивановну 1953 г.р. (по мужу Атучину же, имеющей двоих детей — дочь Анастасию Викторовну Атучину и сына Дмитрия Викторовича Атучина и трёх внуков от дочери), и сына Александра Ивановича Атучина (1958 г.р.), имеющего троих детей от двух жён (Людмилы и Ольги): сына Дениса Александровича Атучина и двух дочерей — Светлану Александровну Атучину и Дарью Александровну Атучину. Екатерина (1925 г.р.), детей у неё не было.

От второй жены — Варвары, у Василия Дмитриевича Атучина детей не было. У Дмитрия Александровича Атучина (см. выше) от второй жены Пелагеи, в девичестве Атучиной же, было четверо детей — две дочери и два сына:

Пётр Дмитриевич Атучин (1909 г.р.) детей не имел, погиб на фронте ВОВ.

ми Великой Отечественной войны, поэтому есть предложение переименовать Баргузинскую улицу, назвать её улицей фронтовиков Атучиных».

Записал И. Мангазеев, 17.02.2012 г.

В 2015 году из Керчи, по предварительной договорённости, вновь прискал Михаил Александрович Атучин. Мы встретились уже как добрые знакомые. В Новокузнецке я познакомил его со своими наработками, сводил в музей Кузнецкая Крепость, показал на одной из мемориальных досок фамилию Георгиевского Кавалера Атучина Е.М. Попытались узнать о нём как-нибудь сведения у работников музея. Нам пояснили, что этот вопрос в компетенции Новокузнецкого городского краеведческого музея, а именно, заместителя директора краеведческого музея по научной работе Петра Петровича Лизогуба. Пётр Петрович внимательно выслушал нас и развёл руками.

— Ну, дорогие мои, — сказал он, — чтобы помочь вам хоть чем-то, мне нужно подготовиться.

Так что Михаил Александрович вернулся в Керчь ни с чем. А дней через десять мы обменялись информацией с Петром Петровичем Лизогубом. Он снял копии с моих наработок, а мне представил свои. Внимательно ознакомившись с его серьёзным материалом, я понял, что информации наши на моём уровне несовместимы, поскольку сильно разнятся. Но для общей картины исследуемого вопроса его материал использовать можно.

Оказываясь, фамилия Атучины распространена была не только в селе Усяты, но и во многих других поселениях Кузнецкого края.

В 1709 году Атучин Иван Большой, кузнецкий посадский человек, участвовал в строительстве Бикатунского острога.

В 1719 году Атучин Иван, кузнецкий пеший казак, стал основателем целой династии кузнецких казаков Атучиных: Ильи Ивановича Атучина (1704 — 1760 годы, Алексея Ивановича Атучина (1711 — 1760), Андрия Ивановича Атучина (1713 — после 1719), Ивана Ивановича Атучина (1715 — после 1719), Якова Ивановича Атучина (1718 — после 1719) и так далее.

В 1760 году фамилия Атучины встречается в деревнях Егозова и Хмельёва Касьяминской волости Кузнецкого уезда.

В 1834 году эта фамилия встречается и в названных выше деревнях Касьяминской волости, и в деревнях Сафонова, Усятская, Черкасова Ильинской волости.

В общем, представителей рода Атучиных в Кузнецком уезде было много, и в настоящее время встречаются они во многих населённых пунктах, отчего свести их в какое-то одно целое, думается, невозможно. Невозможно сказать, даже ориентировочно, кто из рода Атучиных был первым на нашей Кузнецкой земле и когда это было?

В завершение хочу сказать, что нужно сохранить и продолжать работать над восстановлением истории древних и не очень древних родов. Необходимо поднимать известные, хранящиеся почти в каждой семье, сведения об истории нашего общества. Уверен, что любое исследование и анализ своих родословных для каждого исследователя будет интересен. Будут новые открытия, возможно, очень важные. Этим нужно заниматься, пока не утеряна связь с уходящим поколением. Информацию, которая со временем была утеряна, вероятнее всего уже не восстановить!

Усятский род Тихоновых

Усятский род Тихоновых, возможно, не столь велик, как род Атучиных, но является одним из главных и старейших усятских родов. В Усятах и поныне есть улица Тихоновская и переулок Тихоновский.

Они носят в своих названиях части фамилий одних из первопоселенцев села — Тихоновых. Об этом свидетельствует и статья, опубликованная в «Клубе любителей истории города Прокопьевска» Игоря Александровича Мангазеева.

«Тихоновская улица посёлка Усяты города Прокопьевска названа в честь основателей и первых жителей села Усяты Тихоновых. Одним из родоначальников был Фёдор Тихонов, живший в селе Усяты во второй половине 18 века. Продолжателями которого в 19 веке стали: его сын Михаил Фёдорович Тихонов, внук Пётр Михайлович Тихонов, правнук Венедикт Петрович Тихонов, праправнук Иван Венедиктович Тихонов, прапраправнук Александр Иванович и Иван Иванович Тихоновы. Продолжателями которых уже в 19 веке стали их дети.

У Александра Ивановича Тихонова были дочери: Агния Александровна (ставшая женой Якова Алексеевича Атучина) и Пина Александровна (ставшая женой Ивана Васильевича Атучина); сыновья Анатолий Александрович Тихонов и Виктор Александрович Тихонов (автор разработки родословной рода усятских Тихоновых).

Продолжателем родовой ветви Ивана Ивановича Тихонова стал его сын Юрий Иванович Тихонов, продолжателем родословной которого стала его дочь Елена Юрьевна Тихонова, работавшая в Прокопьевском городском краеведческом музее, которая и поныне живёт в Прокопьевске».

В прокопьевской городской газете «Шахтёрская правда» № 52 (18922) от 12 мая 2006 года была опубликована статья Нины Засадной «Память до седьмого колена». Статья написана со слов Елены Юрьевны Тихоновой. «Мой дед, — рассказывала Елена Юрьевна, — любил говорить: «Чтобы стать коренным жителем, нужно родиться на этой земле в седьмом колене». Жизнь нашей фамилии неразрывно связана с землёй Кузнецкой уже на протяжении трёх веков.

Из скудных сведений Томской епархии известно, что казаки Тихоновы были выходцами из Тамбовской губернии. В 18 веке возникло село Усяты. В нём есть переулок Тихоновский. Здесь в 80-х годах 18 века появился Фёдор Тихонов, основатель нашей фамилии на прокопьевской земле. К какому он принадлежал сословию, остаётся тайной. «Был одет не по-крестьянски, носил сапоги и лису шубу». Он построил в Усятах усадьбу, заняв под посевы огромное количество земли, которая передавалась по наследству.

Мои далёкие предки сеяли рожь, пшеницу, овёс, коноплю, подсолнечник, мак. В помощь брали сезонных работников. Их не обижали, кормили, каждый работник ежедневно получал плату натурой. Если убрали пшеницу, то зерно насыпали в специальную мерку «пудовку». Так, за один день работник получал шестнадцать килограммов зерна.

Хозяйство Фёдора унаследовал его сын Михаил Фёдорович, затем Пётр Михайлович, потом мой прапрадед Венедикт Петрович. Это был темноволосый, смуглый человек и по характеру добряк. Любил повеселиться по праздникам, хорошо плясал. В вине знал меру и обожал лошадей. У него была поговорка: «Замечай людей из ребят, а лошадей — из жеребят».

Его уважали в селе, избрали церковным старостой. В армии не служил, за него служил рекрут из другой семьи, более бедной. За это Тихоновы платили семье рекрута, это позволялось законом.

Прапрадед был человеком хозяйственным. Прожил 82 года, умер внезапно, от «испанки», как в то время называли грипп.

А дом, который он выстроил в 70-х годах 19 века, до сих пор стоит в Усятах на улице Алмазной.

Мой прадед Иван Венедиктович крестьянский труд не любил, но весьма интересовался техническим прогрессом. Выписал из Кургана немецкое оборудование для производства масла: валцы, пресс и привод на конной тяге. Занимался пчеловодством, сто-

лярничал. В начале 20 века был старостой в Усятах. Рано овдовел и, оставшись с двумя малолетними детьми на руках, в 1905 году женился на Ефросинье Дмитриевне Усовой.

В 1907 году у них родился сын Иван — мой дед.

Прадед Иван Венедиктович любил выпить. Будучи сельским старостой, однажды повёз в Кузнецк подати, по дороге крепко выпил, и около Кузнецкой крепости был ограблен до чиста, даже лошадей с упряжью увели. Из-за чего всё его имущество было описано и продано с целью погашения суммы ущерба сельской казне (лошади, скот, сельскохозяйственный инвентарь и сельхозпродукция). В Первой мировой и Гражданской войнах не участвовал. После революции подвергся преследованиям, продал дом и вместе с женой и детьми скрывался от властей на Белом Камне. Умер в 1943 году. Сыновья на похоронах не присутствовали, так как оба были на фронте.

Родителей отца, Ивана Ивановича и Анастасию Павловну, я хорошо помню. Практически всю жизнь жили одной семьёй. Дед занимался ликвидацией безграмотности. В 1929 году вместе с бабушкой учился на ракурсных учителей. А в 1937 году окончил Сталинский педагогический техникум. Вся его жизнь связана со школами города. До войны был директором школы № 27.

В 1941 году был мобилизован в армию. С 1942 года до конца войны находился на фронте, служил в инженерно-сапёрных войсках. Рассказывал мне, как весной сорок пятого они наводили мост через Одер под бомбёжкой в ледяной воде. У него много было правительственных наград. Умер Иван Иванович в 1982 году.

Бабушка всю жизнь работала в школах, её педагогический стаж — сорок лет. Воспитали троих детей. Мой отец Юрий Иванович Тихонов родился в 1938 году. Служил на флоте. Работал слесарем на механическом заводе, потом подземным слесарем в УМД РГППО, откуда ушёл на пенсию. Мама — Тамара Митрофановна — библиотечный работник. О моих родителях невозможно рассказывать отдельно. Они всегда были вместе. Учились в школе в одном классе, дружили. В 1963 году у них родилась дочь Елена, то есть я. Окончила школу № 54, затем Новокузнецкий пединститут. Замужем, но ношу фамилию отца. Я знакомлю своих детей с историей нашей семьи и надеюсь передать им любовь к Прокопьевску — родине многих поколений Тихоновых».

И ещё немного об истории усятского рода Тихоновых, который мне тоже родственен. Ранее я занимался и его историей при изучении родственных связей и общей истории родного села Усяты. С Еленой Юрьевной Тихоновой хорошо знаком.

Наиболее полное исследование истории рода усятских Тихоновых принадлежит Виктору Александровичу Тихонову. Он первый в роду ещё в середине прошлого века начал интересоваться своей родословной и записал всё, что узнал от своего отца — Александра Ивановича Тихонова. Александр Иванович, как было отмечено в предыдущей статье, рано осиротел, с раннего детства почти постоянно жил с дедом — Венедиктом Петровичем Тихоновым. Он запомнил всё то, что рассказывал ему дедушка. И в свою очередь Александр Иванович передал эти знания своему сыну — Виктору Александровичу, заинтересовавшемуся родословной.

Итак, по порядку: Как было сказано выше, Фёдор Тихонов появился в Усятах в 80-х годах 18 века. 1780 год — Фёдор Тихонов, за ним — Михаил Фёдорович Тихонов, затем —

Пётр Михайлович Тихонов, Венедикт Петрович Тихонов, Иван Венедиктович Тихонов, затем Александр Иванович Тихонов, родившийся в 1898 году, и его брат Иван Иванович Тихонов, родившийся от второй жены Ивана Венедиктовича в 1907 году.

Агния Тихонова, старшая дочь Александра Ивановича Тихонова, родилась в 1922 году, а младший его сын — в 1929 году.

Если посчитать разницу в возрасте между Александром Ивановичем Тихоновым и его детьми, то получится, что она составляет в среднем 27-28 лет.

Условно эту величину можно взять как разницу между всеми поколениями рода Тихоновых, чтобы условно же посчитать годы рождения всех остальных названных предков рода Тихоновых.

Правда, для расчёта разницы в возрасте между Александром Ивановичем Тихоновым и его отцом Иваном Венедиктовичем Тихоновым принята условная единица (27 лет) не подходит, поскольку известно, что Иван Венедиктович женился рано, в 18 лет, а его жене было 22 года.

В 1898 году у Ивана Венедиктовича уже родился старший сын — Александр. Следовательно, Иван Венедиктович Тихонов старше своего сына не более чем лет на двадцать. Поэтому получается, что Иван Венедиктович родился приблизительно в 1878 году. Венедикт Петрович Тихонов родился приблизительно в 1851 году.

Пётр Михайлович Тихонов — в 1824 году, а его отец Михаил Фёдорович Тихонов — 1796 года рождения.

Из этих несложных и условных расчётов получается, что родоначальник усятских Тихоновых — Фёдор, 1768 года рождения. И в 1780 году ему было 12 лет, а в 1788 году уже 20 лет от роду, которых уже вполне достаточно для начала самостоятельной жизни.

Проверим свои расчёты по другим названным в статье Нины Засадной параметрам.

Иван Венедиктович Тихонов умер в 1943 году, следовательно, от роду ему было (1943-1878 годы) 65 лет, что вполне возможно. Венедикт Петрович прожил 82 года, следовательно, умер он в (1851 + 82) 1933 году. Что тоже возможно!

Со слов Александра Ивановича Тихонова известно, что детей у Венедикта Петровича Тихонова было двое — сын Иван и дочь Евгения.

В конце 1920 годов в Усятах началось массовое раскулачивание, поэтому, вполне возможно, что сразу после смерти Венедикта Петровича дом его продали или «передали» в пользу государства. Тем более, как сообщает Елена Юрьевна, сын его Иван Венедиктович находился со всей семьёй в бегах на Белом Камне.

Теперь расставим все точки над «i» относительно дома Тихоновых, который упомянут в статье, который и ныне стоит в Усятах на улице Алмазная, под номером 42.

Известно, что этот дом построил Венедикт Петрович Тихонов для сына Ивана. Произошло это, когда было принято решение о женитьбе сына, который женился в 18 лет. Вероятно, где-то в 1896 году. Поскольку в 1898 году у него родился первый сын Александр.

Дом Тихоновых-Атучиных

Атучин М. А. с семьей и родственниками 1932 г.

Следовательно, где-то с 1896 года этот дом и стоит на усятской земле. Значит в 2017-м году ему исполнится, как минимум, 121 год. И несмотря на свой внушительный возраст, дом до сих пор находится в хорошем состоянии.

Интересно, что фундамента под домом нет. Брёвна из лиственниц положены прямо на землю и хорошо сохранились.

Когда старшие дети Ивана Венедиктовича Тихонова (Александр и Анна), где-то в начале 1920-х годов начали подходить к зрелому возрасту, отец разделил дом пополам и отдал его своим старшим детям.

Анна Ивановна вышла замуж за Сергея Яковлевича Суркова, начала обживать свою половину. В этом доме родился у неё сын Вадим Сергеевич Сурков (который многие годы работал преподавателем в Прокопьевском горном техникуме).

В 1927 году Сергей Яковлевич Сурков и Анна Ивановна Тихонова подверглись репрессиям, были лишены гражданских прав как «торговцы» (п.3, ст. 15 инстр.), готовились к раскулачиванию и высылке из родного села в Нарым, но годом или двумя позднее были восстановлены в гражданских правах и оставлены в родном селе и доме.

Когда Сурковы решили переселиться из Усят на Тырган, Александр Иванович Тихонов, проживавший с семьёй во второй половине дома, выкупил у них половину дома и передал её своему старшему сыну Анатолию Александровичу Тихонову (участнику Великой Отечественной войны). В этой половине дома и поныне живёт жена Анатолия Александровича, его вдова Клавдия Ивановна, с внучкой Татьяной, дочкой сына Клавдии Ивановны и Анатолия Александровича — Владимира.

Александр Иванович Тихонов женился в начале 1920 годов на Неониле Ильиничне (в девичестве Сенниковой), приехавшей в Сибирь в 1910 году с родителями по столыпинской реформе из Вятской губернии. Неонила Ильинична была одной из первых учительниц усятской Церковно-приходской школы. В 1922 году у них родилась первая дочь — Агния.

В 1923 году родилась вторая дочь — Нина, в 1927 году — сын Анатолий, в 1929 году — второй сын, Виктор. Был у них ещё сын, который умер в детском возрасте.

Александр Иванович и Неонила Ильинична Тихоновы прожили в своей половине дома до глубокой старости.

В пятидесятые годы в половину дома, занимаемую Александром Ивановичем и его женой, переехала их вторая дочь — Нина Александровна с мужем Иваном Васильевичем Атучиным и тремя малы-

ми детьми: двумя дочерьми — Натасей и Ларисой и сыном Сашей. Перед переездом на новое место жительства Иван Васильевич Атучин с разрешения родителей жены перестроил их дом. Он подстроил ещё одну его половину в ширину, по всей длине своей половины общего дома и поднял вверх потолок.

Неонила Ильинична Тихонова родилась в 1886 году, она была старше своего мужа на 12 лет. Тем не менее, всю супружескую жизнь, они жили в согласии и любви, никогда не ссорились, даже по мелочам. В марте 1972 года в возрасте 86 лет Неонила Ильинична Тихонова умерла.

Александр Иванович умер в 1984 году, также в возрасте 86-ти лет. После смерти любимой супруги он прожил ровно столько лет, на сколько она была старше его.

После смерти жены Александр Иванович Тихонов не смог жить без неё и уехал к сыну Виктору в Калтан, где и прожил до глубокой старости. Почувствовав, что жизнь

ровичем Тихоновым, второго — Андреем Захаровичем Тихоновым.

Во времена моего детства Василий Захарович Тихонов был уже старым и грузным дедом (во всяком случае, так казалось и запомнилось мне).

Женой Василия Захаровича была такая же старая, шуплая и шустрая старушка, которую мы называли баба Дуня (Евдокия). Сколько всего было детей у деда Василия и бабы Дуни Тихоновых, я также не знаю, знаю лишь то, что у них было два сына. Одного из сыновей звали Михаилом Васильевичем Тихоновым. Он работал учителем труда в школе № 25. Жену и детей Михаила Васильевича Тихонова я не помню.

Имени второго сына деда Василия и бабы Дуни Тихоновых я не то чтобы не запомнил, а, наверное, и не знал, поскольку никогда и нигде не сталкивался с ним.

Помню, что жену второго сына Василия Захаровича Тихонова звали Полина Никитична. Она работала в усятской школе учительницей и учила моего старшего брата — Юрия. Детей у Полины Никитичны Тихоновой и её мужа было двое — сын и дочь.

Сына звали Александром, он на год или два был моложе меня. Тем не менее, запомнилось мне, что иногда я играл с ним в каких-то общих наших ребячьих играх.

Кроме сына Саши, была у Полины Никитичны дочь Лена. Она была моложе меня лет на десять. Хорошо помню, как бабушка водила её с собой за руку в магазин или ещё куда-то.

В роду усятских Тихоновых были три девочки, которых звали Ленами: Елена Юрьевна, Елена Викторовна — внучка Александра Ивановича и Неонилы Ильиничны Тихоновых; и эта Лена — внучка Василия Захаровича и бабы Дуни Тихоновых. По усятским слухам, сын Полины Никитичны Александр после окончания школы поступил учиться в Новосибирское высшее военно-политическое училище, окончил его и дослужился до генеральского звания.

У второго сына Захара Петровича Тихонова — Андрея Захаровича (жену его звали Варвара), было трое детей: два сына — Леонид и Владимир и дочь Надежда.

Жизни сыновей Андрея Захаровича Тихонова сложились неудачно. Леонид, учась в десятом классе школы № 25, стал участником группового хулиганского убийства Бориса Чинякова (своего же усятского жителя), за что был осуждён судом на десятилетний срок.

По хулиганской тропе старшего брата Леонида пошёл и Владимир, который с раннего детства верховодил усятской шпаной. За что неоднократно осуждался по различным хулиганским делам, отбывал различные сроки в местах лишения свободы.

Тихоновы - Атучины около родного дома 2011 г.

Был судим и приговаривался на срок не менее десяти лет и Василий Захарович Тихонов за кражу зерна (или муки) с «Заготзерна», где он тогда работал.

В Усятах, чуть ниже дома Ивана Венедиктовича Тихонова, были построены дома и Василия Захаровича и Андрея Захаровича Тихоновых.

По воспоминаниям моей тётки, Нины Александровны, дом у Василия Захаровича был большой, двухэтажный (возможно, доставшийся ему по наследству от отца). Решением суда после осуждения Василия Захаровича дом был конфискован в пользу государства, разобран и вывезён. Отчего семье Василия Захаровича пришлось ютиться в небольшой, оставленной семье лачужке. На её месте, вернувшись из заключения, Василий Захарович выстроил небольшой жилой дом, который и поныне стоит в Усятах на улице Алмазной под № 46. Здесь и прожил Василий Захарович со своей женой до конца жизни. Теперь в этом обветшалом доме живут посторонние люди, купившие дом у потомков Василия Захаровича и бабы Дуни после их смерти.

Дом Андрея Захаровича Тихонова тоже поныне стоит в Усятах на улице Алмазной под № 44. Здесь жил после возвращения из заключения Леонид Андреевич Тихонов. После его смерти в доме стала жить семья сына Надежды Андреевны Тихоновой (по мужу Пушкарёвой, жене Геннадия Тимофеевича Пушкарёва).

Потомков Венедикта Петровича и Захара Петровича Тихоновых в Усятах дразили, одних называли «Ведениными», других — «Захаровыми».

Занимаясь исследованием родного края, в исторически достоверном документе 17 века «Книге Государева хлебного жалованья кузнецким служилым людям за 1670-1679 года», я обнаружил сведения о кузнецких служилых людях, конных казаках Сидоре и Фёдоре Тихоновых, о которых сказано:

«Тихонов Сидор, кузнецкий служилый человек, конный казак.

15 декабря 1665 года вместе с И. Кулаковым повёз в Томск городские сметы и пометы. На дорогу им было дано по 4 чарки вина на человека; в 1666 году привёз с Москвы грамоту.

Тихонов Фёдор — кузнецкий служилый человек, конный казак, оклад 7 рублей с четью (1673 г.).»

Конечно, точно неизвестна линия рода названных кузнецких служилых людей, но, вероятнее всего, потомками именно этих кузнецких казаков Тихоновых и являются все перечисленные мной усятские Тихоновы, поскольку почти в один голос все усятские говорят, что их предки — казаки Тихоновы.

Усятский род Брагинных

В газете «Усятская россыпь», № 8, увидевшей свет в декабре 2011 года, была опубликована документальная повесть «БРАГИНЫ».

Автором повести является моя сестра, Зоя Николаевна Гулишевская (в девичестве Гуляева).

В повести сказано, что род усятских Брагиных внёс достойную лепту в историю Кузнецкого края, поскольку связан с ней на протяжении более чем трёх с половиной веков, то есть почти с самого её начала, поскольку летом 2018 года Новокузнецк планирует отметить своё 400-летие.

По преданиям, передаваемым из поколения в поколение Брагиных, первый из них, казак Брагин, пришёл в Сибирь чуть ли не с самим Ермаком Тимофеевичем.

В сибирском историческом документе 17 века в «Книге Государева хлебного жалования кузнецким служилым людям за 1670-1679 года», в записи, датированной 1642 годом, значится: «Брагин Василий Игнатьев, кузнецкий служилый человек, конный казак с окладом 7 рублей с четью», с припиской «По словам его сына Афанасия, он служил на Москве в стрельцах при царе Михаиле Фёдоровиче, был прислан из Москвы в Кузнецкий острог в конные казаки, служил в Кузнецке лет с сорока, затем в его место был вёрстан его сын Афанасий».

Конечно, последовательной, конкретной поимённой связи от Брагина Василия Игнатьева до сегодняшних его потомков нет. Но и то, что сохранилось, тоже имеет большую историческую ценность.

...Примерно в годы царствования Российской императрицы Елизаветы Петровны (как пишет Зоя Николаевна Гулишевская) самое высокое место в Усятах на левом берегу реки Аба начал обживать потомок Василия Игнатьевича Пимен Брагин. Случайно или намеренно, но решение он выбрал себе в соответствии со своим именем — пимокатное. В народе звали его Пим, Пимушка, а гору, на которой он поселился, Пимушкиным мыском.

Род усятских Брагиных от Пимена повёл Иван Пименович, сыном его был Владимир Иванович. А предшущий поколением усятских Брагиных, рождённых с 10-х по 50-е годы прошлого столетия, был Павел Владимирович Брагин, женатый на Авдотье Прокопьевне, урождённой Максимова и привезённой в Усяты из села Аральева из-под Кузнецка.

Павел Владимирович и Авдотья Прокопьевна произвели на свет четырёх сыновей: Василия, Михаила, Игнатия и Митрофана.

Последний из братьев — Митрофан Павлович потомства не оставил, так как молодым погиб на фронте в Русско-Японскую войну.

У Василия Павловича был сын Григорий и дочь Анна (Григорий Васильевич Брагин с детьми братьев своего отца не рождался).

У Михаила Павловича было три сына: Пётр, Евграф и Александр.

У Петра Михайловича детей не было, потому что он вернулся домой с Первой мировой войны больным, тем не менее, благодаря заботам о нём его супруги Татьяны Викентьевны прожил долгую жизнь.

У Евграфа Михайловича и его супруги Василисы Ильиничны Брагиных, живших в Прокопьевске на Смычке, было четверо детей — дочь Лидия и три сына: Михаил, Виктор и Александр.

Лидия Евграфовна (по мужу Петухова) в 1960 — 1980-е годы была известна в Прокопьевске как хороший врач.

Михаил Евграфович, окончивший Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, работал на Запсиббазисе главным инженером шахты «Карагайлинская» и «Заречная»,

затем заместителем директора Ленинского шахтоуправления.

У младшего сына Михаила Павловича Брагина — Александра Михайловича, было трое детей — дочь Августа и два сына: Михаил и Анатолий. Оба окончили Сибирский металлургический институт по горным специальностям и работали на шахтах Кузбасса.

Игнатий Павлович Брагин родился 3 января 1867 года, прожил 72 года, умер 28 августа 1939 года. Невысокий ростом, рыжеволосый, голубоглазый он был приветливым и доброжелательным человеком. По словам его супруги, Капитолины Григорьевны, «...тишайший был человек, мухи, бывало, не обидит. А какой мастер был плясать! Бывало, пойдёт по кругу плавно так, ни один волосок на его голове не тряхнётся. Сильный был, работающий. Ещё в молодые годы, когда валили лес в тайге на строительство дома, одна лесина упала на него и сильно повредила ногу. После этого Игнатий Павлович долго болел, выздоровел. Тем не менее, повреждённая лесиной нога осталась короче другой на всю жизнь».

Жена Игнатия Павловича Капитолина Григорьевна, урождённая Самаковская, прожила 82 года (09.11.1872 — 04.10.1954 г.), не в пример своему мужу, женщиной была твёрдохарактерной. Управление всем хозяйством и семьёй было в её руках. Отец Капитолины Григорьевны — Григорий Егорович Самаковский, вероятно, был выходцем из рода ссыльных поляков в Сибирь. Женой Григория Самаковского была Наталья Львовна, урождённая Осипенко из деревни Сергеево, располагавшейся где-то в окрестностях современного города Кислёвска. Отец Наталья Львовны, ссыльный украинец Лев Осипенко, женился в Сибирь на дочери местного ясашного татарина Резана, Пелагее Резановне. Сведений о жизненном пути Егора Самаковского и татарина Резана в памяти семьи Игнатия Павловича Брагина и их потомков не сохранилось. Однако черты внешнего сходства с прародителями кому-то из их потомков передаются через поколения до сих пор (азиатский разрез глаз и скуластость лиц).

И ещё о Самаковских (также одним из старейших и большим усятском родом): У Григория Егоровича Самаковского (отчество которого, возможно, названо неверно) было три дочери: Капитолина (старшая), Наталья (средняя) и Евдокия (младшая).

Капитолина Григорьевна, стала женой Игнатия Павловича Брагина.

Наталья Григорьевна, стала женой Евстафия Атучина, о чём упоминает, называя своих предков — ясашных татар, и Анатолий Алексеевич Атучин.

Евдокия Григорьевна, вышла замуж за однофамильца Фёдора Самаковского, у них были дочь Наталья и сын Иван (прозвище которого в Усятах — Иван-косоротый, поскольку у него был перекошен рот, видимо, после перенесённого паралича, отчего он плохо разговаривал).

Пятерых сыновей и трёх дочерей произвели на свет Игнатий Павлович и Капитолина Григорьевна Брагины:

В 1897 году родилась у них старшая дочь Татьяна, в 1899 году — вторая дочь Александра. В 1902 году — сын Яков, в 1904 году — Андрей, в 1906 году — Евгений, в 1908 году — Алексей.

В 1912 году (когда Капитолине Григорьевне было уже 40 лет) родилась у них третья дочь — Евдокия, а в 1914 году — пятый, самый младший сын, Макар.

У Татьяны Игнатьевны, по второму мужу Брагиной (первым её мужем был Иван Бедарев, погибший в Первую мировую войну) было трое детей: дочь Мария и близнецы Михаил и Василий.

Михаил Иванович Брагин большую часть своей трудовой жизни отдал шахте «Тайбинская» в Кислёвске, на этой же шахте он стал заслуженным шахтёром России и Героем Социалистического Труда.

У Александры Игнатьевны и её супруга Григория Захаровича Бычкова, прошедших через процедуру раскулачивания и высылку в Нарым, выросли двое детей — сын Евгений и дочь Нина.

У Якова Игнатьевича и его супруги Елены Фёдоровны Брагиной (в девичестве Малышевой) выросли двое детей: сын Иван и дочь Зинаида. После окончания школы Иван Яковлевич Брагин поступил учиться в Московское Кремлёвское военное училище, окончив его в 1940 году, стал кадровым офицером, прошёл через горнило Великой Отечественной войны. Участвовал в боях за освобождение Украины, был оставлен там для борьбы с вооружёнными отрядами украинских националистов (бандеровцами и прочими антисоветскими элементами), которых «выкуривали» из их «нор» почти до конца 1950 годов.

Иван Яковлевич прослужил в армии более 30 лет, уволился в звании подполковника.

В семье Ивана Яковлевича и его супруги Марии Юрьевны Брагиных выросли трое детей: дочь Светлана и двое сыновей — Олег и Александр.

Александр Иванович Брагин пошёл по стопам своего отца, окончил Севастопольское высшее военно-морское училище, дослужился во флоте до воинского звания «капитан первого ранга».

В настоящее время у детей Ивана Яковлевича Брагина есть уже и свои дети, есть и внуки.

У Андрея Игнатьевича Брагина, в своё время осуждённого по одному уголовному делу вместе с Василием Захаровичем Бычковым, детей не было. После освобождения из мест лишения свободы на жительство он переехал в Кислёвск, до пенсии отработал на стройке. Умер в Кислёвске в 1985 году.

Третий сын Игнатия Павловича Брагина Евгений Игнатьевич женился на Анастасии Алексеевне (урождённой Тузовской), у них родилось два сына — Виктор и Валентин.

Евгений Игнатьевич с большими жизненными трудностями смог уйти от процедуры раскулачивания и высылки из родных мест. С началом же Великой Отечественной войны был призван в армию, выучился на танкиста и был отправлен на фронт, в 1942 году погиб.

Старший сын Евгения Игнатьевича Брагина Виктор родился в 1928 году, после окончания средней школы поступил учиться на горный факультет Томского политехнического института. После окончания института работал на шахтах Кузбасса на инженерно-технических должностях. Прошёл служебный путь от начальника участка до директора шахты, после этого работал на должностях главного инженера и руководителя Угольного объединения.

Четвёртый сын Игнатия Павловича Брагина — Алексей, так же, как и его старший брат Евгений, с началом Великой Отечественной войны был призван в армию и отправлен на фронт. Служил на Севере, на Карельском фронте — в артиллерии. Вернувшись домой после окончания Великой Отечественной войны, окончил краткосрочные курсы горных мастеров, после этого работал на шахтах Кислёвска горным мастером, начальником участка, начальником ОТК шахты.

Женился Алексей Игнатьевич ещё до войны, вместе с женой Верой Петровной они вырастили четверых детей: дочь Галину и трёх сыновей: Рудольфа, Валерия и Александра.

Рудольф и Валерий пошли по стопам

своего старшего двоюродного брата Ивана Яковлевича Брагина, стали военными. А Александр, оставшийся с родителями, стал шахтёром.

Пятый, младший сын Игнатия Павловича Брагина Макар, ещё в молодые годы выучился на тракториста, механизатора и механика, в начале войны работал механиком участка и даже главным механиком на угольных шахтах Прокопьевска, находился «под бронёй» и в армию призван не был. Так в шахте он отработал до пенсии. Женился Макар Игнатьевич рано, на Зое Вячеславовне (в девичестве Старченко), в 19 лет он был уже отцом.

Вместе с Зоей Вячеславовной они вырастили шестерых детей: трёх сыновей: Александра, Валерия, Вячеслава и трёх дочерей: Валентину, Галину и Татьяну.

Третья, младшая дочь Игнатия Павловича Брагина — Евдокия, замуж вышла за Гуляева Николая Романовича, сына столыпинского переселенца в Сибирь, кузнеца Романа Ивановича Гуляева.

Вместе с мужем они вырастили шестерых детей, троих сыновей — Виктора, Юрия, Анатолия и троих же дочерей — Нину, Любовь и Зою.

Виктор Николаевич и Юрий Николаевич Гуляевы, окончив горные институты, стали работать горными инженерами-механиками.

Анатолий Николаевич по стопам своих братьев не пошёл, выбрал для себя путь военного, выучившись на военного авиационного инженера. 25 лет прослужил в армии, в военной авиации. Уволившись из армии в воинском звании полковника, занялся другим полюбившимся ему делом — литературным творчеством.

Братья Михаил Павлович и Игнатий Павлович Брагины дружили между собой, но праздникам навещали друг друга, дружили между собой и их дети.

Между собой Брагины называли друг друга «Игнахиными» и «Михайлиными».

Брагиных, как и Атучиных, в Усятах было много, многие же из них родства между собой не знали, считались чужими — однофамильцами.

Тем не менее, из опыта своих исследований, с твёрдой уверенностью говорю: если нет точной и достоверной информации по генеалогической линии какого-то конкретного рода или фамилии, то где-то после восьмого поколения, которое в памяти потомков ещё хоть как-то да хранится, далее установить связи на нашем уровне и с нашими возможностями практически невозможно.

В генеалогии царей, князей и прочих высокопоставленных вельмож, где велось точное хронометрирование поколений в их родах, можно говорить о том, кто кого сменил и кто за кем шёл. У простых людей, прародителей которых были малограмотными, а то и совсем безграмотными, передача информации из поколения в поколение передавалась исключительно в устной форме (из уст в уста). Предельно устной памяти — не более чем за восемь, ну, от силы, за десять поколений. Далее проводить какие-то серьёзные исследования и делать какие-то серьёзные выводы, по моему мнению, невозможно!

Тем более невозможно, если меняются ещё и фамилии. Да и фамилии-то простым людям начали присваивать, когда их начали призывать и принимать на государственную службу: кого в стрельцы, кого в казаки и так далее. Раньше фамилии людям давались (и не только простым людям) по именам их отцов: детей Ивана звали Ивановыми, детей Сидора — Сидоровыми и так далее. Хотя Иван и Сидор были родными братьями, но попробуй, разберись, с их потомками.

Григорий АФАНАСЬЕВ

Григорий Михайлович Афанасьев родился 7 октября 1950 года в Прокопьевске. Со временем переехал в Калтан, где и живёт по сей день. После окончания школы некоторое время работал в Сургуте, там получил профессию сварщика. Долгое время трудился на предприятиях Калтана: СТО, «Водоканал».

С детства Григорий Михайлович пристрастился к чтению, имеет дома богатую библиотеку. Он очень интересный собеседник с энциклопедическими знаниями.

Всегда писал стихи о том, что его волновало и радовало: о родном городе, его людях, о любви и природе. На стихи Афанасьева новокузнецким композитором Масловым написан гимн города Калтан.

Публиковался в газетах «Время и жизнь», «Калтанский вестник», «Устьтская россыпь». Лауреат конкурса «Шахтёрская память» фонда имени Романова в номинации «Литература и искусство».

Победитель и лауреат городских литературных конкурсов. Изданы его книги «Истина должна созреть», «Зал ожидания», «Сигналы сердца». Его работы вошли в коллективный сборник «Мы с вами говорим».

Евгения Шкаева.

Чего достиг я в этом мире?

Мой путь

Чего достиг я в этом мире,
Прожив на свете много лет?
Того ли, что живу в квартире,
Что есть продукты на обед?
Что в небе солнце ярко светит,
Что я не хам и не злодей,
Что заслужил на этом свете
Я уважение людей?
Доволен, что тружусь на грядке,
Смотрю футбол, хожу в кино,
Да и с работой всё в порядке —
Ведь я на пенсии давно.
Одет, обут — согласно моде
И обеспечен я вполне.
Вот только чувствую, что вроде,
Чего-то не хватает мне.
Чего-то главного, такого,
Что в магазине не найдёшь.
Что лишь из опыта земного
Ты в дальний путь с собой возьмёшь.
Проходят годы, как мгновенья,
И не во сне, а наяву.
И всё сильней в душе сомненья:
А для того ли я живу?
Всё чаще думаю со страхом:
Вот кончится мой путь земной —
Всё, что мне мило, станет прахом,
А что останется со мной?
Где будет жить моя любовь
И в чём проявится сознание,
Когда остынет в жилах кровь
И остановится дыхание?
Что будет там, за той границей,
Где распадется плоть моя?

Вершина

Пусть сменил я стиль одежды
И привычки, став седым,
Но душою, как и прежде,
Я остался молодым.
С тем же трепетом встречаю
Утром вешнюю зарю.
Раньше радовался маю,
А сегодня — сентябрю.
Жизнь меня частенько била —
То тащила, то вела.
Постепенно научила
Отличать добро от зла.
Я теперь уже на внешность
И на формы не клюю.
Мне дорожке стала нежность —
На наружность я плюю.
И не нужен блеск Парижа —
Не о том мои мечты.
Мне духовность стала ближе
Ненадёжной красоты.
Не сказать, что равнодушен
Стал совсем я до утех —
Я по-прежнему радужен,
Мне не чужд весёлый смех.

Но теперь я собираю
Зрелой мудрости плоды
И с иронией взираю
На ошибки молодых.
Не даю советов праздных —
Сам когда-то был такой.
Но придётся им соблазны
Вырвать твёрдою рукой.
Путь вверх тернист и зыбок —
То обвалы, то лавины...
Но не выправить ошибок,
Не добравшись до вершины.

Ветеран

Растирая под пледом
Шрамы ноющих ран,
В день Великой Победы
Умирал ветеран...

Перед ним проплывали
Давней юности дни,
Когда кровь проливали
За Отчизну они.

Про минувшие беды
И про огненный ад
В светлый праздник Победы
Вспомнил старый солдат.

О погибших ребятах,
О друзьях боевых
И о старых солдатах,
Что остались в живых.

Их осталось немного
Из призыва всего,
А теперь в путь-дорогу
Бог послал и его...
К вечно юным ребятам,
Что скончались от ран,
В том году сорок пятом,
Уходил ветеран
В день победного мая,
Через времени дым
Шёл, друзей обнимая,
Став опять молодым.
По весеннему снегу,
С талой вешней водой,
По последнему снегу —
За последней звездой.

...Утихала под пледом
Боль от ноющих ран —
В дальний путь в день Победы
Уходил ветеран...

День Победы

День Победы идет по России моей.
Вновь с востока на запад проходят парады.
И страна, поздравляя седых сыновей,
Им вручает свои боевые награды!

Те, что пали когда-то в смертельном бою,
Перед этим пройдя все лишения и беды;
Снова встали с живыми в едином строю
На Поклонной горе — на параде Победы!

Обелиски гранитные братских могил
Пронесли сквозь года
груз священного бремени,
Чтобы русский народ навсегда сохранил
В вечном свете огня
память грозного времени...

А по площади Красной чеканят опять
Твердый шаг строевой молодые ребята.
Если вновь позвёт наша Родина-мать,
На защиту её снова встанут солдаты.

У героев войны на замену уже
Подрастают героические внуки.
Остановят врага на любом рубеже
По канонам военной науки.

Держат крепко они боевой автомат,
Познавая военное дело,
И враги не пройдут там, где русский солдат
Защищает родные пределы!

День Победы идет по России моей.
Вновь с востока на запад проходят парады.
И страна, поздравляя седых сыновей,
Им вручает свои боевые награды!

Старое фото

На пожелтевшем старом фото
В своём альбоме вижу я,
Как в кадре замерла пехота —
Военной юности друзья.
Остановившееся время,
На снимке лица без морщин...
Но там, за кадром, зреет семя
Причины будущих причин.
Стоят такие молодые
В одном строю, к плечу плечо.
Ещё пока что не седые,
И не погиб никто ещё.
Ещё армейская одежда
Не прикипела солью к ним...
И в каждом теплится надежда,
Что он останется живым.

Ароматы весны

Я люблю вспоминать тот далёкий апрель,
Как на талом снегу рисовал я узоры.
Над моей головой то свистел свистель,
То сороки о чём-то вели разговоры.
Полной грудью дыша, я шагал налегке.
Лес уже позабыл про недавнюю стужу.
Лишь под палкой моей, что держал я в руке,
Звонко трескался лёд на закованных лужах.
Снег ещё не сошёл на полянах лесных,
Но ручьи уж звенят, обнажая валежник.

И под талой водой, как подарок весны,
Белым чудом лесным показался подснежник.
Было радостно мне по просёлкам брести
И смотреть,

как вокруг просыпалась природа.
Мне в сегодняшний день удалось пронести
Аромат той весны из далёкого года.
Я теперь по ночам вижу дивные сны,
С громким пеньем синиц предвесеннего леса.
Этот солнечный день — как подарок весны,
Он мне силы даёт и спасает от стресса.
Сколько будет ещё дней таких у меня?
Будет много дорог, если жив ещё буду?
Только тот аромат от весеннего дня
Я, как юность свою, никогда не забуду.

Бабье лето

Ах, бабье лето, бабье лето!
Твои чудесные деньки,
В нарядах золотого цвета,
Глядятся в зеркало реки.
То жёлтой краскою, то красной
Слетает лист календаря
И отражает мир прекрасный
В палитре яркой сентября.
Иду по лесу, без дороги,
Вдоль тихой речки — напрямиком.
Смотрю внимательно под ноги,
Сгребая листья в жёлтый ком.
Своим неутомимым взором
Надеюсь отыскать опять
Под тонким листовым узором
Курчавый выводок опят.
И вдруг порыв шального ветра
Поднял опавшую листву.
Кружа, пронёс с полкилометра
И снова бросил на траву,
Рассыпав золото небрежно
Хрустящей жёлтой стопой,
Как разгулявшийся невежда
Швыряет деньги на пропой.
И вновь покой над речкой сонной,
Лес снова дышит тишиной.
Лишь перекаст неугомонный
Журчит прозрачною волной.
Раздевшись, забредаю в воду,
В струю прохладную реки.
Нет лучше времени в природе,
Чем лета бабьего деньки.
Приятно тело остывает,
Разгорячённое ходьбой.
Пьянит и дрему навевает
Плывающий купол голубой...
Лежу в траве, раскинув руки,
Смотрю на солнечный закат.
Внимаю запахи и звуки
И монотонный звон цикад.
А в голове, помимо воли,
В стихи сливаются слова.
Я рад своей счастливой доле,
И кругом кружит голова...

г. Осинники.

Евгения ШКАЕВА

Евгения Васильевна родилась 21 сентября 1954 года в посёлке Мундыбаш. После окончания Сибирского металлургического института работала на Юрмаше инженером-технологом. Стихи начала писать в 1979 году. С 1998 года посещает занятия в клубе любителей поэзии при Центральной городской библиотеке города Осинники, является активным членом клуба авторской песни – «Песни белых облаков» города Калтан. Выпустила авторский сборник стихов «Сквозь призму сердца». В соавторстве с Тamarой Погребняк – сборник «Созвучие».

Вся поэзия Шкаевой Евгении озарена добрым светом её дара Божьего, проникающего в души читателей.

Бхине Л.
Курбанова Т.

Малиновые зори

Малиновка

В Малиновке малиновые зори
В рассветной отражаются реке.
Бежит девчонка вниз по косогору
С малиною в плетёном туеске.

Здесь по пригоркам разбежались улицы,
Дорога под «БелАЗами» дрожит,
Под летним ветерком листва волнуется,
И в небе стая голубей кружит.

Везёт автобус в шахту смену новую,
И уголь выдается на-гора.
У дома пахнет шишкой сосновою
И во дворе стрекочет детвора.

Пусть в мире есть места и покрасивее,
В заморском сладко-призрачном раю.
Кузбасс мне дорог!
Я горжусь Россиею!
Ну а люблю Малиновку свою!

14 октября

Ещё листва не облетела,
Но у зимы закон суров:
Укрыло ветки снегом белым
В твой, Богородица, Покров.

Под грузом тяжких снежных шапок,
Согнувшись, дерева стоят.
И отпечатком птичьих лапок
Поляны белые пестрят.

Грачи неожиданно прилетели...
Но, как весною, не кричат.
На ветках, словно в колыбели,
Они, нахохлившись, сидят.

Как всё в природе изменилось!
Смешались даты, времена.
В планетных ритмах что-то сбилось:
Не осень, да и не весна.

Зажгу свечу я у иконы
И Богоматерь попрошу:
«Пусть не нарушаются законы,
Пока живу я и дышу».

О Торбокове

Вышел он из шорского народа —
Сказочник, учитель и поэт.
Словно долгожданный самородок
Засиял, увидев солнца свет.
Оживали древние сказанья,
Плакал и смеялся кай-комус.
Планетарным центром мирозданья
Становился праздничный улус.
И тогда кайчи внимая пенью,
Замирала дикая тайга.
На сосну сова скользнула тенью,
Навострила уши кабарга.
Нет, друзья, поэт не умирает,
И стихи в забвенье не уйдут.
Если помнят, любят и читают,
Если песни шорские поют.

Памяти доктора Лизы

Самолёт камнем с неба — в море,
А потом лишь волны полоса.
Милосердного доктора Лизу
Забирают к себе небеса.

Как бесстрашно людей спасала,
Как бездомным давала кров...
Катастрофа... Лизы не стало,
Но осталась её любовь.

Не за деньги, славу и почести,
Не за ярких медалей звон,
Презирала кликушей, пророчества,
В справедливости веря закон.

Пусть молитвы, о ней вознесённые,
Путь укажут в кромешной мгле.
Дети, доктором Лизой спасённые,
Будут жить за неё на земле!

Бардовский вальс

Традиции славные бардовской песни —
Всё было, как будто вчера.
Мы молодцы были и пели все вместе
В кругу у ночного костра.
От нашего сердца
До вашего сердца
Мелодия птиц летит.
Душа востребована
И с песней сольётся
В один гармоничный мотив.
Гитары, палатки, крутые маршруты,
Романтика дальних дорог.
Нам дороги редких свиданий минуты
И восточки в несколько строк.
Проходят года, время мчится по кругу,
И дети гитары берут.
Поют про костры, про надёжного друга,
И с песней по жизни идут.

Шахтёр

Из недр земли он шёл на Божий свет,
Тяжёлая усталость вниз давила,
Как эти глыбы в миллионы лет,
Что матушка природа сотворила.
Вот солнце резануло по глазам,
Он опустился на траву неспешно,
На каску тихо села стрекоза,
А сверху — голубая бесконечность.
И, разомлев от летнего тепла,
Он на спину откинулся устало...
А птичья песня с высоты текла,
И пахло разнотравьем и металлом.
Заснул, ну, может быть, закрыл глаза,
Друг точно так же рядом завалился
И шёпотом кузнечик сказал:
— Не стрекозчи, он славно потрудился.

«У сердца морщин не бывает» —
Народная мудрость гласит.
Оно от обиды страдает

И часто ночами болит.
Там, в юности нашей далёкой,
Что кадром мелькнуло в кино,
Горело мечтою высокой,
Добром наполнялось оно.
И сердце счастливым бывало,
Так радостно билось в груди,
Когда о любви узнавало
По шёпоту тихому: «Жди».
Как быстро промчались те годы,
Легло серебро на виски,
Когда зашумит непогода,
То сердце щемит от тоски.
Жизнь подлинный смысл обретает —
Мы нянчим внучат-малышат,
У сердца морщин не бывает,
Когда молодая душа.

Родники Кузбасса

Родники — несмелое начало
Величавых, полноводных рек.
Все они — как малые причалы,
Память детства, что живёт вовек.
Смотрят в небо ясными глазами,
Лучик солнца пляшет в глубине,
То забился, то внезапно замер
Пульс струи, родившейся на дне.
Томь и Тёба, речка Сарбалёнка
Начинались с малых родников,
Чтоб потом бежать по камню звонко
Мимо задремавших ивняков.
От Усы, Ишима, Подобаса,
До Пызаса, Кондомы-реки,
Для всего огромного Кузбасса
Трудятся, как люди, родники.

Осенние грозы

Сентябрь перешагнул за половину
И за труды сторицей воздаёт,
Багрянцем тронул спелую рябину,
А журавли торопятся в отлёт.

И снова торжеством тепла и света
Природа радуется и не даёт грустить.
Приходит молодое бабье лето,
Печаль осеннюю
в людских сердцах смягчить.

Сорвав листья золотые у берёзы
Порывом озорного ветерка,
Вовсю гремят сентябрьские грозы,
Раскатами тревожа облака.

Они — примета долгой, теплой осени.
Кружась, на землю падают листья.
Но в вышине, в прозрачно-тихой просини,
Еще витают светлые мечты.

Рыжий кот на опавшей листве

Как виденье, из ниоткуда,
Бликом ярким на жухлой траве,
Из окна я увидела чудо:
Кот сидел на опавшей листве.

Был он ярко-осеннего цвета,
Как созревший большой апельсин,
Словно лучик ушедшего лета,
Провожавший потоки машин.

На обочине грязной дороги
К небу рыжую морду подняв,
Кот сидел, отрешённый и строгий,
Будто в ярком саронге монах.

Осень с грустью его обходила,
Золотой осыпая листвою.
И минуты блаженства дарило
Солнце рыжее над головой.

Очень скоро закружат метели,
Белым снегом засыплет леса.
Только темно-зелёные ели
Будут молча глядеть в небеса.

Приоткроет мне память оконце,
И картина всплывёт в голове:
Осень, город, неяркое солнце,
Рыжий кот на опавшей листве.

Метели памяти

Ах, как в тот год метели бушевали,
Февраль по окнам заносил дома!
Меня твои объятья согревали,
Ведь жарким чувствам не страшна зима.

Прикосновений ласковая нежность
Кружилась в такт метели за окном.
Но злых разлук глухая неизбежность
Змеей холодной заползала в дом.

Пропал без вести милый мой на фронте,
На память о себе оставил шаль.
Ни слуха, ни письма, ни похоронки,
Лишь сердце гложет горькая печаль.

От фотографии я взгляд не отрываю,
Что в рамочке на письменном столе.
И с тихой нежностью,
любимый, вспоминаю
Тебя в метельном, давнем феврале.

Пирамиды

В Мачу-пикчу, Гизе и Непале
С давних, незапамятных времён,
Пирамиды на земле стояли,
Охраняя предков вечный сон.

Кто их строил, для чего — не знаем.
Пыль тысячелетия на них.
Может, служат только маяками
Для пришельцев из миров иных?

Где-то рвёт броню снаряд фугасный,
Где-то колыбель качает мать.
Мы родимся, вырастем, угаснем,
А они останутся стоять.

Знают тайну прорастанья семени
И причины всех людских обид.
Пирамиды так боятся времени,
Время же боится пирамид.

Николай МИРОНОВ

Литературное творчество Николая Миронова многогранно. Серьезные стихи на военную тему переключаются с лирическими произведениями о природе и родном крае. Любовная лирика соседствует с шуточными стихами. Литературный язык его прост и доступен. Всё творчество Николая Миронова пронизано верой в торжество справедливости. Баллада «Солдатские судьбы» является совместным трудом с поэтом Александром Кремнёвым. В балладе динамичные эпизоды боёв тонко переплетаются с любовной лирикой, что доказывает вечность человеческой сущности и торжество добра над зверствами фашистов. Автор является членом поэтического клуба «Кедр», много времени отдаёт сочинению музыки. Он пишет песни на свои стихи и на стихи своих одноклубников «Кедровцев». Участвует в поэтических и песенных фестивалях Кемеровской области и Алтайского края.

Евгения ШКАЕВА, член Союза Кузбасских писателей.

Запоют, как флейты, птицы

Сталинград

Символ стойкости — Сталинград!
Для живых он дорожке наград!
Здесь боец принял свой смертный бой
И в граните застыл, как живой.

Днём и ночью тревожный плакат
Звал на подвиг советских солдат.
Сталинградцы военной порой
От завода с винтовкой шли в бой.

Напряжёнными были бои,
Много раз в рукопашную шли,
Не дано им за Волгой земли,
Здесь они, в Сталинграде, легли.

Взята в клещи армада врага,
Беспощадная в гнев рука
Мертвой хваткой сжимает кулак,
Трепыхает в агонии враг!

Доблесть армий Победой возшла.
Жизни тысяч война унесла.
Память павшим и горечь тех ран
Воплотились в Мамаев курган.

Новый город стоит над рекой,
Он сурово хранит свой покой.
В мирном зареве поднятый меч
Призывает Отчизну беречь!

Судьбы короткий миг

Моему дяде Ивану Егоровичу Миронову,
командиру взвода разведки
посвящается.

Наслохлся рассвет на закат,
Солнце с гарью в потоке смешалось.
Враг в руины ввергал Сталинград,
Но борьба за него продолжалась...

Взвод пополнил юнец-командир,
(Их учёбу война прерывала).
Строго сшитый военный мундир,
Куб в петлице — карьеры начало.

На груди офицерский ремень,
Строгий взгляд карих глаз на портрете:
Миг жизни на фото тот день,
Юным Ваня остался на свете...

Шла разведка, минуя посты,
Маскхалатами снег разгребая,
Они «рвать» собирались мосты,
(Прозевали мосты, отступая).

Сверив карты, в ночи разошлись,
Опасались ракетниц «зажжёнку»,
Лишь под утро к мосту добрались,
Отдохнули, достали тушёнку.

Разговор меж собой завели,
Кто-то вспомнил смешную девчонку,
И просторы сибирской земли
Кольхнулись по памяти звонкой.

Прибывали на фронт земляки,
(К Сталинградским бескрайним просторам).

Насмерть встали Сибири полки,
Путь закрыли немецким моторам.

Их присутствие чувствовал враг,
Потерял он былую сноровку,
Дрогнул немец, когда сибиряк
В штыковую примерил винтовку.

...Снег топтал на мосту часовой,
Рядом с насыпью дот возвышался.
У Ивана приказ боевой,
Он приказам всегда подчинялся.

Мысль созрела: «Пусть будет конвой»...
Конвоиры шли в форме немецкой,
Без оружия, шестеро в строй,
В плен как будто бы взятых советских.

Так «конвой» вдруг к мосту повернул.
Окрик «Хальт!», часовой приблизился,
В доте ствол пулемётный мелькнул,
Сердца бешеный ритм учащался.

Часового Иван сбил в упор,
А «конвой» в снег у насыпи канул,
Дот извергнул свинцовый напор,
Ваня сразу почувствовал рану.

Дот гранатами весь разнесли,
В мост взрывчатку заложили вскоре,
Взрыв пролётов произвели,
С боем все отступали по полю.

Лес укрыл, отдохнули немного,
Для носилок срубили каркас,
Вновь по снегу торили дорогу,
Был в беспамятстве Ваня в тот час...

Не помог полевой медсанбат
И не жгучими стали морозы.
Снял ушанку — и замер солдат,
Накатились нежданные слёзы.

Комья вырытой мёрзлой земли,
Плащ-палатку закрыть порывались.
Залп винтовочный произвели,
С командиром разведки прощались.

Он мечтал, он мечтой дорожил...
У ровесников жизнь продолжалась.
До Победы Иван не дождал,
На рассвете судьба оборвалась...

Полевая кухня

Ах, повар, ты своей едой
Смог раненых поставить в строй!
Потрёпанный наш батальон
Вконец боями изможден.
Устал от ран и от стрельбы,
Казалось, всем не до еды,
Но тут узбек Карим явился,
(Он с кухни полевой пробился).
Добрался потный, но живой
Он в сумерках к передовой.
На весь геройский батальон
Привез куриный нам бульон!
Где кур достал — то ведь секрет!

Но после боевых побед
Его народ боготворил —
Он просто чудо сотворил!

Хлебал комбат, хлебал солдат,
И то, что жив, был каждый рад.

Хвалили повара Карима —
Война ушла куда-то мимо.
Вдруг каждый ощутил: он дома.
Такое чувство всем знакомо.
Теплее стал солдатский взгляд
Друг другу говорили: «Брат!»
Карим лукаво улыбался:
Он своровал
И не попался!

Осеннее многоцветье

1. Осень краски раскидала,
Золотится листопад,
Почью холод «нагуляла»,
Почью холод «нагуляла»,
Почью холод «нагуляла»,
Почью холод «нагуляла»,
Почью холод «нагуляла»,
Почью холод «нагуляла».

В лето сгинул кров зеленый,
Безвозвратная пора,
Стонет эхом бор пихтовый,
Опостылела хвоя.

2. Листьев ярких эполеты,
Как в строю таёжный край.
Всколыхни мои рассветы,
Всколыхни мои рассветы,
Всколыхни мои рассветы,
Всколыхни мои рассветы,
Всколыхни мои рассветы,
Всколыхни мои рассветы.

По полям, пугая птицу,
Что-то ищет среди тьмы
Одинокая волчица,
Тень серебряной зимы.

3. Я брожу, как лунь озябший,
У судьбы прошу взаймы,
В разноцветьях заплутавший,
В разноцветьях заплутавший,
В разноцветьях заплутавший,
В разноцветьях заплутавший,
В разноцветьях заплутавший,
В разноцветьях заплутавший.

Счастье, угнанное где-то,
Лошадей лихая прыть,
Попытайся это лето,
Попытайся бабье лето,
На скаку остановить...

Поздравительная

Мироновой Лине в юбилей

1. Заиграл апрельским утром
Серебром рассвет.
Сквозь оттенки перламутра
Небо шлёт привет!
Подошло число Творенья
На пятнадцать дней,
У Анюты в День Рожденья
Нынче Юбилей!
Пусть всегда целует солнце
Твой счастливый лик.

В Твою честь весну в оконце
Возродил родник.
Ветерок несёт дыхание,
Говорит — «мы за...»
Деревя шумят признаньем —
Чудные глаза!

2. Запоют, как флейты, птицы,
Кедр трубит — фাগот.
О прошедшем не жалеи Ты,
А наоборот.
Пусть друзья с Тобой рядом,
Красоту любя,
Ты чаруй их нежным взглядом,
Преданность храня.
Пусть Тебя Господь ласкает
И хранит от бед.
Счастье Верой укрепляет,
Много, много лет.
От начала и до края
Ты в любви живи,
Радость жизни сохраняя,
В отблесках зари.

Морозная любовь

Раскидаются снегом метели,
Поморозятся коркою льда,
Не ласкает нас ветер апреля,
Обжигают лицо холода.

На дорогах застыли сугробы,
Как десанты в беретках стоят,
Неподвижны и горды как снобы,
Белизной на морозе звенят.

Переходит мороз в наступление,
Заковала природа себя,
Мы как будто в плену прегрешенья,
Почему-то мороз не любя.

И такой мне расклад не по нраву,
Я своих подгоняю коней,
Мы вдвоём, потешаясь, в забаву,
В снег утонем морозных ночей.

Всю одежду обсыпали льдинки,
Глаз бездонных зовёт синева,
Заблестят бриллианты-слезинки,
И растает морозная мгла.

Я сегодня безумно счастливый,
Жар объятий здесь холод прогнал.
Без тебя мир такой некрасивый,
А с тобой он весной задышал.

Поздняя осень

Осень жжёт печальным взором,
Ткёт мороз стальным узором,
Всё наглее холод, тьма —
Лезет, крадучись, зима.
Пёс домашний от волненья
Кувьркается в забвенье:
Шерсть свою о землю трёт,
Вьюгу снежную зовёт.
Нет, не возвратит тепла —
На пороге в дом зима.

Покорители морских просторов

Посвящается

Константину Павловичу Турецкому

1. Корветы ходят в океанах,
Корветы ходят по морям.
В чужих портах и дальних странах
Бросают якорь по часам.
Всегда придерживаясь курса,
(Им не пристало дрейфовать),
Диктат военного искусства,
Приказ — просторы покорять.

Припев:

А дома ждут красавицы-подруги,
Любовь от них приносят облака.
И ласки волн по-девичьи упруги,
Вселяют веру в сердце моряка.

2. Ведут корветы капитаны,
Взор устремив в морскую даль.
С пиратской хищностью туманы
На судно сбросили вуаль.
Беда морская не пугает,
У всех у них одна судьба,
Отвага храбрых вдохновляет,
Стихия — вечная борьба.

Припев:

А после шторма море приласкает,
В тавернах за удачу пьют друзья,
И к ним, по волнам, яростно ныряя,
Песут корветы в брызгах якоря.

МЧС

1. Стелется дымок тревожно
По лесистой шири.
Разбудил народ таёжный
Колокол Сибири.
Вертолёт зарю пронзает
Красной полосой.
МЧС тайгу спасает
Раннюю порою.

Припев:

В небе солнце, как знаменье,
Пой, лесная птица!
Ты на жизнь держи равненье,
МЧС - «рубаха»!
Закатаем рукавицы,
Не возьмёт насада.
Родники — алмазов чище,
Божия награда.

2. Буреломы, топи, скалы
Ломят наши спины,
Из огня идём устало,
Поступью мужчины.
Впереди — завалы, взрывы,
Вновь спешим с перрона,
Сердца жгущие порывы —
Монолит закона!

Припев:

3. Сбудется мечтой чудесной
Встреча у порога.
Развернись цыганской песней
Дальняя дорога!
Их любовь гранич не знает,
Кто спасён тобою.
Потому душа сияет
У тебя порою.

Припев:

Глухарь

Далеко в тайгу шагнули
Шахтные поля,
На рассвете разбудили
Шумом глухаря.

То, что он берёт годами,
Вековую старь,
Вдруг, проснувшись, не увидел
Над собой глухаря.

Он на новое творенье
На «уклон» шагнул,
На прищельцев удивлённо,
На людей, взглянул.

Шёл с лохматыми ногами,
Камешки клевал,
Игнорируя шахтёров,
Зависть вызывал.

Он не хищник, не стервятник,
Кровь не проливал,
Но за свой готов сразиться,
Пасмерть, ареал.

Он нахохлился, прищипорил,
Чтоб врага сразить,
Но «уклоны» промолчали —
Где ж врагу здесь быть!

Ночью темной совсем рядом
Тихо рысь прошла.
Глухаря, надёжно, снегом,
Выюга замела.

Только блики заиграли,
Утренняя зарь,
Из-под снега птицей-«феникс»
Вылетел глухарь.

Приземлился на каптёрке,
Сварщикам указ,
Один раз так нагяделся,
Зрением угас.

По природа вновь за птицу:
К ней любовь храня,
В пихтаче восстановила,
Глазки глухаря.

Лишь рассвет — он прилетает,
В непогоду, в хмарь,
Он таёжный царь пернатых,
Царь лесов — глухарь.

Все шахтёры уважают,
(Видимо, не зря),
За любовь к земле родимой
Птицу — глухаря.

День Шахтёра

Солнышко идёт в зенит,
Колыхнулась нива.
Серебро пласта звенит
Тёмного разлива.
Небо ласково глядит,
Синей глубиной.
Птица в ельнике поёт
Летнею порою.

Набирает ковш стальной,
Полные корыта.
Вышел уголь молодой,
На забой открытый.
Будто бы утробный срок,
Отсидел он в нише.
Прозвенел вдали звонок —
В путь зовёт мальчишек.
Свежий уголь вниз потёк,
Золотою рыбкой.
Наградил он горняка,
Сказочной улыбкой.

Вдоль тропы грибы опята,
Дружно выросли ребята.
Маашут в касках мужики —
С Днём Шахтёра горняки!

Николай Миронов,
Александр Кремнев

Солдатская судьба — 1 Битва за Москву

Накал беды застыл на лицах,
Тревогой жгёт по всей земле,
Стон доносился от границы —
Не верил лишь «отец» в Кремле.
Табачный дым под нос пуская,
На «слуг» с презрением глядел,
Всех в свою «веру» обрекая,
Инакомыслию — расстрел...
По Союзу, сметая заслоны,
Топчет землю неистовый враг,
Презируя людские законы,
Цепи рабства раскинул Рейхстаг...
Минск потерял, Смоленск захватили,
Гудериан завершает блиц-план,
Купола позолотой манили,
Алчность жжёт ненасытный карман.

В круг Москвы «Богородица» свято,
Со слезой в самолёте летит,
Лик иконы — надежда солдата,
В этой битве его укрепит.
Окруженцем Иван был когда-то,
Много раз прорывался к своим,
Пульс стучит, как приказ, для солдата —
Мы столицу врагу не сдадим!
Ожидаем с надеждой резервы:
Тень составов по рельсам спешит.
Тут зима начинает маневры,
По деревьям морозец хрустит.
Оккупанты с ветров соловеют,
На ногах сапоги как приклад,
Каски в холод фашистов не греют,
Зубы в такт пулемёту стучат.
А к Москве из далёкой Сибири
В полушубках пришли воевать,
Все единый приказ получили —
Наступать, наступать, наступать!

Натолкнулись немецкие роты
В неприступные стены Кремля,
Отступили с большой неохотой,
Отрыгнула их наша земля.
Налегке по сугробам бежали,
Согреваясь на быстром бегу,
В Бонапарте себя увидали,
Проклиная мороз и судьбу.
Им теперь не до прошлых побед —
Стая воронов каркает вслед...

По пятам шел Иван в наступление,
Зимний ветер шумел за спиной,
Бил врага автомат в исступлении,
Шли в атаку широкой волной.
На бегу вдруг осколком задело,
По атаку на крыльях несло.
Непослушное тело осело,
И сознание куда-то ушло...
Видно, молится кто за солдата:
Он очнулся — оружие тут,
Волочит санитарка куда-то,
Он спросил: «Как, родная, зовут?»
В поле снежном они бороздили,
Он, как мог, помогал иногда.
Силы Вани куда-то уплыли —
Санитарка тащила одна...

Он очнулся в больничной палате,
Разговор кто-то вёл о солдате,
«...Знать, недаром «невеста» спасала,
Опоздай — жениха бы не стало...»
Встретил Ваня с ухмылкой взгляд,
Догадался, о нём говорят...
Вспоминался отрывками бой...
Взгляд девичий — совсем молодой...

Солдатская судьба — 2 Сталинградская битва

Вновь окоп. Вдалеке перестрелка,
Моноotonно стучит пулемёт...
А на дереве рыжая белка,
Суетливо орешек грызёт.
Часовых проверяет в дозоре
Ночью Ваня (он старший сержант).
Наступление предвидится вскоре,
Неприятель забросил десант.
Он посты обошёл (как предвидел),
Притомился, присел, закурил,
Бой последний невольно увидел,
Образ той санитарки ожил.
Не забыть ему девушки милой,
Что тащила его через силы.
У неё, как цветы по опушке,
По лицу разбежались веснушки...

Быстрой плетью хлестнули разрывы,
С лёгким хрустом легла тишина,
Только «трассеров» смерти-пунктиры
Утверждали, что это война.
Пули гнули, со свистом ломали
Молодые порывы души,
В девятнадцать степенными стали,
(Умирать никогда не спешит!).
Был уверен Иван — час расплаты
За людские страданья придёт,
Все румынские части зажаты,
Завершили по плану обход...

Сталинградский котёл не в привычку
Поначалу врага забавлял,
Оборону он наш, как спичку,
Наступая, с напором ломал.
По фортуна теперь изменилась:
В Сталинграде случился конфуз,
И накладка из шали сгодилась,
Жрал ворон, оккупант, (как француз).
Враг в тряпье, обморожены лица,
(Не в Европе «новьём» щеголять),
Их ведёт наш конвой вереницей,
(Понимают, где «Кузькина мать»).

Славу русских Иван приумножил,
Вправе он те слова повторить:
«Кто свой меч с миром в ножны не вложил,
На земле тому, Русской, не жить...»
Вечереет. Закат красно-яркий,
Над землянкой висит тишина.
Ваня пишет своей санитарке,
Нежных чувств прокатилась волна.
Письмецо, как соловушка-птица,
Фронтovou дорогой летит,
Строчки рядом — как любящих лица,
Да перо от истомы скрипит...

Солдатская судьба -3 Курская дуга

У окопа стальная громада,
Лязг металла в солдатских глазах.
Убежать бы и спрятаться надо
(Мысль, как молот, стучала в висках).
Мелковата окопная яма,
Страх сковал — невозможно уйти,
Две подруги сейчас у Ивана —
Жизнь и смерть — разновесы судьбы.
Надо выжить, с противником драться,
Злость и ярость собрать всю в кулак
И последней гранатой сквитаться —
Чтоб в агонии корчился враг...

Танк окоп пересёк напрямую,
Выхлоп гари ударил в лицо,
Связку мощных гранат(боевую),
Кинул кто-то из наших бойцов.
Изваянием застыла громада,
Дым пошёл из моторных щелей,
Для солдатской души как награда —
Пыл убавить фашистских зверей...
Гитлер в бункере — панцирь бетона,
Генеральская свита вокруг,
Не приемлют людского закона,
Попирают понятие «друг».
Камарилья склонилась у карты,
Слюны льются у Курской дуги:
Зарождаются новые старты —
Чертит свора ловушки, круги.
В новых танках стальные резервы,
В них надежды спасательный круг,
Но сдают «черносотенцев» нервы,
Не прошёл Сталинградский недуг...
Танки взвыли голодной стаей,
Пыль под небо рванула столбом,
Вышли демоны мертвого края,
Заиграли железным огнём.

Напирала броня лобовая,
Настилала солдатскую гать,
Уцелевших — огнём добивала,
Кто упал — продолжала топтать...
Вдруг в окопах пехота взбодрилась —
Шла лавиной советская «бронь»,
Танки сблизилась — солнце закрылось,
В черной гари танцует огонь.
Воевали не ради награды:
Из последних, цепляясь за жизнь,
Вдоху воздуха свежего рады —
В рукопашной танкисты дрались...

Матерям одиноким не спится,
На душе — леденящий закат.
Из небес вороньё вереницей
Поджидает пропавших солдат.
Кто-то пал... Кто-то дышит с натугой...
Слышно — раненый где-то кричит,
Для войны нет ни брата, ни друга,
Мать-природа покорно молчит.

Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Людмила Александровна ТАНКОВА родилась в 1950 году в селе Сохорево Алтайского края. Литературным творчеством занимается со школьных лет. Первыми книжками для неё были «Русские народные сказки». Сочетание правды жизни и волшебства всегда привлекали Людмилу Танкову. Большая часть её сказок и рассказов добры и поучительны. Их язык прост и доступен для ребят дошкольного и школьного возраста.

Сотрудничала с газетами «Кузнецкий рабочий», «Сельская правда», «Губернские ведомости» г. Новокузнецка, а также с газетами «Первое сентября» (г. Москва), «Сельская жизнь» (Алт. край) и газетами Хакасии, журналами «Кузбасская ярмарка» (г. Новокузнецк), «Уголь» (г. Москва)

Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Л. А. Танкова выпустила несколько детских книг «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная девочка».

Её поэтические и прозаические произведения вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке.

Сказка – ложь? Иль в ней намёк...

Каменное масло

В одном городе жила-была девочка, звали её Дашутка. Ни беды, ни горя не знала. Всего и забот у неё было: цветы на балконе полить, дружка Тобика вывести во двор погулять, да маме помочь.

Попросит мама: «Дашутка, помоги посуду помыть». Девочка быстренько посуду перемывает и к подружкам убежит в скакалки играть.

Когда Дашутке исполнилось семь лет, пошла она в гимназию, в первый класс. Мама с папой по такому торжественному случаю подарили дочке красивый мобильный телефон с весёлой музыкой.

Но и без телефона девочке понравилось учиться. Каждый день узнавала она много нового и интересного. Больше всего ей нравилось ходить на экскурсии в парк: можно побегать в догонялки, увидеть, как засыпает природа перед долгой зимой.

Однажды Дашутка вернулась домой после школы и видит, что папа чем-то опечален.

— Папа, — спросила Дашутка, — что случилось, почему ты печальный?

Папа покачал головой, да и говорит:

— У нас заболела мама.

— Так вызови «Скорую помощь»! — предложила Дашутка, — доктора быстро вылечат маму.

— Мы уже вызывали «Скорую помощь», — грустно сказал папа, — но они ничем помочь не смогли.

Дашутка вошла в комнату, где лежала мама, и тоже расстроилась, потому что бледная мама лежала на кровати.

— Здравствуй, мамочка! — позвала её Дашутка. — Как ты себя чувствуешь?

— Уже хорошо, — слабо улыбнулась мама, — я сейчас встану и покормлю вас с папой.

Она хотела подняться, но не смогла, потому что сильно ослабла. Девочка погладила маму по руке и сказала.

— Не беспокойся за нас. Мы с папой всё сделаем сами, а ты выздоравливай! На второй день мама не выздоровела.

Дашутка прибежала из гимназии, пылесосом почистила полы в квартире, сварила кашу, как её мама учила, и стала ждать папу с работы.

Ужинали они с мамой в комнате и, чтобы развеселить больную, рассказывали всякие смешные истории. Только мама не смеялась.

В гимназии девочка плохо слушала учителя и всё время думала о том, как вылечить маму. После уроков учительница объявила, что весь класс идет на экскурсию в парк.

— Сегодня, — сказала учительница, — я вам расскажу, как деревья и кустарники к зиме готовятся.

— Извините, — встала из-за парты Дашутка, — можно, я пойду домой, у меня мама болеет.

— Конечно, — кивнула головой учительница.

— Даша, — звали подружки, — мы в парке будем собирать осенние листья для гербария. Пойдем с нами!

— Не могу, ответила девочка, — мне надо приглядывать за мамой, она больна.

Все ученики Дашуткиного класса отправились на экскурсию, а девочка посмотрела им вслед, вздохнула расстроенно и пошла домой. Вдруг видит, у дороги мечется старенькая бабушка. Хочет перейти дорогу, но не может, потому что машины идут потоком.

Дашутка подбежала к старушке, объяснила ей, как надо правильно переходить через дорогу, перевела по пешеходному переходу на другую сторону.

— Спасибо, внученька, — поблагодарила её бабушка, — без тебя мне бы трудно было перейти.

— Только вы, бабушка, дорогу переходите на зелёный свет!

— Добрая ты девочка, — сказала старушка и попросила, — а я старая, вижу плохо, теряюсь на дорогах, не могла бы ты проводить меня до дому? Я живу недалеко.

— Извините, бабушка, — покачала головой Дашутка, — я бы вас проводила, но у меня сильно болеет мама, надо бежать домой.

— Что же с ней приключилось? — оставилась старушка.

— Не знаю, только лежит на кровати

бледная и слабая. Ничего не хочет кушать.

— Врачей вызывали? — спросила старушка.

— Вызывали, но они ничем не могут помочь.

— Знаю я, девонька, одно лекарство. От сорока болезней помогает, — старушка внимательно посмотрела Дашутке в глаза. — Называется оно — каменное масло.

— Где же его купить? — обрадованно спросила девочка. — Я папе скажу, и он быстро туда съездит.

— Не торопись, милая, — погладила её по голове бабушка, — лекарство это в аптеке не купишь. А даётся оно только добродушному и любящему человеку. Сможешь ли ты пойти за каменным маслом?

На минутку задумалась Дашутка: «Папа, конечно, очень добрый, смелый и любящий, но он на работе...» и кивнула головой.

— Смогу, только научите, как найти каменное масло?

— Садись на автобус, — сказала старушка и показала на синий автобус, который подходил к остановке, — и поезжай до конечной остановки. Будешь ехать, старайся по сторонам не глядеть. Смотри вперёд, быстрее доберёшься. А выйдешь из автобуса, ищи тропинку-гостинку. Особая это тропинка, лишь для добрых и смелых открывается. Найдешь тропинку — твоё счастье! А нет — возвращайся домой, автобус тебя подождёт.

— А дальше-то что делать? — торопит Дашутка, а сама на автобус поглядывает, ведь надо ещё успеть добежать до остановки.

— Дальше всё от твоей доброты и заботливости будет зависеть, — ответила старушка.

— Спасибо, бабушка, — затормозила девочка и кинулась на остановку.

Оглянулась, а на тротуаре никого. Будто и не было старушки.

— Чудеса, — удивилась Дашутка, потом решила, — наверное, в магазин за хлебом зашла.

Глядь, а автобус около неё останавливается. Водитель открыл двери и ждёт, когда Дашутка войдет в салон.

Оробела девочка, но в автобус вошла. Села на переднее сидение и в окно поглядывает. Заметила: если она в окно гля-

дит — автобус едет медленно, а если вперёд — то не успевают увидеть, как мелькают улицы и дома перед глазами. Стала только вперёд смотреть, и вскоре автобус остановился.

Вышла Дашутка и испугалась: кругом дремучий лес — ни дороги, ни тропинки не видать. Деревья и кустарники переплелись ветвями так крепко, что пройти сквозь них невозможно. Начала девочка искать тропинку-гостинку, а сама чуть не плачет: куда ни пойдёт — на ветки наткнётся. Ветки колючие, за волосы цепляются, косы расплетаются.

— Травы-муравы, кусточки и листочки, деревья-великаны, пожалейте меня, малую! — взмолилась Дашутка, — не по своей воле я пришла! Заболела у меня мама, и вылечить её может только каменное масло. Пропустите меня к тропинке-гостинке, а я вам за это ленточки подарю.

Развязала Дашутка свои банты, подвязала ими ветки, и открылась тут тропинка-гостинка. Да такая ровная, гладкая, что хоть бегом по ней беги, хоть пешком прогуляйся. Обрадовалась девочка, ступила на тропинку-гостинку, обернулась и говорит:

— Спасибо вам, друзья мои зеленые, вы меня очень выручили!

Сказала так и побежала вглубь леса. Бежит, бежит, ног не чувствует. Хочется ей побыстрее добраться до каменного масла. За поворотом чуть не наступила на клубок змей. Лежат, чуть шевелятся, где у кого голова, где хвост — не поймёшь. Задрожала девочка от страха, но идти дальше надо. Возвращаться без лекарства не хотелось.

Пересилила себя Дашутка и бочком пошла мимо змей. А те лежат, как мёртвые, уже почти не дышат.

Жалко стало их девочке. Вернулась и спрашивает:

— Могу ли я вам помочь?

— По-мо-ги-и-и, — тихо зашепеля одна из змей, — по-мо-ги-и-и... вход в нашу пещеру завалило камнем. Если не спрячемся в ней, то погибнем от холода. Нам в спальку ложиться пора...

Посмотрела Дашутка: и впрямь, вход в пещеру завален большим серым камнем. Ни сдвинуть его, ни откинуть девочке. Что же делать?

Обошла вокруг, напряглась, уперлась в серый бок, хотела камень сдвинуть. Но тот даже не пошевелился.

— Не хватит у тебя силы, — прошипела змея и закрыла глаза, — беги по своим делам. Нам ты помочь не сможешь.

— Вот ещё! — рассердилась девочка, — как же я вас в беде брошу?

Снова поднатужилась, чтобы сдвинуть камень, и тут у неё нога в ямку провалилась.

— Это что тут такое? — воскликнула Дашутка и стала копать в этом месте большим сучком.

Сучком землю рыхлит, руками выгребает. И прокопала новый вход в змеиную пещерку.

— Ползите скорее в пещерку, — обрадованно говорит Дашутка, — там никакой мороз вас не достанет. Ползите, прячьтесь от зимы!

Только змейки уже совсем не шевелятся, замёрзли. И самая большая глаза прикрыла и только прошипела напоследок: «Беги, девочка, своей дорогой, не доберётся нам уже до пещеры. Сил нет. Видно, погибнем все».

— Ничего, — говорит Дашутка, — что-нибудь придумаем!

Сняла с себя курточку, завернула змею, к себе прижала и грет. А сама боится: вдруг укусят. Однако змейки отогрелись и одна по одной уползли в норку. Последней уползла самая большая. Оглянулась и прошипела:

«Добрая душа у тебя, девочка. Спасла ты наше племя от смерти неминуемой. На ветке найдёшь колечко. Возьми его от нас на память. По виду оно простое, а силу имеет великую. Если трудности встретятся — оно поможет, но только один раз».

— Поможет ли колечко найти каменное масло? — спросила Дашутка.

— Конечно, поможет, — ответила змейка, — только ты масло должна сама добыть, иначе оно не будет иметь силы.

— А ты не знаешь, где найти каменное масло?

— Нельзя говорить про это, — вздохнула змейка, — но ты спасла нас. Каменное масло найдёшь у горы. Только гора-горище серый лбище может выдавить из камней масло. Но она сердита на всех, берегись её!

Ещё раз вздохнула змейка и исчезла в норке.

Прикрыла девочка вход в пещеру сухими листьями, огляделась вокруг и видит, что на кусте калины, среди пурпурных листьев, что-то поблескивает. Глядь, а это колечко. Само простенькое, с желтым камушком, будто кошачий глаз светится.

Надела Дашутка колечко на палец и побежала по тропинке дальше, надо было спешить, чтобы вернуться домой засветло. Ведёт тропинка-гостинка всё дальше и дальше. Вот среди ветвей уже и гора видна.

— Ай-ай-ай! — услышала девочка жалобный крик.

Свернула с тропинки, а за кустом волчище клыкастый зайчонок к земле прижал, съест хочет.

— Не смей слабого обижать! — закричала Дашутка.

— Кто ты такая, чтобы мне указывать? — зарычал волк. — Уходи, а то я и тебя съем!

— Я ученица первого класса, — храбрилась девочка, — и учительница нам говорила, что слабых надо защищать.

— Слабых надо есть! — рыкнул волк.

— Ах, вот ты какой, — закричала Дашутка, схватила палку и давай волка по бокам охаживать.

Испугался волк и убежал.

Подошла Дашутка к зайчонку, а у того бок поранен. Погибает зайчик. Вздохну-

ла девочка, посмотрела на завстнос колечко.

— Ладно, — сказала она, — я хотела, чтобы колечко помогло мне быстрее вернуться домой. Сделай, колечко, так, чтобы зайчонок был здоров. А я домой побыстрее побегу, лишь бы каменное масло достать.

Зайка перестал плакать, вскочил на лапки, глянул на спасительницу и дал стрекача. Только его и видели.

Пошла девочка дальше, а тут тропинка-гостинка закончилась, деревья расступились и открылась простор-поляна. Стоит на поляне громадная гора. Серые бока поросли мхом, голова высоко в небо уходит. Туман одевает гору.

— Здравствуй, матушка-гора! — сказала Дашутка.

Встряхнулась гора, сдвинула грозно брови, загромыкала камнями.

— Кто покой мой нарушил? — грохотала гора.

— Матушка-гора, — заговорила Дашутка, хотя и сильно испугалась, — выслушай меня, пожалуйста. Заболела моя мама, а вылечит её только каменное масло.

— Мне нет дела до твоей матери и до тебя! Уходи, пока цела!

— Матушка-гора, пожалей, помоги мне, пожалуйста! — заплакала девочка.

— А меня кто пожалест? — рассердилась гора. — Я здесь одна, никому не нужна, здесь только ветер воет, да камни грохочут.

— Матушка-гора, смотри, что у меня есть! — закричала девочка, вынула из кармана новый мобильный телефон, нажала на клавишу, включила музыку.

Гора удивилась, замолчала, стала слушать.

— Матушка-гора, я тебе подарю телефон, а ты мне за это дай каменного масла!

— Не обманешь?

— Что ты, матушка-гора, мне для тебя ничего не жалко!

— Ладно уж, — сказала примирительно гора, — выжму я для тебя масло, только собирать его будешь сама.

Загребли, застонали скалы — это гора напрягла каменные мышцы. В трещинках между камнями появились маленькие чёрные капельки.

Кинулась Дашутка собирать капельки. Очень они малы. Час собирает девочка каменное масло, а только наперсточек и собрала.

— Хватит с тебя! — сказала гора.

— Но я так мало собрала, — заплакала девочка. — Матушка-гора, хочешь, я тебе свои сапожки подарю?

Засмеялась гора:

— Зачем же мне сапожки, если у меня ног нет? А масла тебе хватит, чтобы вылечить маму. Видно, ты её сильно любишь, а поэтому я научу тебя, как пользоваться каменным маслом, чтобы оно в пользу пошло, а не во вред.

И гора научила Дашутку, как приготовить лекарство для мамы.

— Спасибо, матушка-гора, — сказала Дашутка, положила телефон в расщелину скалы и побежала в обратный путь.

Бежит, торопится и чувствует, что тропинка-гостинка несёт её всё быстрее. Вот уже и автобус стал виден.

— Спасибо тебе, — поблагодарила Дашутка тропинку-гостинку, — не знаю, что тебе подарить за доброту и помощь. Возьми моё колечко, вдруг оно тебе пригодится!

Положила Дашутка колечко на тропинку и села в автобус, который мигом доставил её прямо к дому. А на пороге — папа.

— Доченька, я уже волноваться начал, где же ты была? — спросил он.

— Ой, папа, — торопливо сказала Дашутка, — я тебе потом всё расскажу, давай приготовим маме лекарство.

Они приготовили лекарство так, как научила девочку матушка-гора. Напоили им маму и та выздоровела.

Бабушкино угощение

Сидит заяц под кустом, на деревню поглядывает. Там, в крайнем доме бабушка Дарьюшка хлеба печёт, и хлебный дух на весь лес растекается. Вот и ждёт зайчишка: а вдруг бабушка Дарьюшка испечёт вкусный колобок, а тот по дороге покатится...

— Ну уж я его не прозеваю, обязательно отведаю.

Размечтался косой, уши развесил, носом хлебный запах ловит. Вдруг слышит, и впрямь кто-то катится, да только не по лесной тропинке, а через лужок да прямо в лесок. Маленький чубатенький мальчик песенку напевает, траву руками раздвигает.

Не успел заяц даже подумать, а перед ним стоит малыш-мальчишок: голова светлая, глаза зеленые, рубашка в клетку. В одной руке лукошко, в другой — прутик. Улыбнулся малый косому, поздоровался:

— Здравствуй, зайчик. Меня Сашей зовут. Давай дружить!

— Меня никак не зовут, я заяц, — печально сказал длинноухий. — А дружить со мной какая корысть, я же трусливый.

— Мне от тебя ничего и не нужно, — смеётся мальчик, — дружат просто так. Можно, я тебя буду звать Яшей, как моего лучшего друга. Хочешь ватрушку, мне бабушка Дарьюшка испекла. Вкусная, с творогом.

Достал Саша ватрушку, положил перед зайцем и побежал по лесу дальше. А ватрушка румяная, маслом помазанная. От её запаха у зайчишки закружилась голова, а уж как попробовал, то и про колобок забыл.

А зеленоглазый мальчик дальше идёт, грибы, ягоды собирает для бабушки. Наклонился за боровиком, глядь, а перед ним волк-волчище серый хвостиком, уши торчком, клыки крючком. Не испугался мальчик а улыбнулся ему:

— Здравствуй, дядя Волк.

— Здравствуй, паренёк! — отвечает волк. — Чей это ты такой смелый?

— Саша, внук бабушки Дарьюшки. Я из города приехал. А ты что здесь делаешь?

Замаялся волк и тихо так говорит:

— Да вот, колобка жду, вдруг бабушка Дарьюшка испечёт. Попробовать хочется...

— Дядя Волк, колобок ходить не умеет, сказки это, — смеётся Саша. — Давай, я тебя бабушкиной ватрушкой угощу.

Только откула серому знать, что это такое ватрушка. Носом повёл:

— Ой, как вкусно пахнет! — говорит волк. — Ладно уж, угощай!

А у самого слюнки текут. Оставил мальчик ватрушку волку и дальше пошёл. У большого пенёка ещё одного жителя лесного повстречал. Лиса рыжая лежит на тропинке и делает вид, что мертвая.

Мальчик спрашивает её:

— Уж не заболела ли ты, лисонька, может, тебе помощь нужна?

А рыжая фырчит и зубы скалит:

— Где хочу, там и лежу! Не мешай!

Пожал плечами мальчик и дальше пошёл. Устал наш путешественник, присел на валёжину, достал из лукошка ватрушку да молоко. Знать, время обеда пришло. Прикусывает ватрушку, молоком запивает, да на лукошко поглядывает. А в лукошке несколько грибов и немного ягод.

Маловато для пирогов.

— Ничего, — думает малыш, — до вечера время ещё есть, наберу.

Глядь, а из кустов выходят волк-волчище, да заяц косой. Заяц на волка косится, готовить стрекоча. Да лапы заняты. У него на листе лопуха полнёхонько земляники набрано. Ягодка к ягодке. Да и волку не до зайца, в его клыкастой пасти корзинка с грибами. А грибы все молоденькие.

Мальчик обрадовался, обнимает их. И зайчишка осмелел. Набегались, наигрались

друзья, да вечер уж близится, пора мальчику домой. Бабушка беспокоиться будет.

На прощание он своим друзьям разломил четвёртую ватрушку.

Бабушка Дарьюшка похвалила внука за доброту и приветливость к зверям и обещала к утру испечь для них по пирогу с грибами и ягодами.

А лиса, наверное, до сих пор лежит на тропинке, колобка ждёт. Она, глупая, не знает, что колобки только в сказках ходят.

Кастрюльный

Вы все, конечно, знаете, что вокруг нас живут духи: домовые, чуланные, банные, гнездовые. А этот чудаков был кастрюльный. Звали его Фомой.

Жил он в кастрюлях, больших и маленьких. Сердился, если хозяйка забывала почистить кастрюльку или у неё убежало молоко. Тогда он недовольно шкворчал, шинел, гремел крышками. И успокаивался только тогда, когда хозяйка приводила кухню в порядок.

Кастрюльный любил праздники. Это было так замечательно: готовились вкусные кушанья, пеклись пироги. На кухне пахло ванилью и жареной курицей. Конечно, очень любил поесть. И за время праздников он становился пухленьким и розовым. Передничек не сходился на его кругленьком животе и приходилось надувать пояс. Когда гости начинали танцевать, наш приятель тоже отплясывал на подоконнике. И однажды он так увлёкся, что едва не попался на глаза хозяину.

В один из дней хозяйка пришла на кухню позже обычного, она была рассеяна. Ножи и вилки падали из её рук. Хозяйка поставила на печь бульон, вынула овощи и тяжело опустилась на стул. Она была больна.

— Пока варится бульон, пойду, прилягу, — сказала хозяйка сама себе и пошла в комнату.

Кастрюльному было жаль женщину. Он засуетился по столам: быстренько налил овощи, нашинковал морковь, снял пенку с закипевшего бульона.

Теперь надо было достать масло из холодильника, но маленькие пухлые ручки кастрюльного не могли справиться с огромной дверкой холодильника. Тогда толстячок вспомнил про соседа-квартирного. Тот жил за диваном, ходил в смокинге и был очень умный.

Кастрюльный вышел в коридор, на цыпочках прошёл в комнату и юркнул за диван. Квартирный отдыхал, потому что вечером он должен просмотреть всю программу телевидения, выслушать новости, проследить, чтобы дети вовремя легли спать. Конечно, он был очень занят.

— Здравствуй, сосед! — поздоровался кастрюльный.

— Здравствуй Фома. Что случилось? — поинтересовался сосед.

— Заболела хозяйка, а скоро семья вернётся, помоги мне обед приготовить, пожалуйста.

В голосе кастрюльного было отчаянье.

— Я готов, — сказал квартирный, — если я тебе могу быть полезен, пойдём!

Вдвоём они быстро справились с холодильником, и вскоре по кухне поплыл аппетитный запах наваристого борща. В это время проснулась хозяйка, вошла на кухню.

— Странно, — сказала она, — я уже всё почти сделала, но не помню как. Видно, мне действительно несхорошо.

Она переклонила печь на другой режим и снова вышла. А помощники весело потирали руки, сидя на шкафике. Им осталось совсем немного: сделать салат да бутерброды. И, конечно, они справились с этим быстро.

г. Новокузнецк.

Эль Куда Архив

Наш автор пожелал остаться под этим псевдонимом.

Это моя сказка!

— Ты кто? — строго глядя на меня снизу вверх, спросила Алька.

— Сосед ваш. Твоя мама попросила...

— Да, знаю я, — отмахнулась девочка.

— Опять мамин шеф в цифрах запутался.

— И долго они будут распутывать? — искренне поинтересовался я, но поймав на себе строгий осуждающий взгляд ребёнка, пояснил: — У меня нет опыта сидения с детьми.

— Сколько надо, столько и будут деньги считать, — со знанием дела сообщила Алька. — Ты не бойся, я уже не ребёнок. В мои-то года всякого уже нагладелась.

Я опешил и с интересом поглядел на пятилетнюю соседку. Волнистые волосы, прихваченные несколькими заколками, торчали непослушными волнами. Глаза огромные, голубые-голубые. Маленький ротик, губки плотно сжаты, уже чувства свои сдерживает.

— Ты кем работаешь? — Алька подошла и, прежде чем залезть на колени, отряхнула мои джинсы.

— Смеяться не будешь? — спросил я, потому что решил, что ей первой честно признаюсь.

Девочка отрицательно покачала головой и серьёзно уставилась на меня.

— Я — сказочник.

— Ну, — протянула она недоверчиво, потом тяжело вздохнула: «Мол, деваться некуда». — Давай, рассказывай сказку.

— Я не умею рассказывать сказки.

— Ты же сказочник, — осуждающий взгляд девочки смутил меня.

— Это моя работа, но я не умею рассказывать.

— Вот, всегда так, — девочка прыгнула с колен и, ворча, села обратно на пол к игрушкам. — Вы, взрослые, нас, детей, глупыми считаете. Сюси-пуси, а как серьёзно, так вы большие, а мы маленькие.

— Я очень серьёзен, и не обманываю тебя. Моя работа — делать сказки, а рассказывают их другие.

— Ты значит, — девочка задумалась, — колдун?

— Нет, колдуны, ведьмы — это хобби, а у меня работа такая, сказки делать. Из чего хочешь, какие хочешь герои...

Тут я запнулся, потому что пронзительный взгляд малышки напомнил мне случайно сказанное, запретное: «Хочешь». Алька уже придумывала героев, ведь я предложил ей сделать сказку по её заказу. Остановить её я не успел...

— Мама, я, папа... Ведь должен же у меня папа быть. — Обязательно — пушистый, ласковый котёнок, умный-умный. И... — Алька оглянулась на соседнюю комнату, — тот, кто сидит в этом кресле.

— В нём кто-то сидит? — я тоже заглянул в комнату. Большое, в четверть комнаты кресло, громоздилось вечной пирамидой среди хрупкой мебели современности.

— Конечно! — уверенно подтвердила девочка. — В него никто никогда не садится, значит, там кто-то сидит.

— Алька, чтобы сделать сказку, мне надо будет уйти и я не смогу сидеть с тобой. Получится, я не выполнил просьбу твоей мамы.

— Ничего, я сама с собой посижу, — уверенно заявила Алька.

— Аленький, я пришла, — сказала из прихожей мама.

Она сразу заглянула в комнату, чтобы поблагодарить соседа за помощь, но кроме дочери никого не увидела.

— Вот и доверяй этим... — заметила она.

Но Алька вступилась:

— Мама, ты не сердись, я сама его отпустила. У него вдруг неотложные дела появились, — схитрила девочка.

Неожиданно в прихожей она увидела незнакомого дяденьку.

— А это кто?

Мама замаялась. Мужчина нерешительно сделал шаг к Альке. Та внимательней поглядела на него и вдруг поняла:

— Это мой папа?

— Какая умная у меня дочь! — с восторгом взвизгнул дядька и протянул к Альке гибкие длинные руки.

Девочка ловко увернулась и спряталась за мать, ей очень не понравился этот папа. Он был какой-то извилистый, скользкий, как тонкий дождевой червяк на тротуаре после дождя.

— А ты знаешь, что это я тебя Аллой назвал? В честь Аллы Пугачевой, — он пытался ей понравиться, чем ещё больше пугал Альку. — Знаешь, кто такая Алла Пугачева? Это звезда нашей эстрады!

— Я не знаю, что такое эстрада. Я ещё маленькая, — решительно заявила девочка и ушла в комнату к игрушкам.

— Маленькая? — неприятно засмеялся дядька, последовав за ней. — Может, ты ещё и в Дела Мороза веришь? — он построил рожу и сказал, — я — Мороз Красный нос, вам подарки принес!

— Давай, — согласилась Алька.

Хоть ей этот папа и не нравился, но от подарка она не откажется. Мужчина змялся, стал как-то странно извиваться, как будто хотел выползти из одежды.

— Я хотела его под ёлку положить, — сказала мама и вынесла из спальни подарок.

Алька увлеклась открыванием блестящего пакета, а мужчина шипяще шептал маме: «Спасибо, выручила. Я как-нибудь в следующий раз-з-з...»

Девочка удивилась, откуда он знает, что она очень хотела цветные краски и большой альбом, но задумываться не стала. Бросилась наливать в подаренную чашечку воды, чтобы опробовать кисточки.

Мама о чём-то разговаривала с дядькой, который почему-то её папа. Алька не слушала их разговор, она упоённо рисовала, но кое-что её заставило отвлечься.

— Ты ещё не выбросила эту рухлядь? — спросил мужчина.

— Я не могу. Ты же знаешь, в этом кресле исполняются мечты.

— И много уже исполнилось? — захихикал дядька.

Алька уловила момент, когда мама осталась одна, и подошла к ней:

— Мамуленька, любимая моя, а скоро он уйдёт?

— Он тебе не понравился, Аленький? — мама странно улыбнулась, увидев, как дочь кивает головой. — Вот и я всё думаю, что я в нём тогда нашла?

Для Альки это было сложно и непонятно, а кресло почему-то стало таким привлекательным, таким зовущим. И девочка решила: взяла альбом, карандаши и полезла на поскрипывающую подушку старого кресла. Казалось, она попала в теплые, мягкие руки кого-то давно зна-

кого и очень доброго. Удобно устроившись в этих объятиях, малышка открыла альбом и задумалась, что бы ей нарисовать.

За окном зима, мороз, дома тепло, скоро включат гирлянду на ёлке, будет ожидание праздника, Алька опять не поймёт: кого они встречают с мамой, кого провожают. Но почему-то начнётся новая жизнь, наступит новое счастье, а утром всё будет как всегда.

Вдруг кресло ласково зашептало ей на ушко:

— Давай возьмём карандаши и нарисуем красочно

Мир фантастических зверей, дворцы для юных королей,

Сады невиданных цветов и много разных мотыльков!

В нём будешь доброй феей ты. Твори, колдуй и ворожи.

Пусть быстро в нем пройдёт гроза, зацветет солнце, и тогда

На небе радуга зажжёт мост для других твоих миров...

Долгий звонок в дверь разбудил Альку, она вышла в прихожую, где уже стояла мама. Противный дядька одевался, а другой, в большой мохнатой шапке, ему выговаривал:

— Игорь, я не понимаю тебя по всему городу искать. Надо предупреждать заранее. Свою мать уже довёл до инфаркта. Она всех обзвонила, моей матери все нервы вытрепала. Если мы соседи, это не значит, что из-за тебя я свои планы должен ломать в новогоднюю ночь.

— Ты потише, пожалуйста, — тихо прошипел Игорь. — А то мне перед дочкой стыдно.

— Не понял, откуда у такого ... дочь, — шапка обернулась.

Мужчина увидел Альку. Наклонился к ней, и на девочку пахло чем-то сладким, вкусным. Большие голубые глаза незнакомца заулыбались ей весело.

— Как я не заметил такую красавицу? — мужчина подхватил ребёнка на руки, высоко поднял.

Мама подскочила, попыталась забрать дочку: ведь она боится высоты и вот-вот расплачется. Но Альке почему-то не было страшно, ей было уютно и весело в больших руках незнакомца.

— Настоящая маленькая феячка, — мужчина посадил ребёнка на руку, она доверчиво обняла его шею своими перепачканными в краске ручками. — У меня идея, поехали к нам Новый год встречать, — предложил он.

— Извините, — мама забрала Альку, — у неё руки грязные, она вас испачкает.

Девочка поняла, что мама почему-то не хочет, чтобы Алька сидела у дяди на руках, и ещё она не хочет, чтобы Алька приняла за неё решение. Обычно маме нравилось, когда Алька отвечала взрослым дядям: «Извините, но нам некогда!», или «Мы торопимся, не задерживайте нас!», но сейчас бы Алька сказала, что они обязательно поедут. Но мама опередила её:

— Мы с вами не знакомы, я не могу рисковать...

— Да-да, — спохватился мужчина. — Меня Димой зовут. Дмитрий Тимофеевич Евдокимов, двадцать семь лет, образова-

ние высшее, юридическое. Работаю...

— Извините, я не отдел кадров, — перебила его мама.

— Вам там будет хорошо: большой дом, сосновый бор, свежий воздух. У вас будет отдельная комната, — продолжал уговаривать дядя Дима.

Алька не понимала, почему мама не хочет ехать.

— Там много детей будет, девочка не будет скучать, — говорил дядя Дима.

— Извините, нет! — решительно отказала мама.

Минут двадцать Алька с мамой просидела в обнимку, потом мама сказала, что Альке пора спать. Девочка не стала спрашивать, почему они не будут встречать Новый год, и послушно ушла в спальню. Засыпая, Алька слышала, как мама разговаривает сама с собой. Мама всегда разговаривает, когда плачет...

Луч солнца будил Альку, не желая уходить с её сонного личика. Девочка сладко проснулась и побежала на кухню, где мама уже готовила любимую яичницу с водичкой.

Звонок в дверь удивил обеих. Мама открыла дверь и растерянно сказала:

— А Игоря у нас нет!

— Я не к нему, — дядя Дима смущенно хлопал длинными ресницами. — Я к девочке... Извините, вчера неудобно получилось. Я ввалился к вам в капун Нового года, а тут ребенок, а я без подарка. Это, — он расстегнул свою большую куртку...

Алька уже хлопала в ладоши, глаза её сияли, и она выпалила:

— Котенок!

— Откуда знаешь? — удивлённый Дима достал из-за пазухи и отдал ей маленький, пушистый, серый комочек.

Сердечко котенка сильно-сильно билось. Алька осторожно прижала его к себе, и котенок успокоился, доверяя свою кошачью жизнь маленькой девочке.

— Алька, а спасибо сказать? — мама всегда помнила о хорошем воспитании.

— Я и вам подарок принёс, только он на скорую руку, — маленькая словая вточка возникла вдруг ниоткуда.

Запах леса, свежести, сказки наполнил квартиру.

— Мама, надо напоить гостя Диму чаем, — подсказала Алька.

Конечно, можно было тоже напомнить, что надо говорить спасибо, но ведь и так понятно, что мама довольна подарком. Вон как они смотрят друг на друга.

— А ещё, если первый гость в Новом году мужчина — это к богатству и счастью.

— Откуда знаешь? — спросили смущенные взрослые.

— Бабушка Ия с четвертого этажа так говорит, — соврала Алька и ушла в комнату.

Она залезла с ногами в громадное кресло, котёнок уютно устроился у неё на коленях, Алька хитро огляделась вокруг.

— Откуда знаешь? Откуда знаешь? — передразнила она маму и дядю Диму. — Это ведь моя сказка!

И девочка начала рассказывать котенку всё с самого начала, как вчера к ней пришёл сказочник посидеть с ней, пока мама на работе...

Сын шейха

Отрывок из повести

Из серии

«Пришедшие из снов»

Случай, внезапность, поворот...
Всё это и есть моя жизнь.

Шейх

Шейх не помнил, чтобы когда-нибудь он испытывал такой моральный и физический подъём. Много было в его жизни, но, кажется, впервые он испытал такое чувство, как радость. Его род не умер, его род жив, есть кому унаследовать его трон.

По нему не было видно, что он торопится. Шейх спокойно принял первые поздравления, сам лично присутствовал при осмотре внуков врачами, и только после этого быстро ушел к себе. Прежде чем спуститься в подземелье, он позвал Фаруха.

— Как он?

— Ждет вашего приговора. — Фарух знал о ком идёт речь.

— Я хочу видеть его.

— Да, мой господин, — слуга сразу же ушёл.

Но ждать шейх не мог, он хотел, чтобы этот мальчишка знал и радовался вместе с ним. С одной стороны, участь пленника была решена, но где-то внутри старик понимал, что европеец значит для него больше, чем должно быть. Он быстро спустился в подземелье и увидел, что Фарух привязал узника. «Это лишнее», — мелькнуло в голове шейха.

— Поздравляю, у тебя родился сын, два сына!

Старик ликовал и думал, что и его невольник обрадуется известию, что стал отцом. Шейх взглянул на европейца и наткнулся на холодную маску равнодушия. «Не может быть, что ему всё равно», — не поверил он и сказал вслух:

— Я не ошибся, ты сильный мужчина.

— Ты рад?

Шейх сначала не понял вопроса, может быть, потому что ожидал другой реакции, других слов.

— Ты не знаешь, что это такое, знать, что мой род не угас...

Он готов был рассказать узнику всю историю своей семьи, в которую он уже включил и его, своего приёмного сына, но благодарный перебил его:

— Твой род? В чем они тебе родня? В этих детях нет ни капли твоей крови...

Дальше шейх уже не слышал, его потрясла правда, сказанная вслух. Он не хотел даже помнить, что внуки, которых он так ждал, ему чужие. Хотелось впитаться в горло своего врага и почувствовать, как бьётся его тело в предсмертных конвульсиях. Но нет, это дело палача, а не его.

Шейх отошел в сторону, чтобы побороть искушение самому покончить с самозванцем. «Всё-таки Фарух знает свое дело. Его не только привязать надо, четвертовать мало!» Сквозь усилие, сдерживая ярость, властитель услышал вопрос пленника:

— Почему ты меня не убил тогда?

— Хотелось бы мне знать самому, почему ты до сих пор жив...

Шейх стал вспоминать прошлое. Он знал, что европеец завтра умрёт, но рассказать ему всю правду, даже теперь, он не мог.

Разве мог он, правитель своей страны,

наследник славного рода, признаться чужаку в постоянном страхе. Признаться, что этот страх пролил кровь его детей, жён, родственников, брата и многих невинных людей. Признаться, что власть и страх потерять эту власть стоят очень дорого. Даже смерти он боялся меньше, чем потерять власть.

Ведь не из-за шести старших сыновей он уничтожал всех последующих детей своих. Не ради них старался. Шейх боялся, что не сможет уследить за наследниками, и они, сговорившись, или в одиночку уберут его, уже старого, как последнее препятствие между ними и властью. Признаться вслух, что из всех, кого он остерегался и уничтожал, этого самозванца он боится больше всех.

Разве мог он, умудрённый опытом, в шестьдесят с лишним лет, допустить мысль, что этот мальчишка, так странно попавший в его руки, превзойдёт его в хладнокровии и равнодушии. Шейх не раз видел, как люди, которых не мог испугать он, склонялись и покорялись только взгляду самозванца. Это сделала с ним пустыня. Или подавлять и подчинять себе людей — было заложено в этом человеке. А при первой встрече шейх ненавидел этого мальчишку, вмешавшегося в его жизнь и лишившего надежды на наследника. Конечно, можно было разыскать девочку или найти подобный вариант, но появление мужчины вместо женщины шейх воспринял как нежелание богов помочь ему продлить род. Мальчишка всё твердил: «Шутка... шутка», — но шейх слышал: «Приговор!» Убить его не составило бы труда и не создало бы проблем. Но страх шейха вдруг проявил суеверие, и шейх решил забрать европейца с собой. Он ещё больше утвердился в своём решении, когда на следующий день после церемонии пришла бывшая невеста. Она молила его забрать её и отпустить мальчишку. Но шейх почему-то был уверен, что ему очень нужен этот юнец, хотя и не понимал для чего.

Позель не простила шейху смерти детей. А когда узнала, что на половине шейха сестра узник в женском платье, которого привезли из Европы, то вбила себе в голову, что шейх хочет избавиться и от последнего, младшего сына. Она молила мужа оставить его жить: «Если ты решил его убить, то пусть он будет в мужской одежде», — говорила она.

Шейх слушал и не слушал жену. Он всё ещё не решил, что делать с узником.

Чтобы женщина успокоилась, сказал, что отправит ее «сына» в пустыню. Позель всё порывалась увидеть мальчишку, но у неё это никак не получалось. Она была уверена, что это Заяур, и всем твердила об этом. Слухи поползли по дворцу... Боясь их распространения, шейх приказал похоронить сумасшедшую жену.

Из семи его сыновей своей смертью умерли четверо, троих убили по приказу шейха. Труп младшего не нашли просто потому, что его утопили в море, слишком далеко от берега. Именно это обстоятельство и вселило надежду в несчастную мать, что её сын жив. Шейх выполнил обещание, мальчишку увезли в пустыню. Он и сам не знал зачем. Фаруху сказал: «Пусть самозванец умирает и живёт, пусть мучается и просит смерти, и никакие способы не помешают сломить его».

Фарух, верный слуга, понял своего господина, и шейх знал, что он будет мучить узника, доводить до смерти и не даст

ему умереть, пока этого не захочет его господин.

Но Фарух неожиданно вернулся через три года и сказал, что бросил мальчишку в пустыню. Шейх сначала воспринял это спокойно, хотя ему и не понравилось, что слуга не дождался его распоряжений.

— Как он вёл себя? — спросил господин.

— Сначала плакал, потом просил о смерти и плакал, когда оставался живым.

— Потом? — торопил шейх.

— Потом слезы высохли, он только терял сознание и иногда стонал, но смерти уже не просил.

— А ты всё делал для этого?

— Я превзошёл самых жестоких палачей, но он только сильнее сжимал зубы и за последние полгода я не слышал от него ни одного слова.

Шейх не поверил: человека мучают, убивают и не дают умереть, а он не просит о смерти? Властитель вдруг поймал себя на неприятном чувстве страха, которое зашевелилось в нём: «Нет, этого не может быть, так не бывает». Он вспомнил своего брата, когда после многих лет заточения шейх пришел к нему и предложил: «Проси смерти!», тот молча отвернулся от него. Брат не был виноват в том, что отрёкся от власти и хотел тихо жить, посвятив себя служению Богу. Брат не знал, как боялся шейх потерять власть, а потому не поверит никаким клятвам и всегда будет видеть в нём своего соперника.

— Молчит и не просит смерти, — повторил шейх думы вслух.

Вдруг мысль поразила его и страх помутил разум.

— А он сможет выжить? — выкрикнул шейх.

— Думаю, да.

— Так что же ты здесь делаешь? Возвращайся, увези его куда-нибудь подальше и... — неожиданно для себя шейх перхнулся и закончил фразу так, как сам не ожидал, — и пусть он мучается дальше, но пусть изучит наш язык и обычаи.

Фарух ускакал, а шейх не мог понять, почему он в который раз не решается приговорить мальчишку к смерти? Сколько ночей не спал шейх, размышляя, не солгал ли слуга, всё ли он делает так, как рассказывал?

Иногда снились кошмары, в которых собирались все те, кого он казнил. В первых рядах стояли дети, брат, Позель. Они что-то кричали, тянули к нему руки. Но был слышен только гул, и шейх не мог разобрать слов. Наступала тишина... Все исчезали в одном человеке... Сначала это была женщина, а потом оставался молодой араб. Шейх просыпался от сильнейшего страха, потому что не знал: кто это и почему ему так страшно.

Шейх уже решил приговорить пленника, но приезд старцев из пустыни остановил его. Они так долго и нудно кланялись, благодарили его за то, что он позволил учить его сына наукам предков, что он очень разумный правитель, раз решил, что для его наследника надо знать жизнь пустыни и обычаи народа.

«Мой сын? Знали бы вы, что это за сын?» Шейх заторопился сообщить приговор Фаруху, но заговор знати остановил его. Собрав верных себе людей, он спросил, как ему поступить дальше. Шейх знал, что причиной заговора было отсутствие наследника, поэтому объявил во всеуслышание, что сын его, Заяур, в пустыне изучает обычаи предков, и что к концу года он вернется. А чтобы не было со-

мнений, шейх сам пошел к сыну и переставил символ власти — перстень.

Всё-таки шейх был неприятно удивлён, увидев европейца. Он ничем не отличался от жителей пустыни. Солнце и ветра пустыни иссушили кожу мальчишки, загар сделал его смуглым. Нос с горбинкой резко выделялся на его худом лице, губы стали тонкой черточкой. Шейх видел, как Фарух избил мальчишку, как тот лежал какое-то время неподвижно, и никто не решался подойти к нему или подать воды, потому что Фарух громко объявил, что тот на сегодня лишён воды. Слуга выполнял распоряжения хозяина, и, казалось бы, шейх должен быть им доволен, но правитель молча наблюдал за пленником. Тот, наконец, сел, повернулся к солнцу спиной и, обхватив колени руками, погрузился в свои мысли. Что-то было в его движениях, наклоне головы, во всей позе, было что-то, что тревожило шейха, но понять, в чём дело, он не мог.

— Он всегда так? — спросил шейх.

— Прости меня, мой господин, но я не могу больше. Иногда я ловлю на себе его взгляд и не знаю, чего больше хочу: убить его или чтобы он убил меня. — Фарух повинно склонил голову перед хозяином.

— Ты боишься его? — удивился хозяин.

— Боюсь! — признался слуга. — Я плохо исполнил твоё приказание, мой господин, ты вправе покарать меня.

«А ведь я тоже боюсь, — подумал шейх, — кто же ты такой, что слуга готов принять смерть и ослушаться своего господина? Кто ты, если сам господин боится встречи с тобой?»

Шейх отдал Фаруху перстень, что привело последнего в замешательство.

— Увези его к кочевникам, пусть проживёт их жизнью, — шейх помолчал, — лишний раз его не трогай. Перстень отдашь, когда посчитаешь нужным, потом возвращайтесь.

— Смогу ли я оправдать ваше доверие? — склонился Фарух в поклоне.

— Сможешь... Я всё сделаю, — усмехнулся шейх, — чтобы ты оправдал мое доверие.

Оставалось ждать. Шейх уже точно знал, что сам европеец ему не нужен, нужен наследник — ребёнок, который родится от мальчишки. Тогда самозванец исчезнет, а новый наследник будет воспитан так, как угодно будет ему, шейху. К тому же, пока ребенок маленький, бояться, что он тебя свергнет, не придётся.

Они приехали, и во дворце всё зажило, зашумело. Приготовления к праздникам, присезд гостей и много других дел, но больше всего шейх ждал встречи с новоявленным сыном.

Старик долго наблюдал, как мальчишка разглядывал себя в зеркале, он тоже был удивлён, что от европейца не осталось следа — молодой красивый араб. Шейх почувствовал неприятный озноб, когда Фарух передал перстень самозванцу. Осталось только выбрать манеру поведения, но неожиданно для себя, когда он вошёл в зал, шейх почувствовал сильнейшую усталость.

Они долго смотрели друг на друга, каждый понимал, что объясниться надо, но каждый отстаивал свою правоту. Шейх, следуя многолетнему опыту, не хотел начинать разговор первым, ведь именно от первых слов зависело многое. Мальчишка не преклонил головы пред ним, был прям и горд. Шейху показалось, что тот с

усилием разжал зубы, чтобы спросить:

— Сколько прошло лет?

— Почти семь, — шейх хотел выдержать паузу, чтобы показать свое величие, но следующие слова вырвались сами, — я боялся, что не дождусь тебя.

«Однако, я становлюсь старым», — подумал властитель про себя.

Поймав на себе спокойный, холодный взгляд европейца, уже готов был изменить тон. Но вопрос пленника: «Для тебя это так важно?», — убедил шейха, что тактика выбрана верно. Пусть лучше мальчишка думает, что он немощный, усталый старик, ни на что не способный, а он — шейх будет проводить свой план в действие. Шейх стал вкратце рассказывать ту полуправду, которую хотел, чтобы знал европеец, единственное, в чём он не солгал, так в том, что парню уже не вернуться в прошлую жизнь.

Шейх представил Фаруха и, увидев, как вздрогнул мальчишка, предложил ему другого телохранителя. Тот отказался. Фарух был и помощником, и помехой для шейха: он слишком много знал. Старик был уверен, что слуга никогда его не предаст, но при удобном случае надо избавиться от свидетеля.

На следующий день начались празднества. Шейх представил знати младшего сына Заяура. Он напомнил, что матерью мальчишки была Пюзель, у которой мать из Европы. Именно это объясняло серые глаза наследника и подтверждало слухи, давно ходившие по дворцу, что сын Пюзель жив. Шейх наслаждался все дни праздника: знать была обезоружена и уже не посмела бы совершить переворот. Наблюдая за мальчишкой, шейх убедился, что тот ему не соперник. Несмотря на молодость, европеец быстро устал и сидел в кресле с закрытыми глазами. Его лицо было похоже на маску, и только побелевшие пальцы, сжимавшие подлокотники, выдавали его усилия присутствовать среди гостей. Шейх не разрешал уходить «сыну» раньше, чтобы не обидеть гостей. Он был уверен в том, что его план сработает и Заяур исчезнет так же, как и появился.

Женщины, много женщин, вот кто может всё поставить на свои места! Ни один мужчина не устоит перед женщиной. Можно отказаться от одной-двух, но не от гарема. В нем кого только нет: и азиатки, и европейки, и японки. Для шейха стало ударом, что его «сын» не обращал на них никакого внимания, более того, он вообще решил умереть от лихорадки и не оставить шейху наследника.

Старик был в ярости: «Эти врачи — тупицы, они ничего не понимают, говорят, что ему нужен покой и смена обстановки... Этому самозванцу нужна удавка, и все к чёрту!» Не верил шейх врачам, не верил вообще людям и, конечно, не верил во внезапную болезнь европейца. Правда, приходилось признать, что мальчишка умирает на глазах, ему становится хуже и хуже. Осталось одно: на время отправить его в пустыню и опять ждать. Шейх стал подозревать Фаруха в сговоре с европейцем, но доказательств не было, а обезопасить себя стоило.

После отъезда больного властитель посетил семью Фаруха, похвалил его службу и выразил желание увидеть детей этого достойного человека. Их было четверо — два мальчика и две девочки. Мальчикам шейх пообещал блестящую карьеру, но интересовали его девочки. Одной было двенадцать, другой девять. По возрасту для планов шейха подходила младшая, но природа ей дала мало красоты и здоровья. Старшая же уже сейчас была красивой и женственной. Конечно, она должна ещё достигнуть сочности и детородного возраста, чтобы всё получилось так, как задумал шейх.

— Как тебя зовут? — спросил он девочку.

— Лейла, — ребёнок засмущался и покраснел.

— Ты хочешь жить во дворце?

Девочка засмущалась ещё больше и не ответила.

— Конечно, кто не хочет жить во дворце, — уверенно заключил шейх.

Он ушел, отдав распоряжение жене Фаруха привезти дочь во дворец на следующий день.

Время шло, и план с дочерью Фаруха рано или поздно сработает, а пока её стали воспитывать как будущую жену молодого шейха.

Ждать, ждать — это становилось невыносимым, и шейх решил хитростью вызвать мальчишку назад. Старик опять не знал, как ему вести себя с европейцем, чего именно он хочет добиться его возвращением. Шейх уже не раз видел во сне лицо своего кошмарного гостя и знал, что именно заберёт у него власть. Это был его новоявленный сын, этот проклятый европеец. Возможно, именно это заставило старика поиграть со смертью. Он хотел убедиться наяву, способен ли европеец убить его.

Кинжал, который шейх подавал мальчишке, был ненастоящий, даже поцарапать им было трудно. Но старик твёрдо решил: если европеец возьмет кинжал, то слуги убьют его мгновенно. Всю свою жизнь шейх всё делал ради сохранения власти — это была цель, смысл его существования. И вот перед ним стоит молодой, сильный мужчина, которому не нужна власть. Старик не верил ему: быть этого не может, каждый должен чего-нибудь хотеть в жизни, а этот даже жить не хочет!

Шейх вонзал кинжал в сердце мальчишки, ведь должен же тот уступить, попросить пощады. Согласиться, в конце концов, на ту жизнь, которую предложит ему он, шейх. Старик чувствовал, что проиграл, убить европейца можно было всегда, но что толку, если этот мальчик просто ничего не хочет. Ни жизни, ни власти, ни женщин, он вообще не хочет жить! Шейх переживал, выживет ли пленник, понял, что у него сейчас нет способа подчинить этого щенка, что надо положиться на время. Время меняет всё, но старик знал и другое — для него самого времени оставалось всё меньше.

Он отпустил Заяура с Фарухом, они уехали, и шейх впервые признался себе, что из парня вышел бы настоящий наследник его трона. С тех пор он уже считал европейца своим сыном и иначе, как Заяур, его не называл.

Шейх не был бы шейхом, если бы успокоился и оставил сына в покое. Лейла росла, и вскоре должна была выполнить свою роль в этом спектакле, надо было ещё подождать. А тут неожиданное известие: одна из жён забеременела. Шейх удивился происходящему, но вида не подал. Может, в глубине души он надеялся, что рождение этого ребёнка избавит его от Заяура, может, опять положился на время.

Ему доложили, что сын уехал за границу.

— Не спускать с него глаз, — шипел он в ярости, — если вы его потеряете или с ним что-то произойдёт, я вас уничтожу вместе со всей родней.

Старик никогда не был наивным, он знал, что мальчишка узнал о будущем ребёнке и, наверное, постарается сбежать, а это не входило в планы шейха. Ему общались каждый день, чем занимается его сын, и шейх решил, что пора включить в игру дочь Фаруха. Слуге сообщили, что если он и дальше будет помогать Заяуру скрываться, то его семья пострадает. После этого позвонил сыну и сообщил, что прятаться бесполезно, пусть лучше живёт,

как подобает наследнику.

В это время женщина родила, и шейх без особых усилий выяснил, кто отец ребёнка, правда, при этом погиб новорожденный, но что делать, власть надо защищать. С блудницей и её соблазнителем поступили так, как поступали во все времена, жаль только, что это произошло тихо, а не публично. У шейха даже не было никакого сомнения в измене жены, он хотел смерти этому ребенку, а вот Заяур, его воспитанием уже пора было заняться.

Они встретились, и старик с радостью отметил, что сын стал ещё сильнее похожим на него. «Куда ты от меня денешься? Ты мой сын, мой Заяур».

— Чего тебе не хватает? У тебя есть моё имя, моя власть, состояние, — в этот момент шейх готов был уступить мальчишке всё, лишь бы тот признал его отцом.

Он так хотел прижать сына к своей груди, хотел рассказать ему всё, но тот был холоден и равнодушен к душевному порыву старика. Шейх в очередной раз понял, что сын сильнее его и покорить можно только принуждением, поставив на карту чужую жизнь.

Лейла. Настало её время, ведь не захочет же он смерти невинной девочки. Одно дело — его собственная жизнь, а другой расклад — жизнь чужая. Шейх не ошибся, Заяур сдался. Старик долго не решался зайти в комнату сына, он чувствовал себя виноватым, что-то он делал не так, но шейх не стал задумываться над этим.

— Ты убьёшь меня сейчас или подождёшь, когда она забеременит? — спросил Заяур, не оборачиваясь. Шейх видел его прямую спину и гордо поднятую голову, он вспомнил, что ещё в пустыне его удивила манера пленника держаться.

— Подожду, — ответил старик.

«Мальчик мой, если бы ты знал, как я хочу тебя признать своим сыном, но ты сам не даёшь мне сделать это».

Шейх уже выходил из комнаты, когда догадка остановила его, он оглянулся, чтобы ещё раз увидеть гордую осанку пленника. Боль — дикая, страшная, не проходящая боль — вот что заставляло мальчишку не сгибаться. Когда у человека что-то болит, он ходит осторожно, чуть согнувшись, как будто боится расплескаться со суд внутри себя. У европейца была боль, но не физическая, это болела умирающая душа человека.

Шейха не покидали кошмары, к нему опять приходили родственники, но не было среди них Заяура, он исчез из снов старика. Фарух опять стал верным и ждал рождения внуков. Уже никто не был заинтересован в жизни европейца, никто, кроме самого шейха.

Старик понимал, что это рушило все его жизненные принципы, но любовь к неродному сыну мучила и лишала его жизненных сил. Зачем столько крови, смертей, извращений, если некому передать эту власть, которую он всю жизнь пытался сохранить. Тот единственный, кому бы старый шейх всё отдал, сейчас в подполье, узник, но не это страшно, а то, что пленник даже под угрозой смерти не берёт дар старика, его власть.

— Убей его! — произнес приговор шейх и пошел прочь: «Фарух всё сделает, как надо».

Старик поднялся к себе. Ну что же, у него родились внуки, есть кому всё передать. Он не мог спать и пошел бродить по дворцу, сами собой ноги привели его в подполье. Шейх стоял у двери и слышал, как Фарух избивает его сына, слышал стоны, и какая-то боль с каждым звуком удара заполняла грудь старика. Шейх осторожно, чтобы не стало больнее, поднялся во внутренний двор. На рассвете вышел Фарух, сгибаясь под тяжестью

тела, завернутого в ковер.

— Всё? — утвердительно спросил шейх.

Фарух молча откинул край ковра, и старик в лучах восходящего солнца увидел мёртвое лицо сына.

— Он еще дышит? — ещё на что-то надеясь, спросил старик.

— Ему осталось недолго дышать.

— Через неделю вернешься за ним... Похороны должны быть пышными.

Фарух склонился в поклоне.

Больше его нет. Нет больше человека, которого шейх так боялся и так любил. Нет его единственного сына. Только дикая, страшная, непрекращающаяся боль в груди осталась после него. Внуки, которых так ждал старик, не радовали и не приносили покоя. Слезы не знали, как литься из глаз шейха, и он смотрел на горячее солнце немигающими глазами, но солнце не могло выжечь боль.

Вернулся Фарух, потом опять уехал за телом, а старый шейх уже знал, что умирает. Он только хотел чуть-чуть подождать, чтобы ещё раз увидеть сына.

Власть, зачем и кому она нужна, почему все стремятся к ней, а, достигнув, защищают всеми немыслимыми способами? Что в ней такого, что люди перестают понимать друг друга, предают себя, любовь и веру. Что же ты такое — власть?

Шейх спокойно принял известие, что тело сына не найдено. Он усмехнулся: «История повторяется... Не так-то просто убить его сына».

В эту ночь шейх, наконец, уснул. Сон был глубоким и спокойным. Он видел сына, который шёл к нему по пустыне и вёл двух мальчиков за ручки. Они встретились взглядами, и старик не отвёл свой взгляд от холодных и колющих глаз сына.

— Простишь ли ты меня когда-нибудь, сынок?

— Я тебя давно простил, — тихо ответил сын.

— А они? — и шейх показал на людей, стоящих за спиной сына. — Они?

А они всё стояли и молча смотрели на него, просто смотрели и всё, ни слов, ни чувств, ни боли.

Шейх проснулся и почувствовал странную лёгкость и покой. Как и во сне, боли в груди не было. «Мой сын жив», — понял старик. Он жив и забрал свою — его боль, которую по жизни дальше понесёт сам. Он жив, и значит, он победил.

— Мой господин, — Фарух согнулся в низжайшем поклоне, — он жив и сейчас среди кочевников.

Чего ждал от него слуга? Удара? Ярости? Шейх молча пошёл прочь, обошёл дворец и усталое сел на трон. «Ну что же, сын, ты победил, ты доказал старику, что вся его жизнь ничего не стоит, — думал старый шейх, — я сдаюсь, я умираю. Но на этом твоё существование, сынок, не кончается. Ты всю жизнь боролся со мной, противостоял мне и не покорялся мне. Теперь у тебя соперник будет сильнее и хладнокровнее, ты будешь противостоять сам себе. Я желаю тебе победить себя». Шейх вспомнил боль в груди, и у него появилось страстное желание забрать эту боль с собой, освободить от неё сына. Но как он ни старался, боль не возвращалась, только тело немело и становилось деревянным. Шейх сполз с трона. Когда прибежали слуги, он был мёртв.

Все знали, что шейх умер от старости, и только Фарух молчал об истинной причине смерти. Шейх уступил свой трон, свою власть своему сыну, который несмотря ни на что, был жив и являлся единственным наследником.

P.S.

Эта история — вымысел автора. Любое совпадение событий и имён считать случайным

Казахстан.

Дмитрий Семёнов

Сущность

Здравствуй! Разрешите представить-ся! Я «НоС», вернее даже «НосСоС». Это не бандитские прозвища и не признаки сумасшествия, это характеристики моего нынешнего состояния. Все на самом деле просто, НоС значит — носитель Сущности, а НосСоС — носитель совокупности сущностей.

Нет, Сущности это не венерическое заболевание и не разновидность СПИД, хотя это явление тоже заразно. Вы, наверное, уже считаете меня психом? Но вроде как психические заболевания не имеют вирусной природы. Однако подхватить Сущность может практически любой. Кто-то подхватывает грипп и насморк, меня же угораздило подхватить Сущность. Странное слово, да? Сущность... На слух нечто такое мистическо-философское, сродни Бытию и Сознанию. Но по мне, так это все-таки вредная бактерия-паразит! Хотя к Бытию и Сознанию имеет непосредственное отношение. Но давайте по порядку. Расскажу вам про это нечто, вдруг столкнетесь сами? Чем Сущность... Блин! Чем чёрт не шутит.

Не знаю точно, где эта Сущность болталась, пока меня не встретила. Но, похоже, в другом каком-то мире-измерении. Пустынным и малонаселенным, ибо так радоваться встрече со мной может только совершенно заскучавшее существо. Вот представьте, вы достаточно молодой, можно сказать, лирик, уединились для размышлений среди природы, мнёте в руках лопушок... А тут — бац! И внутри Вас Сущность! Кто от такого застрахован? Да никто! Это я к тому, что не надо расслабляться! Теперь-то я много чего про эти Сущности на своей шкуре ощутил, так сказать, и могу Вас предостеречь! Так вот, касательно ощущений от этих самых «ощутимых» существ. Как-то мне довелось читать про «раскрытие» чакр у йогов. И почти с полной уверенностью могу сказать, что никакие это нафиг не чакры, это к ним Сущности цепанулись! Первое впечатление, ты не один теперь. Вот просто сразу чувствуешь: кто-то прям-таки всасывается в тебя, сначала в область живота, а потом — в твой мозг! Я лично сторонник того, чтобы с живота ничего в мозг не попадало! Ничего! Ни чакры, ни Сущности. Но, увы! То ощущение счастья, которым при внедрении прямо-таки лучилась эта самая Сущность, я абсолютно не разделяю! Я просто понял, что мной взяли и воспользовались. Для мужчины это очень неприятно! Наверняка женский пол себя морально готовит к таким ситуациям, но я-то себя не готовил! Тут, конечно, «толстющий» философский момент можно отметить. И даже не про «тварь я дрожащая или право имею?», а про то «носок ли я надеваемый, и когда меня постирают». Вот после всего случившегося я стал понимать жертв изнасилований. На самом деле нету в процессе вселения Сущностей ничего особо болезненного или физиологически опасного, но вот эта яркая радость чужого торжества... в общем, неприятно было. Чисто морально.

Это потом стало ясно, что с Сущностью жить можно и даже, можно сказать, что жить легче, но на тот момент этого я не знал. Я так подозреваю, что эти Сущности живут тут давно и во многих людях, и тому есть объективные доказательства,

полученные опытным путем. Вся моя проблема была, что Сущность была не моя, она была Своя, индивидуальная. Она где-то долго болталась и вселилась внезапно, резко и тем проявила свою чужеродность, разделив мою жизнь на два этапа — до и после. Если бы Сущность прокралась в меня в далёком детстве, я бы наверняка считал её частью своего сознания или характером, или даже совестью или пороком. Но на тот момент у меня было всего две версии об инопланетянах и о демонах. Так как разницы фактически совершенно нету, то, думаю, обе версии правильные. Это вселившееся нечто было мне так же чуждо, как инопланетные марсиане, как исчадия ада или даже Ангелы.

Общаясь с Сущностью, я понял, что она себя позиционирует именно как Ангел, не скрывает, что будет меня по-своему оберегать и защищать. Но вот по первости я себя ощущал одеждой, которую берегут, ш. опаю, но если замарается или порвется, все равно выбросят. Но Сущность чувствует вашу настороженность и ластится, как кошка. Убаюкивает, замуркивает, предлагает поиграть с ней. Но если уж ей что-то понадобится от вас, вцепится когтиками и не отпустит. Сначала такая «кошачесть» было просто моим впечатлением, но опять же опытным путём я сам себе доказал, что родственность самая прямая. Кошки тоже носители сущностей. И меня прямо-таки в ужас бросает, когда я понимаю, какие у кошек есть возможности. Хорошо, что они ленивые и не испытывают жажды доминирования. Сущности их сдерживают? Скорее всего.

Итак, если в вас вдруг вселится Сущность, не паникуйте и не дергайтесь. Все равно вам ничто не поможет, кроме суицида. Сущность либо уйдет сама, либо просто спрячется. Поэтому экзорцизм не прокатит. Проверяли. Та, первая моя Сущность, первое время прямо в эйфории была от попадания в населённые людьми места, как кот, попавший в рыбный стеллаж гипермаркета. То, что для нас может быть дискомфортным для Сущностей — праздник жизни! Люди излучают эмоции а Сущности это все впитывают, питаются нашей аурой или, даже можно сказать, купаются в ней. Не всё им, конечно, по вкусу. Например, злые стариканы, но вот к детям и бабушкам они ластятся. Кошки! Если одним словом это называть.

Но я-то взрослый мужчина, и ластиться к детям и бабушкам для меня странно. Вот, например, не нравится мне общественный транспорт своим запахом, толкотней и суетой. А Сущность — радуется. Она этих потных пассажиров не нюхает и о засаленные рюкзаки не шоркается. Она ауры считывает, и чем необычнее и страшнее встречный, тем ей интереснее. А банка с мелочью в руках кондуктора для неё прямо сокровищница артефактов. Я и раньше подозревал, что деньги имеют мистическую природу, уж больно много вокруг них страстей. Но только заимев Сущность, я понял, насколько деньги имеют значение, оказывается, каждая монета навсегда впитывает ауры и настроения людей. Каждая мятая купюра может рассказать целый эпос о своих похождениях по людским карманам. Вот Сущность и лезет в эту библиотеку страстей и впи-

тывается. Она впитывает, и я вместе с ней тоже это впитываю. С непривычки голова может похатать. Вернее сказать, поедет в любом случае. Ибо, как бы не звучало каламбуром, но сущность-сущности — это особое информационное измерение. Как чукча относится к снегу как к обыденности и правильности, так и Сущности не мыслят себя без впитывания всего окружающего массива информации. Мало того, стоит вам встретить другого носителя Сущности, это становится сущим наказанием, пока они вдоволь не «наобщаются», ваша свобода воли будет в натуральном плену! Хорошо, что я чисто физически не способен воспринять всё это. Для моего разума это больше «информационный шум», но для Сущностей это единственно правильный вид существования.

Само собой, что от этого инопланетянина в голове (или животе?) я захотел избавиться. Но «людей в черном» как-то рядом нет, а к людям «в белых халатах» я сам пойти не захотел. Они, может быть, в психушках и мастера по борьбе с тараканами в голове, но вот от клейма психа я даже при избавлении от Сущностей вряд ли до самой смерти смогу избавиться. Поэтому я пошел в храм. Вдруг получится избавиться от случившейся «бесноватости»? Как я и предполагал, Сущность вначале затрещала и заволновалась. А потом спряталась. А вот в самом храме высунулась и стала с любопытством своими незримыми щупальцами тянуться во все стороны. И я понял, что кадиллом Сущность не исправить. Боялась моя мелкая Сущность Большой Всесущности, с которым я церковь ассоциировал. Но, однако, никакой Вселенской Сущности там не обнаружилось. Нигде. Может, я был не в том храме? Вероятно, это так. Другие мелкие сущности там попадались. Но это ни о чём не говорит. В нашем дворе каждая вторая кошка — носитель Сущности, а тут всего парочка и те какие-то сонные...

Вы спросите, как я все это понимаю. Да никак не понимаю, лишь догадываюсь по тем образам, что мне Сущность транслирует по эманациям. Увы, не может она словами изъясняться, только чувствами. И то неоднозначными, не Добром и Злом, а скорее теплом и холодом, музыкой и картинками. Откуда они, Сущности, берутся? И куда деются? До сих пор не могу сказать. Знаю, что подсекаются молодые Сущности в тех же кошках и детей, в бабушек и дедушек. В общем, в тех, кто ни у кого своей странности вопросов не вызывает. Потом переселяются ещё куда-то. Вот так и бродят, сохраняя в себе фрагменты памяти своих носителей. И так пока не встретятся с Непостижимой и Промадной Всесущностью, которая их в себя полностью впитает. А потом вновь развезет по бесконечному Миру.

Странное это явление, на самом деле. По тем образам, которых я нахватался у своей Сущности, я знаю, что люди также влияют на них, как и они на нас. Был у неё давно-давно носитель — шаман, тот считал её Душой предков, а другой, погибший под Белостоком в Мировой войне, считал её Боевым Духом, предпоследний вообще был военным пилотом и для него Сущность была — Тягой к полётам.

Может быть, он и погиб в небе Кореи

из-за своей Сущности? Так что это? Паразит или все-таки симбиоз? Для симбиоза, носитель симбионта — хозяин должен получать профит. Наверное, он есть, я теперь знаю и чувствую больше, чем могу осознать. Интуиция порой обостряется до уровня пророчеств, а иногда, наоборот, туплю там, где не надо, и делаю то, чего сам не понимаю. По факту с Сущностью я себе не принадлежу. Я даже в быту стал другим. Мне, например, совершенно неважно, какой у меня смартфон, не нужны золотые украшения, фирменные бренды и прочие модные «понты». Я стал по-другому воспринимать людей. Например, часто плююсь, видя звезд эстрады или харизматичных политиков. Ибо очень часто вижу, что творят не они, а сидящая в них Сущность, аналогичная моей. И, наверное, ревную... Поэтому часто просто не замечаю окружающих людей и не слежу за новостями, да и телевизор с гламуром и зрелищами мне не интересен до такой степени, что я даже новейший блокбастер не могу досмотреть, просто ухожу в созерцание картинок, транслируемых Сущностью, а они ярче и мудрее любого теледеиства. Доходит до того, что только другие Сущности и люди в них... (вот так парадоксально всё видится) достойны моего внимания, а остальное — всего лишь пустые декорации.

Но на самом деле я боюсь других носителей Сущностей — «НосСов», так как на самом деле в них другие Сущности с другими интересами! Они рисуют, они поют или музицируют, что-то ваяют, коллекционируют или занимаются уж совсем непонятными мне вещами, например, математикой, программированием или иностранными языками.

И ничего с этим не могу поделать, так как стал «НосСосом» — носителем совокупности Сущностей. Да! Да! Человек для этих тварей словно некая промежуточная стадия личинки или там среда для почкования. Вот сейчас я сижу и делаю то, чем Она меня заставляет заниматься. Пишу этот текст! И точно знаю, что пока пишу, моя Сущность уже отделила свою частицу — некую спору, которая с большой долей сейчас зацепится за вас. Теперь и вы можете заразиться Сущностями! Интересно, правда? Если вы смогли это прочесть до конца, прислушайтесь к себе. Проснулась ли Она в вас? А может быть, она уже была в вас? И ей только нужен толчок для «вылупления» на свободу? Иначе зачем Сущность заставила меня писать это пространное сочинение и не отпускает?

Муза, характер, воля, душа, вдохновение, нирвана. Под какой личиной эта Сущность нагрянет к вам и когда? Я не могу это сказать. Но это уже случилось.

г. Новокузнецк.

Сергей Загладин

Родился в октябре 1962 года в Кесовогорском районе Калининской (ныне Тверской) области. Окончил СМИ г. Новокузнецка. Три года отработал по распределению в Комсомольске-на-Амуре на заводе «Амурсталь».

После возвращения в Новокузнецк работал на КМК инженером-конструктором в сортопрокатном цехе, работал массажистом в лечебно-оздоровительном центре, видеоинженером на телевидении «10 канал». Сегодня трудится в Центральной библиотеке им. Гоголя, в последние годы — главным библиотекарем. В зоне его ответственности четыре клуба по интересам: кино клуб «Диалог»; клуб любителей фантастики «Контакт»; философский клуб «Экзистенциал» и клуб духовного поиска «Солнечный путь».

Впервые написал заметку 1995 году для газеты «Сельский труженик». Более серьёзно Сергея взяться за перо побудила Лариса Павловна Савицкая — тогда ведущий журналист газеты «Кузнецкий рабочий». С её лёгкой руки в газете довольно регулярно стали появляться его заметки, статьи, путевые очерки, первый — о путешествии на Байкал в 2005 году: «Хождение за три региона». Следующий поворот в писательской карьере нашего героя случился после того, как в библиотеке ему поручили курировать клуб любителей фантастики. Особая творческая атмосфера, созданная президентом «Контакта» Ник Ником Калашниковым и другими контактовцами, вдохновила Сергея к написанию художественных, зачастую фантастических, рассказов.

Ещё одно увлечение Сергея: участие в сетевых литературных турнирах, но только в последние годы некоторые его рассказы на литературных порталах «Фензин» и «Полки книжного червя» стали занимать призовые места в небольших литературных конкурсах, в частности: «Палеоконтактом по кумполу», «Невеста Кутха» и «Баба Юля» — первые; «Один день» и «Пиг, Ма, Лион и прекрасная Галатея» — вторые; «Рыцарские страдания», «Тайна Кровавой Мэри», «Ода врагу» и «Таких не берут в космонавты» — третьи.

Любовь к малой родине побудила начать цикл «Ностальгия по детству». Ещё одна школьная страсть — увлечение историей, вдохновляет написание исторических рассказов. Туристическая жилка тоже находит отражение в творчестве Сергея: после каждого похода появляются путевые заметки, рассказы и миниатюры.

Баба Юля

Туристская байка

- Чтоб у них рог на лбу вырос!
- Лучше два!
- Да что там рог — сразу хрен.
- Моржовый!

Так костерили мы с тёзкой Сергеем руководство Красноярской железной дороги в целом, а особенно Абаканского её отделения, отвечающее за электричку до Бискамжи. Ругались, правда, вполголоса и старались выбирать выражения, ведь на платформе, кроме взрослых туристов, тусовалось и подрастающее поколение с рюкзаками, палатками и прочими прибабасами, очень не хотелось подавать дурной пример этому племени младому.

Материть-то путейцев было за что: ну как можно подать состав всего из четырёх вагонов в день первого массового «вылета» туристов? Из года в год 12 июня — начало праздника туристов-водников на Казыре, а по случаю четырёх выходных и остальные пешеходники, скалолазатели и прочие пешеро-проходцы двинули из цивилизации. «Электрон», как минимум, раза в два длиннее нужно. И вот несколько сотен активного и горластого населения городов бузит на платформе и высказывается в адрес далёкого начальства.

Немного спустив пар, задумались мы с Серёгой: и что же дальше? Обратно к родным пенатам, полтора часа по железке? Выходит, зря вставали в четыре утра и пёхом тащились на вокзал, чтобы успеть в славный город Междуреченск на эту единственную электричку в сторону Хакасии? Завтра всё по новой?

Тут и услышали мы негромкий голос, обращённый явно к нам:

— Что, ребята, приуныли, головы повесили?

Оборачиваемся: стоит рядом бабушка — божий колокольчик, самого туристического вида (одуванчиком её никак не назовёшь) и насмешливо так щурится. Прикид походный: выдавшая виды штормовка, под стать ей штанцы, короткие сапожки и нехилых размеров рюкзак за спиной. Начало лета, а уже прилично загорелая, лет сколько — не разберёшь, может оказаться и шестидесят, и семьдесят, и больше, в общем, неопределённо-пожилого возраста. Но явно тёртая баранка, крепкая. Из тех, которые зачастую на тропе молодым форы сто очков дадут.

— Да вот, бабушка, и Юрьев день на горы

случился, — говорю я, как более общительный, — а назад возвращаться неохота.

— Назад, как вниз — всегда успеем, лучше вперёд.

— А вперёд это куда и на чём? — включился в разговор Серёга.

— Путей всегда много, — охотно отозвалась бабушка. — Кто-то вот на Усу собрался, на лодочках — милое дело. Кто-то в сторону Хакасии до Чульжана на автобусе намылился, там — на Томь, каты надуют и тоже неплохо посплавляются.

— Мы не водники, нам потопать.

— Так пешком больше возможностей.

— Например?

— Да вот, до того же Чульжана, там по шпалам до Бельсу, а завтра на той же электричке со «Студёного плёса», куда ваша душенька подскажет.

Слово за слово, решили скучковаться в одну компанию (у туриков это обычное дело), да так и поступили. Взвалили мы рюкзаки на плечи и двинулись к автобусной остановке. По дороге познакомились:

— Зовите меня баба Юля.

— Сергей!

— И я — Сергей.

— Замечательно, буду между вами идти и всю дорогу желания загадывать.

— Загадайте, чтобы без дождей.

— Договорились, будет вам погода.

Тут же, на вокзале, сели в автобус одиннадцатый номер и, поколесив по городу, поехали вдоль Томи, параллельно железке. Кроме нас, таких умных, сельдей с рюкзаками набилась целая банка, так что на остановках уже почти не тормозили. Садоводы, мечтавшие поскорее добраться до своих участков, были очень недовольны и тоже что-то кричали нам вслед.

По приезде водники потащили рюкзаки и гермомешки с баллонами на берег — надувать катамараны, а нас с Серёгой баба Юля послала на станцию, узнать: далеко ли до реки Бельсу? Оказалось, что всего с десяток километров.

А потом, уже на собственном одиннадцатом номере, почти как в песне «по шпалам, опять по шпалам» мы двинулись вперёд. Вот только шпалы теперь бетонные, и шагать по ним не так удобно, как по деревянным, поэтому, где возможно, спускались на грунт.

По дороге наша вперёдведущая завернула на заброшенную станцию «Геологи-

ческая». Тут раньше пионерлагерь был, а теперь домики и корпуса потихоньку разваливаются. Чтобы местное население не помогло им развалиться слишком быстро, приставлен тут сторож. Познакомились: тоже Серёга оказался, невысокий такой живчик. Намолчался, видно, болезный, и с удовольствием приютил нас на перекрестке, заодно и сам немного подкрепился, попутно просвещая нас о своём житье-бытьё.

Живёт он тут бесценно, провиант ему раз в неделю привозят, есть радио и телевизор — несколько программ берёт. Для компании ему собака по кличке Шельма, самой дворняжной наружности. Ну с ней-то мы с первой познакомились — облаяла нас честь по чести, как ей по статусу и полагается, но с цепи особенно не рвалась.

Место для пионерлагеря выбирал человек понимающий — очень красиво тут всё: хозяйственные постройки перегораживают долину между пологих пригорков, на склонах которых, среди кедров и елей, прячутся домики корпусов. Отменно вкусной водой снабжает источник, бегущий дальше по ложине. Всё утопает в зелени, птичьё музыкальное сопровождение лучше всяких оркестров. Пнзедо одной из певуний, с чуть оперившимися птенцами, очень осторожно показал нам местный Серёга в одной из полуразрушенных построек. Сама мамаша тоже что-то тревожно чирикала поблизости, но я, как ни старался, так и не смог рассмотреть её в ветвях ивы.

Был соблазн остаться до завтра, тем более, что «по требованию» электричка на этой «Геологической» останавливается. Но и на Бельсу хотелось посмотреть, да и что мы за туристы, в конце-то концов, останавливаться, толком и не пошагав. Перед расставанием баба Юля втиснулась между нами — тремя Сергеем (мы стояли почти равнобедренным треугольником) и напоследок что-то ещё загадала. Если про погоду, то очень удачно — она в этот день выдалась просто идеальная: без дождя, не жарко, постоянно дул ветерок, гоняя по небу почти непрерываемые облачные стада. Так что до вожделенной реки мы добрались без особых приключений, если не считать натёртых с непривычки плеч.

Место под лагерь выбрали, у железнодорожного моста, на берегу Бельсу. Собственно, бивуак был уже оборудован задолго до нас, мы его только облагородили: немного расчистили полянку, подправили очаг из камней, а из брёвен, принесённых рекой в половодье, соорудили что-то типа скамеек. Первой выбрать место под палатку уступили даме, а потом и мы раскинули свои полотняные домики, устроились, как кумы королю: по отдельному апартаменту на персону.

Пока мы с Серёгой сушили насчёт дров, баба Юля выпилила из ивовой молодки три палки, метра так по полтора, и соорудила кухонную треногу, связав вершинки верёвочкой. Вот, век живи — век учишься, вроде и туристы мы со стажем, а не знали, что это сооружение так удобно для готовки. Передвигая ноги и меняя высоту подвески котелка, можно с лёгкостью регулировать температуру, гораздо сподручнее, чем традиционной переключателем с рогульками. И таскать его за собой тоже не надо: из любых трёх палок соорудить ноги, из веточки с сучком — крючок, и — вуаля!

По меню долго не спорили — заварганили суп харчо из пакетов, потом гречневую кашу и чай. Пока кипело вариво, сам собой завязался разговор о планах.

— И куда вы, два Сергея, собирались прогуляться? — помешивая похлёбку, заинтересовалась баба Юля.

— Как обычно, до Лужбы, — первым среагировал мой тёзка.

— Что не на Казыр?

— Да там народу слишком густо, как-то мы не прикалываемся по многолюдству, — поддержал друга и я.

— А бывали вы на водных покатушках?

— Не случалось.

— А стоило бы, ей-ей, хоть разок.

Тут подоспело первое блюдо, потом второе, нарезали хлеба, колбасы, я брызну распаковал, расчихли ложки-плошки, и на какое-то время стало не до разговоров.

Утолив голод и выпив для начала по кружке чая, мы опять расположились к неторопливой беседе, и баба Юля продолжила агитацию:

— Народу, конечно, собирается немаленько, а к вечеру выпивончик не под запретом, но место там особенное, поэтому инцидентов почти не случается.

— Чем особенное-то?

— Да энергетика очень дружелюбная, не конфликтная, а перебравших свои же товарищи потихоньку отводят на отсыпку.

Отметив наши не загоревшиеся энтузиазмом лица, агитаторша меняет тактику:

— К тому же никто не неволит оставаться на ночную дискотеку. Лагерь-то можно разбить за сколько хочешь от танцполюны. Слава Создателю — Казыр большой.

— Казыр большой — ему видней, — перифразирую я Высоцкого.

— Вот-вот. А от Лужбы вы куда хотите?

— На Хунул-Хузул — озеро динозавра.

— Неужто верите?

— Ну, верить не верим, а вдруг... Даже телевизионщики там караулили. Место в любом случае красивое.

— Вдруг даже кошки не котятся... Ладно, расскажу я вам всю правду.

И под вторую-третью кружки чая с ва-

нильными пряниками поведала нам занимательную байку:

— Озеро это находится в Золотой долине. Она получила название от золотого корня — то есть родиолы розовой, чтобы там туристы не думали о золотых закатах и небесных красотах. И как-то одна артелька добытчиков этого корня решила развести там плантацию. Поставили домик и дежурили по очереди, а для компании и молока завели туда козу. Однажды бригадир артели, как раз до него очередь дошла сторожить эти родиолы, косил для козы траву неподалёку от озера. Мимо шли туристы, поздоровались и спрашивают:

— Для кого сено готовите?

А он шутник был изрядный и выдал:

— Для динозавра. Тут у нас такая же чуда как в Лох-Нессе водится. Вот я её и подкармливаю, чтобы не безобразила. Приручил каждый день в семь утра выполнять за очередной порцией.

Лицо при этом держал предельно сурьёзное, даже не улыбнулся. На следующий день с утра пораньше пошёл ещё покосить по росе, глядь, а эта компания на берегу выстроилась с камерами и фотоаппаратами. Но... никого они не дождалась, динозавр-то не вылез. Бригадир же отговорился тем, что животинка осторожная и испугалась толпы и шума. Приходите, мол, поодиночке, тогда может и повезёт.

От той компании туристов и пошёл слух. Видно, и до телевизионщиков дошёл.

...Посмеялись мы с Серёгой, а я спросил, откуда эта история ей известна.

— Так от него самого и известна, мы с бригадиром старые знакомцы.

После обеда прилегли мы по палаткам отдохнуть, всё-таки вставать слишком рано пришлось. Мне что-то не уснулось, поворочался-поворочался, взял фотик и решил обследовать окрестности.

Бельсу — река горная, одна из большой троицы таёжных притоков Томи, вместе с Амасом и Казыром, но в предгорьях течёт вполне спокойно. Обследовав этот берег, через мост перебрался на другой. Побродил по галечному с песчаными проплешинами пляжу, заглянул в рощу тополей-патриархов. Выйдя на небольшую поляну, я будто попал в сказку: посреди лужайки тянулись вверх дружными компаниями молодые папоротники с ещё не до конца расправившимися верхушками. Тут как раз солнышко проглянуло между облаков и осветило эти маковки мягким светом, создав эффект светло-зелёного ореола на темно-зелёных перьях... Как будто дикий павлин, испугавшись меня, спрятал головы в землю, оставив снаружи только хвосты. Эту стаю окружали жёлто-салатовые «блюдечки» володушки золотистой. Тут и там всполохи огоньков и звёздочки незабудок дополняли палитру прогаины. Ее охраняли, подобно былинным богатырям, мощные побеги борщевика. Фоном этому буйству красок служило негромкое пение реки и птиц.

Солнце опять скрылось, сказка поблекла, и я побрёл на Томь, помедитировать, посмотреть на вездесущих рыбаков. Не знаю, кого они там ловили, но я бы ни за что не стал часами торчать в воде в резиновых комбинезонах или болотниках.

Вернулся ближе к вечеру, когда товарищи уже разожгли костерок для ужина. Под сумеречные тары-бары баба Юля возобновила агитбеседу и уговорила нас посмотреть на большой сбор водников. Выполняв эту великую миссию, она пошла спать, пообещав разбудить нас ни свет ни заря.

Мы с Сергеем посидели ещё у костра и пришли к выводу, что место хорошее, и если с электричкой вновь случится облом, можно просто пройти по Бельсу. Решили, что лагерь надо перенести подальше, потому что время от времени по железке проносились составы. Зрелище впечатляющее, когда огромный железный «дракон», разрывая темноту пламенем прожектора и лязгая сочленениями, громоых фермами моста, врывается на виадук, про-

носится мимо и уносится вдаль... Посмотреть полезно, как на грубое воплощение мысли о противоборстве цивилизации и природы. И земля дрожит не по детски, и спать «дракон» мешает конкретно...

Подскочив в очередной раз от дрожания земли, я понял, что нет смысла укладываться вновь, пришло время вставать... Вылезать из тёплого спальника не хотелось. Провалившись до последней возможности — баба Юля вместо колокольчика застучала топориком по котелку — мы всё-таки выбрались из палаток.

Есть в раннем подъёме и плюсы: всё делается быстро, птицы с утра радостно орут, река укутана туманной вуалью — отличные мгновения для съёмки. В темне умылись, перекусили, собрались — и в путь, щёлкая по дороге затворами фотоаппаратов. Хотя наклоняться к каплям на травинках с рюкзаком за плечами — удовольствие ещё то, но чего не сделаешь ради хорошего кадра.

На платформе «Студёный плёс» мы были одни и в вагон попали без проблем, даже сидячие места нашлись. До остановки «Казыр» добрались без приключений, разве что платформы тут никакой нет, и из вагона пришлось прыгать прямо на крутую насыпь. Бабу Юлю внизу ловили вдвоём. За переправу через Томь лодочник извлял у нас по семьдесят пять рубликов — не приятная неожиданность, но куда деваться — монополия.

Праздник сплавщиков и буйный Казыр сторицей «упили все издержки. Недаром туристы говорят, что Бог создал эту реку как земной рай для всей водноплавающей братии: от каякеров и байдарочников до катамаранщиков. Тут идеальные условия для спортсменов любого уровня: для чайников пороги попоше, для чемпионов — суперсложные, особенно по большой воде, как сейчас. Одни названия чего стоят: «Каша», «Молоко», «Три фашиста» и «Чёртовы ворота». «Молоко», потому что от бурунов вода белая, как кипящее ключом молоко, тут же следом три чёрных камня — «Три фашиста», о которые расшибёт на смерть и зазевавшегося каякера и перевернувшегося и смытого в воду катамаранщика. Казыр ревет в таких местах как раненый мамонт, заглушая все разговоры. Общаться на берегу можно только криком, а буйство первозданной мощи заряжает частичкой своей сумасшедшей энергии.

Продвигаясь вверх по течению, мы набрались впечатлений. В промежутках между порогами и бурунами тоже находилось чем полюбоваться. В городе черёмуха отцвела, а тут в самой силе. Огоньки цветут целыми полями. На придорожных каменистых навалах на склонах гор Междуказырского хребта распустились розовые кисти бадама. А воздух, воздух!.. Эх, если бы можно было набрать его мешок!

И людей встречали исключительно весёлых и доброжелательных. Особенно запомнились молодые наяды в гидрокостюмах, красоту которых не портили даже спасательные жилеты. Вот так пятикилометровый путь осилили только часов за восемь. Народу резко поредело, когда проезжая дорога закончилась и началась туристическая тропа. Прошагав по ней километра полтора, мы и раскинули лагерь как раз напротив «Чёртовых ворот».

Погода выдалась ясная, жаркая, ни облачка на небе, поэтому едва установив палатки и собрав дров для костра, я поспешил спуститься на берег. Купаться в Казыре, как во всякой, уважающей себя горной речке, — себе дороже. Вода в нём не только быстрая, но и ледяная, так что народ больше практикует окунание в более-менее тихих заводях. Такую я нашёл чуть ниже порога. Тут оказался даже небольшой кусочек чистого песка в сплошном каменном ложе, с которого удобно было опускаться в струю.

Раз! Два! Три раза с головой в этот жидкий лёд — и с еле сдерживаемым криком быстрее на берег. Блаженство! Нирвана!

Пот и усталость знойного дня смылись и унеслись с потоком. Какие-то иголки пробегают по всей коже, выравнивая потоки внутренней энергии! Мысли тоже унеслись вдаль. Напряжение и тревоги трудового года начинают спадать с плеч...

Возрождённый, поднимаюсь к лагерю и отправляю Сергея в эту природную лечебницу. Баба Юля воздержалась, ещё и меня осадил, когда я решил на тот пляжик пересечь с палаткой:

— Неужё отрываться от друзей, да и слишком близко к воде твой песочек, вот я попрошу Казыр ночью подняться и залить его, — а сама, будто шутейно, шуруется, собрав вокруг глаз снопик мелкий морщинок.

Вроде прикалывается, но как-то с серьёзничкой в голосе, так что я не стал палатку тревожить. Снизу раздался сдвинутый вскрик — Серёга погрузился. Вскоре он появился свеженький, как огурчик. Баба Юля попросила согреть большой котелок воды и погулять часок по склонам. Это запросто, взяла фото-видео и пошла на прогулку — налегке-то чего не побродить.

Глядь — и солнышко к закату. Мы набрали листьев чёрной смородины, малины и немного чёрных, перезимовавших под снегом листьев бадама для вечернего чая. Дилетанты, слышавшие про бадан, пытаются заваривать свежий — зелёный лист и получают боль в животе, а чёрный придаёт напитку немного тяжеловатый, чуть землистый основательный вкус, неплохо уживающийся с роскошным смородиновым.

У костра тянет неторопливо и обстоятельно поговорить, поделиться дневными впечатлениями и разными историями.

Я рассказал про свой первый поход на Казыр, лет двадцать назад, ещё с брезентовой палаткой и рюкзаком типа садовый мешок. Лодочной переправы тогда не было, и через Томь переходили вброд. Сильное течение меня дважды сбивало с ног, несло течением, ибо по неопытности я поперся в воду босиком, без шеста, да ещё рюкзаковый мешок на плечах болтался — равновесие нарушал. Как-то я оба раза умудрился — «поймал» дно и поклажу не потерял. На всю жизнь урок запомнил: больше я горные реки без хорошей палки не бродил.

Серёга поведал о своём первом походе. Я похихикивал и поддакивал, в тот раз я же и вёл эту разношерстную компанию. Судите сами: я — после пары-тройки несложных походов, ещё чайник-чайником. С нами зачем-то пошла матерая туристка, настоящая лосиха. До сих пор помню, какими глазами она смотрела на меня и остальных при всех наших блеваниях. Серёга шёл в самый-самый первый раз, с нами две женщины — такие же первоходки. Женщины быстро устали и перессорились. Планы по ходу мы меняли раз семь. Прошли километров десять, к вечеру ещё и дождь пошёл. Какое там восхождение на голец? Переночевали — и обратно.

Баба Юля долге смотрела на огонь, потом рассказала про одного художника. Он родом из наших мест, но живёт и работает в Москве. Довольно известный живописец, не бедствует, но набрался в столице какой-то хвори, да так серьёзно, что чуть ли не помирать собрался. И напоследок решил забраться на пик Большого Зуба. Была у него вся жизнь такая мечта. Приехал и попросил друзей-туристов сводить его на пик. Пара надёжных товарищей согласилась, но даже до подножия не дошли, накрыла их непогода на высоте альпийских лугов. Конкретная такая непогода: то дождь, то туман, то всё вместе. Основным занятием все эти дни у них была мечта лентя: лежание в палатке. На высоте тысяча двести метров давление точь-в-точь как в лечебной барокамере, воздух горный, да ароматы альпийских цветов и вода со снежников... И вылечился ведь. Теперь каждый год приезжает в то самое место на недельку. А Большой Зуб так и не покорил.

Рассказала баба Юля свою байку и пошла на боковую. Серый тоже недолго задержался, а меня что-то в размыслил

кинуло. Несколько часов сидел, понемногу подбрасывая дрова в костёр и слушая шум вод Казыра. И слышались в гомоне струй голоса, толкующие не пойми что, а потом в голову пришли четыре строчки:

*Горная речка шумит,
Струи бегут и поют.
Что-то она говорит,
Только вот я не пойму.*

Прочитал я их пару раз вслух и тоже полез в палатку от греха подальше, чтоб ещё какое просветление, сносящее крышу напроц, не накрыло.

Утро выдалось славным. Проснулись под неистовство пернатого племени, побегали по окрестностям в поисках разных росинок, былинки да жучков-паучков, а перед завтраком получили в фотомодели целую... мышь. Дело вот в чём: на ночь все продукты мы разместили по палаткам, а то куниты и росахи вполне могли навести ревизию продуктов, да и косоланный хозяин тут не сказочный персонаж. Утром, вытаскивая вещи на полянку, Серёга обнаружил в пакете с одеждой лесную мышку без признаков жизни. Только мы собрались взгустнуть о её безвременной кончине, как она начала оживать: задергала лапами, пискнула. Мы выложили её на травку и занялись наблюдением. Оказалось, что мышка-ворушка прогрызла дырочку в пакете, где среди одежды лежала футболка, обработанная антиклещевым препаратом, надыхалась и не смогла выбраться. А ведь счастье было так близко, ведь рядом стоял такой же пакет с едой.

Пока мы проводили наблюдения, жертва прогресса немного оклемалась, мы её засняли, положили рядом кусочек сыра и занялись своими делами. Через какое-то время обнаружили, что гостья исчезла, а сыр не тронула, видно, не до еды ей было.

После завтрака баба Юля объявила нам: — Свою я вас, ребятки, на одно заветное место. Пойдём налеге, возьмите только по пакету.

Ну, пакет не рюкзак, отчего не прогуляться. Закинули мы всё в палатки, застегнули накрепко замки-молнии и двинулись. Налеге-то налеге, но встретились и прижимы средней паршивости, и по курмам, каменным рекам, попрыгать пришлось. Встретили остатки весенних лавин и на вершинки со снежниками полюбовались. Топать пришлось до притока Казыра — Сургаса. Вообще-то он ручей, но разлился так, что соваться в него смертельно опасно. Кстати, за ночь и Казыр поднялся, так что мой пляжик на стоянке слегка подтопило, вовремя меня баба Юля пострашала.

От Сургаса, посидев на берегу и умывшись ледяной водой, двинулись в тайгу, на тайную поляну, где увидели то, что никогда не видели...

Удивить кого-то в Сибири колбой (черешней) сложно, её у нас божжеватые сограждане ещё из-под снега начинают выкапывать и продавать. Но чтобы выше колена высотой и толщиной с лыжную палку, да ещё сплошной стеной — такого точно не видели. Да ещё мягкая, сочная, чуть сладковатая, так что пару хворостин вполне можно смолотить без соли и хлеба.

Насобирали кому сколько надо, обрели листья, чего силос-то таскать, и в обратный путь. Напоследок хранительница этих богатств дала нам наказ:

— Место это заповедное. Знают о нём, вместе с вами, от силы человек десять, пусть так и останется, а то набегут барышники, вытопчут и выведут за несколько лет. Мы клятвенно пообещали.

Ближе к вечеру баба Юля предложила снять лагерь и перебраться ближе к переправе на Томи, чтобы завтра не опоздать на лодку. Мы взялись было спорить, мол, завтра быстренько добежим. На что она ответила:

— Это вы быстренько, а я медленно и печально.

— Что-то не заметили особой печальности.

— Уходила за эти дни. Не оставите же старушку.

Оказалось, что пока мы ходили окунаться, она уже собралась, поэтому выйти решила тотчас, наказав нам не торопиться:

— Догоните по дороге, если надумаю отдыхать, то рюкзак у дороги оставлю, так что мимо не пройдёте.

На том и порешили. Минут через сорок и мы двинулись. На тропинке разминуться негде было, потом вышли на дорогу и пошли. Идём и идём, идём и идём... и широким таким шагом — нет нашей бабы Юли и рюкзака не видно. Вот тебе и медленно-печально. Уже полпути позади. Народу стало много попадаться, многие навеселе, но, как она и говорила, — всё культурненько. Даже про выпивку какой-то нетрезвый перец спросил у нас вежливо:

— Извините, мой вопрос может показаться бестактным, но нет ли у вас водки?

Я сказал, что нет, и он спокойно пошёл дальше со своей не более трезвой спутницей. Вот уже и развилка к переправе, но даже тени нашей спутницы нет. Уже и сама переправа. Какая-то компания с гитарой у костра песни поёт. Пригляделись, и там не видно. Выбрали быстренько место, натянули палатки — дело-то к вечеру, и пошли в народ, разыскивать пропавшую.

Подходим. Компания довольно разновозрастная, на вид трезвая. Поздоровались и спрашиваем:

— Не видели пожилую туристку, вышли в дорогу по очереди, да не догнали.

— Обогнали, наверно, свернула отдохнуть, вы и обошли.

— Не должны, она обещала рюкзак у дороги оставлять, а его не спутаешь — самошитый, из разноцветных кусков.

— Сшитый из кусков? — встрепелась одна немолодая женщина, — а как звали вашу пропажу?

— Бабой Юлей представилась.

— И давно вы её знаете?

— Да в Междуреченске на платформе позавчера познакомились.

— В чём одета была?

— Штормовочка старая, короткие резиновые сапоги, шляпа туристская, когда-то розовая.

— Неужели?... — покачала головой наша собеседница.

— Что такое?

— Вам крупно повезло, — с завистью в голосе ответила она, — баба Юля — местная легенда.

— Расскажите, пожалуйста!

Люди у костра тоже оживились:

— Да, Рая, расскажи.

— Ну-ка, ну-ка!

— Интересно.

Мы присели в круг потеснившихся людей. Сказительница устроилась поудобнее и начала:

— В некотором царстве, в некотором государстве...

— Раиса Ивановна!

— Ладно, слушайте. Фамилия и отчество уже забылись, а звали её точно — Юлиа. Работала на железке, сопровождающим почтовые вагоны. Личная жизнь не удалась, с мужем развелась, но серьёзно увлеклась туризмом. Причём всяким: на скалы лазила, в пещеры спускалась, по рекам сплавила, ну и пешком, конечно. А как на пенсию вышла, так вообще из походов не вылезала, во все сезоны. Лучшее её, наверное, никто родную природу не знал. И вот однажды летом собралась она

как будто в обычный поход: надела штормовку свою старенькую, сапожки резиновые, шляпочку розовую; взяла рюкзачок свой пёстренький из кусочков самолично сшитый, такую же палаточку, собственными руками простроченную...

— Верно! — не удержался Серёга, — палатка тоже самошивка.

Народ на него зыркнул, но промолчал. Раиса Ивановна между тем продолжала:

— Собралась, значит, и в Кузнецкий Алатау направилась... — рассказчица выдержала драматическую паузу, — Больше её в тот год никто не видел. Подумали, тайга, всякое бывает, и не искали особенно, ведь никому не сказала — куда идёт.

— И что потом?

— Потом? Стала она являться, то тут, то там и помогать туристам. Помогала по-разному: заблудившихся выводила, утопившим продукты и голодающим харчи приносила, заболевших лечила, поссорившихся мирила, чайников учила. Другим просто дорогу подсказывала. А кому и не поймёшь, почему являлась: присоединится к компашке, расскажет пару историй и пропадёт опять в тайге.

— Вроде как нам, — обронил я потихоньку. Рассказчица услышала и заметила:

— Когда-нибудь поймёте. Но в походах вам теперь вести будет, это точно.

Кто-то из молодых спросил:

— Так кто же она теперь?

— По-разному считают, но скорее всего её назначили хранительницей здешних мест, покровительницей туристов.

— Кто назначил?

— Кому положено, тот и назначил, нам не положено — мы и не знаем.

Все притихли, переваривая услышан-

ное, мы тоже постояли в задумчивости, потом поблагодарили за рассказ и отправились к себе: мистика — мистикой, а ужин по расписанию.

В тишине сварили ужин, но аппетит куда-то делся, чуть поковыряли пшёнку с топлёным маслом. А вот чайк пошёл на ура, в первый раз на практике проверили, как это — пить его дюжинами чашек. Не залпом, конечно, а с чувством, с толком, с расстановкой. Говорили немножко, пустословить не хотелось, а по делу и сказать особенно нечего было, в основном пытались понять, чему же нас научила баба Юля. Вспомнили все её байки, вроде ничего особенного — не дзенские притчи.

Так чему же? Может, просто не отступать назад, пока можно идти вперёд?..

Между тем стемнело, костёр изредка постреливал искрами, еле слышно шелестела вода. Взошла луна... Огромная, яркая, полная — полнее некуда. И как раз над самой шириной реки, высветив на её черноте яркую дорожку. Сначала узкая, но по мере восхождения ночного светила она становилась шире и шире, теряя в интенсивности. Чешуйки отблесков, растекаясь по поверхности, притягивали взгляд, одновременно рассеивая его. И в какой-то момент мне показалось, что по этой дорожке шагает контур невысокой фигуры с рюкзаком на плечах. Глаза моргнули от неожиданности, взгляд прояснился и мираж исчез, оставив просто лунную дорожку на воде, которую всё-таки можно рассматривать часами.

Тишина... покой... умиротворение... чувство гармонии в мире... За одно это можно горячо поблагодарить бабу Юлю, кто бы она ни была.

Невеста Кутха

Этнографическая байка

Звонок прозвенел уже пять минут назад, а преподавателя всё не было. Учиться в последний день перед Новым годом не тянуло, хоть тресни, и студенты с нетерпением выжидали время, чтобы сорваться с пары. Самые нетерпеливые уже потянулись к раздевалке, но тут же недовольной стайкой стали заплывать обратно. Подгоняя последних, в аудиторию зашёл завкафедрой. Внешностью у него была типичная для академиков: шапочка, борода клинышком. Проществовав за кафедру, он объявил:

— Георгий Петрович приболел, так что последнюю лекцию нам придётся сосуществовать вместе.

Студенты понимающе закивали: Георгий Петрович периодически «приболевал» после праздников, а тут, видимо, сорвался заранее. Заведующий, старый друг болезного, уже не первый раз его прикрывал.

— И чем же мы займёмся, любезные?

Заниматься любезным не хотелось, и они поспешили озадачить преподавателя:

— Скажите, профессор, у какого-нибудь народа есть аналог нашей Снегурочки?

Тот усмехнулся, разгадав студенческую хитрость, но принял правила игры, так как тоже не горел желанием возиться с должниками или начинать новую тему.

— Снегурочки, говорите... Ну, навестрите уши — расскажу вам одну историю

Давно это было, я тогда только-только кандидатскую защитил. Пришлось нам в декабре спешно отправиться во внеплановую экспедицию: исследовать одно из племен, проживающее в Якутии.

Почему спешно? В племенном один раз в пятьдесят лет празднуется свадьба Кутха. Такую возможность нельзя было упустить. Начальником экспедиции назначили Илью Васильевича Вяземского, светлая ему память, его помощником — меня. Да

ещё напросилась с нами аспирантка Зинаида, серая мышка, всё никак личную жизнь не могла устроить и от этого в науку ударились. Не хотели брать, но очень настойчивая девица попала, и тема диссертации у неё подходящая была: что-то о новгородных обрядах малых народов.

Прилетели в Якутск, оттуда на «кукурузнике» вдоль Индигирки в Усть-Неру. Приземлялись на полюсе холода — Оймяконе, благо, морозы пока там не ударили.

На вертолётке добрались до большого стойбища якутских эвенков, оттуда на оленях по руслам рек и речушек дальше. Как сейчас помню: полозья нарт поскрипывают в такт движения, снег укутал всё вокруг белейшим покровом и поблескивает бриллиантовыми искрами. Без тёмных очков слепнешь. Ели и пихты принаряженные, как невесты, будто это из них Кутх-создатель будет выбирать себе жену.

Вёл нас местный следопыт, мы тогда звали его только Дерсу Узала — такой же бродяга-охотник. Собственно, он и открыл это племя. Они его от смерти спасли, подобрали в тайге: отогрели, откормили и чуть не обженели — у себя хотели оставить. Да не усидел на одном месте. От него местные власти и узнали про это племя, понятия не имеющее о том, что живут в Стране Советов. Так и до Академии слух дошёл, вот и снаряжали нас, как на ловлю блох: быстрее, ещё быстрее.

Окончательно вчетвером до стойбища этих независимых оленеводов-охотников добирались на лыжах, общую поклажу наш Дерсу вёз на нартах. Встретили нас хорошо: отогрели, напоили чаем из чаги и допустили на обряд жертвоприношения оленя. Потом в самом большом чуме угощали мясом. Все побывавшие на обряде должны отвесть хоть кусочек, такой у них обычай. Но вегетарианством никто из нас не баловался, даже Зинаида, сидя с женщинами у входа, уплетала с удовольствием. Хорошо ещё, что сырём не пришлось есть,

большую часть мяса сварили. Любители сыринки сидели отдельно: слева от очага, мы же, через толмачество Дерсу, уяснив ситуацию, дружно откочевали вправо.

Удивительный народ: язык похож на кетский, уклад — помесь эвенкийского и якутского, верования (тот же Кутх) ближе к чукотским. Вот и Новый год, на который мы так поспешали. Его встречают 21 декабря, как чукчи. У якутов-то он весенний — в конце мая с пробуждением земли, у кетов — осенью, перед началом охотничьего сезона.

Вечером пришёл местный сказитель и спел легенду о вороне Кутхе и его жене. Долго кайчи выступал: на комусе играл, поразил горловым пением, а наш толмач пересказал содержание совсем коротенько:

— Сотворив всё, шибко устал ворон Кутх и решил отдохнуть. А когда же и отдохнуть, однако, как не в старости. Стал он морозным дедом, зимой там дело-то было. Завалился в чум и захрапел. Так разоспался шибко и такого холода напустил, что солнце замёрзло и свалилось в море. Тёмно стало. Пришли люди к Кутху, разбудили: «Верни нам солнце!». Пришлось ему опять вороном стать и в воду нырять. Достал солнце и говорит: «Нужна мне жена, однако, чтобы не давала шибко крепко спать». Вот и выбирают люди каждую пятидесятиую зиму под Новый год ему невесту — снежную девку.

На следующий день с утра весь народ высыпал на лёд реки. Молодые парни прорубь продолбили, девки давай вокруг неё кругами ходить, да петь что-то протяжное. Шаман появился, в бубен пару раз ударил, а потом к нам подходит, что-то по-своему талдычит и на Зинаиду рукой маячит. Как на грех толмач наш куда-то отошёл. Ну, Вяземский по кетски немного понимал, перевёл нам:

— Девка мужняя? — спрашивает шаман.

— Нет, — отвечаем, — свободная.

— Айда к невестам.

Илья Васильевич взялся отговаривать, а Зина как услышала — невесты, так и кинулась в хоровод, совсем с ума съехала.

Ну ладно, девки опять кругом пошли, а шаман камлает: в барабан лупит, медведем ревет, вороном каркает и скачет чуть не выше своего роста. Долго так бесновался, даже у нас в головах мутиться стало. Тут всех девушек выстроили в ряд и дают в руки по куску рыбы. Нашей тоже. Потом принесли откуда-то ручного ворона и выпустили на верёвочке. Тот пару кругов сделал и прямо к Зинке на руку сел. Народ давай радоваться и нам что-то талдычит, вроде, поздравляет.

Прибегает наш Дерсу, лицо белее снега: — Что наделали? Невесту Кутха сейчас разденут, окунут в прорубь и будут поливать водой, пока совсем не замёрзнет. Шибко чокнулись вы, однако.

Кинулись мы к шаману... Куда там! Кутх сам жену выбрал, другой не примет! Побежали за ружьями, не тут-то было: сбили с ног, связали и в чум сволокли. Лежим как болванчики, а снаружи праздник великий, как же — ещё полвека жить можно спокойно. Выпустили нас утром, собрались мы, встали на лыжи и, пряча глаза, отправились восвояси. Напоследок всё-таки обернулись: стоит наша Зинаида обнажённой на взгорочке... Как у греческих богинь, белая кожа сияет ледяной коркой в первых лучах восходящего солнца совсем неземной красотой. А за ней сгрудилось всё племя этих истинных детей природы, как бы защищённое этой хрупкой грацией от всех бед и напастей.

Все студенты, особенно девушки, слушали, затаив дыхание, даже на звонок не отреагировали, пока кто-то не спросил:

— Профессор, и что же вы?

— Мы? Написали протокол, что утонула в проруби.

— Как же так?

— А что, карательный отряд надо было привести? Это же мы пришли в их мир, а наш устав в том монастыре недействителен. Да и Зине-то мы уже ничем помочь не могли. И кто знает, может, она и стала женой создателя и матерью целого племени, пусть и на время.

г. Новокузнецк.

«И стала школа для меня искомым центром мироздания...»

В конце января в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского прошли ежегодные «Дни Любови Никоновой».

«Дни Любови Никоновой» - проект, реализуемый Литературно-мемориальным музеем Ф.М. Достоевского и Новокузнецким филиалом Кемеровского отделения Союза писателей России, в этот раз был приурочен не только к 66-летию известной кузбасской поэтессы, прозаика, публициста, педагога, руководителя детско-юношескими литературными студиями, члена СП России Любови Алексеевны Никоновой (1951 - 2012), но и к двум юбилейным датам городского масштаба - приближающемуся 400-летию Новокузнецка и 70-летию Кузнецкого района.

В фокусе внимания «Дней Любови Никоновой»-2017 оказалась педагогическая деятельность писательницы, ее работа с участниками литературных студий Новокузнецка.

Как известно, Любовь Никонова успешно совмещала литературное творчество и педагогическую деятельность.

В разговорах с коллегами и молодежью она неоднократно заявляла: «Я - педагог!», а в одном из стихотворений, которое посвящено «рябинам школьно-

го двора», откровенно признавалась: *...А в школе жизнь кипит, звеня. И движет этим жажда знания. И стала школа для меня Искомым центром мироздания...*

Много лет Л.А. Никонова отработала в учебных заведениях Новокузнецка и Кемеровской области, была руководителем и организатором нескольких литературных студий: «Фесковские литераторы» (лицей №27), «Зёрнышко» (эстетическая гимназия №32), «Берег» (НФИ КемГУ), «Созвездие лиры» (гимназия №744).

Долгое время вела занятия с молодыми авторами в городском литературном объединении «Гренада».

На «Дни Любови Никоновой»-2017 года были приглашены представители администрации города и общественных организаций, образовательных и культурных учреждений, писатели юга Кузбасса, друзья музея.

В программу вошли: вечер воспоминаний «С тобою был учитель...», посвященный педагогической деятельности писательницы, и открытие мини-выставки «Призвание педагога».

С приветственным словом к участникам мероприятия обратилась О.Н. Голикова, бывшая заведующая библиотечной Кузбасской православной духовной семинарии.

Наряду с сотрудниками музея Фёдора Михайловича Достоевского и членами Союза писателей России она стояла у истоков Никоновских чтений в Новокузнецке, о чем и рассказала присутствовавшим.

Главный специалист отдела образования Кузнецкого района Д.А. Кишко отметила весомый вклад Любови Алексеевны в литературное образование и воспитание новокузнецчан, ее активную деятельность по продвижению юных талантов, изданию их произведений в школьных сборниках и методических материалах, альманахах лица № 27 «Здравствуй, мир!», газете «Грани» и других.

Эту тему еще глубже развила в рамках вечера воспоминаний «С тобою был учитель» заведующая Народным городским музеем образования имени В.К. Демидова МАОУ ДПО «Институт повышения квалификации» Г.И. Хлебкоказова.

Она остановилась на периоде напряженной работы Л.А. Никоновой над изданием ИНК «Волшебные пёрышки» (1999) - сборником творческих работ школьников и педагогов.

В своем выступлении Галина Ивановна подчеркнула:

«Мы решили, что, обращаясь к отечественному литературному наследию, будем публиковать на страницах нашего сборника произведения высочайшей пробы, чтобы воспитывать вкус, давать ясные ориентиры в искусстве. Одной из тех, кому принадлежала идея такой поддачи материала, была Любовь Алексеевна Никонова».

Почтить память писательницы пришли и бывшие преподаватели Кузбасской педагогической академии, которые в свое время учили Л.А. Никонову: кандидат филологических наук Т.Б. Афузова и кандидат педагогических наук А.С. Сазыкин.

Тамилла Борисовна поделилась информацией о том, как сохраняется память о писательнице в родном селе Владимировка, какие исследования и экскурсии, посвященные никоновскому творчеству, проводят ее земляки. Анатолий Семенович поделился творческим замыслом: хотел бы написать книгу о литературном наследии Любови Алексеевны Никоновой.

Руководитель художественного музея МБОУ «Гимназия №32» Н.П. Азурова в презентации показала связи Любови Никоновой с педагогами и учащимися Новоильинки, рассказала о работе Любови Алексеевны в литературной студии «Зёрнышко».

Выяснилось, что писательница стала инициатором создания гимназического литературно-художественного альманаха «Первое дыхание», оставила частичку своей души в изданиях литературной студии «Зёрнышко»: «Ростки надежды» (1999), «Меж новым и былым тысячелетием» (2000), «Юный мир» (2001), «Время роста» (2003). Также она способствовала публикации «зёрнышковцев» в литературных журналах: «После 12» (Кемерово), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Кузнецкая крепость» (Новокузнецк), «День и ночь» (Красноярск).

В своем выступлении Н.П. Азурова коснулась и профессиональных, дружеских взаимоотношений писательни-

цы с ее школьным учителем - Галиной Александровной Волковой, ставшей впоследствии первым директором гимназии №32.

Особую ноту уважения и признательности педагогу внесло присутствие учеников Любови Алексеевны - методиста Дома творческих союзов МК ЦК Центрального района О.В. Комаровой и библиотекаря отдела «Абонсмент» ЦГБ имени Н.В. Гоголя МБУ «МИБС» Е.Ф. Острых. В настоящее время они продолжают дело Л.А. Никоновой - проводят занятия с литературно одаренной молодежью в литстудиях Новокузнецка.

Вечер воспоминаний был наполнен музыкой слов Любови Никоновой. Ее проникновенные строки звучали в исполнении литератора Л.И. Пененина, семинариста 1-го курса Кузбасской православной духовной семинарии Андрея Губина, литстудийцев Артема Нигматзяна и Виктора Бабарыкина и других.

Специально к мероприятию музеем Ф.М. Достоевского была подготовлена слайд-презентация, включающая порядка восьмидесяти разных снимков, запечатлевших мгновения жизни известной кузбасской писательницы, а также открыта мини-выставка «Призвание педагога».

Она повествует о многолетней напряженной подвижнической работе Л.А. Никоновой по выявлению литературных талантов и воспитанию подрастающего поколения будущих мастеров художественного слова.

Все представленные архивные материалы являются собственностью Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского. В 2012 году, после смерти литератора и педагога, они частично были переданы в фонд музея ее родной сестрой Валентиной Алексеевной Смотровей.

Экспонаты выставки сгруппированы в два раздела - «Уголок писательницы» и «Работа с литстудийцами» и раскрывают малоизвестные биографические страницы. Это книги, фотографии, рукописи, личные вещи, рабочие тетради, учительские заметки о творческих находках юных литераторов, критические статьи по поводу произведений ее учеников, черновики никоновских стихотворений, навесных литературным творчеством молодого поколения и др. Многие из них демонстрируются впервые.

Среди наиболее ценных и примечательных экспонатов - портрет Александра Блока, любимого автора Л.А. Никоновой, созданный специально для нее в 1986 году кемеровским художником Германом Захаровым и бережно хранимый поэтессой вплоть до самой смерти.

Украшением вечера «С тобою был учитель...» стало выступление ученика музыкальной школы № 40 Сергея Буримова, исполнившего классические произведения на рояле, а также гитаристов Г.Л. Лузянина (литературное объединение «Творческая шкатулка», Новокузнецк) и А.В. Рогачевой (Межлуреченск), в репертуар которых были включены в том числе и песни на стихи Любови Никоновой.

**Елена Трухан.
«Кузнецкий рабочий»
12 Марта 2017 года.**

г. Новокузнецк.

«И один в поле воин, коль героем скроен»

Итоги Конкурса одного стихотворения

Как-то Эрнест Хемингуэй (культовый американский писатель, творец автобиографического произведения «Праздник, который всегда с тобой», повести-притчи «Старик и море») заключил спор, что напишет рассказ, состоящий из четырёх слов, способный растрогать любого читателя. И с лёгкостью этот спор выиграл. На чистом листе он написал: «Продаются детские ботиночки. Неношенные». И растрогал, и уложился в обозначенные рамки, сотворив весьма короткое произведение.

Великое множество таких писательских «каламбуров», романов и рассказов вместила стихия стихий — литература.

Сергей Гнездилов,
победитель I этапа конкурса
одного стихотворения
Гомеровская ночь

Когда отчалил день усталый прочь
На лодке старого Харона,
Истёртые ступени Парфенона
Зашепчутся в гомеровскую ночь.

Когда, забыв молчание времён,
Заговорит, очнувшись, ойкумена,
И звёзды — фонарями Диогена
Осветят флаги эллинских племён,

Восстанут из аидовых жилищ
Под парусом порфиловым — герои,
На кораблях, спешащих к стенам Трои,
К горячим углям новых пепелищ.

Зажжётся взгляд гермесовых юнцов,
Исполненных отчаянной надежды,
От блеска незапятнанной одежды
И тайных знаний вечных мудрецов.

Но лишь в згейскую просолённую хмарь
В рассветный час взойдёт лицо Афины,
Померкнут все герои — исполины,
Как звёздный диогеновский фонарь...

Идея конкурса одного стихотворения возникла от слова «один». Поскольку хорошего автора можно увидеть по одному стихотворению, и не нужно углубляться в массивы текста. Тема каждого этапа конкурса — как игра в слова для участника, не лишённого амбиций. Некая реальность, вмещённая в одно произведение.

Авторы не заставили себя долго ждать и тут же изъявили намерение участвовать в конкурсе. Конкурс одного стихотворения является частью проекта «Творим историю вместе» (цикл «Новые имена в истории города»). Состязание состоит из трёх этапов, два этапа завершены.

I этап стартовал 1 марта и завершился 24 мая 2016 года, он был посвящён Всемирному Дню поэзии и Году Греции в России. К участию принималось одно стихотворение на тему «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», в котором автор размышлял об эпохе героев Древней Греции, мифах, Олимпе, музах, магии мира прошлого и её отражении в современности.

2 этап проходил с 4 октября по 15 ноября 2016 года и был посвящён Году россий-

Надежда Красильникова,
победитель II этапа конкурса
одного стихотворения

С каждым шагом меняется мир,
Преломляясь в пучине мечтанья,
Воскресая на грани желанья,
Приходя, как покойник, на пир...
Чертит взглядом слепое окно
Маргарита из плоти и крови.
Оживает в отчаянье боли.
Мчится жизнь, как дурное кино...
Мастер — духа и цели творенье,
Неподвижна в ладони рука.
Полный дерзости и вдохновенья,
Обречен и наивен пока, но...
Люди остались те же,
Мчится угрюмый ветер.
Бьётся в ушах шум прибоя,
В сердце — горечь столетий.
Люди остались те же...
Квартирный вопрос их испортил.
Кот починает примус
С усмешкой на чёрной морде.

Мастер, исчезнувший ночью,
Вряд ли захочет вернуться...
Верная Маргарита,
Жаждешь ли прикоснуться
К жизни слепой и дикой,
К длинной и дальней дороге,
К горечи ожидания?
Оденешь ли ты вериги,
Пойдешь ли за ним на страдание?

ского кино. К участию принималось также одно стихотворение на тему «Из всех искусств для нас важнейшим является кино», в котором автор размышлял о российском кинематографе или брал за основу любой отечественный фильм.

Теперь поподробнее. Финал I-го этапа, названный по строчке из стихотворения Осипа Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» проходил в дружественной атмосфере. Участники прочитали свои стихи, присланные на конкурс. Для некоторых это было их первое выступление. Члены жюри высказали критические замечания по поводу представленных стихотворений. А конкурсанты получили бурю хороших эмоций. Радует то, что стихотворение «Гомеровская ночь» победителя Сергея Гнездилова было безоговорочно принято жюри и зрителями и стало торжеством литературного мастерства.

Второй этап был сложнее, насыщеннее и, не побоюсь этого слова, грандиознее. Тексты стали чётче и серьёзнее, весомее мысли, твёрже ритмика стиха. Второй этап был посвящён Году российского кино и звучал под цитатой «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». На конкурс поступило 14 работ, 11 стихов оценивалось жюри. Сопоставить работы — нелёгкая задача, так как стихотворения были разножанровые, неоднозначным было мастерство авторов.

Одним из фаворитов стало стихотворение Риммы Чудновой, названное по одноимённому фильму «Война и мир». Жюри высоко оценило патриотизм автора, ставший актуальным в наше время, хотя технически текст — отрывочный и неровный. Буквально шаг, а точнее, один балл отделил Римму Чуднову от победы.

Начинающая поэтесса, студентка транспортно-технологического техникума

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»
Участники I этапа

Ольга Пинигина
За кадром

Её возжелали, как вещь,
словно редкостный приз.
Ласкается к ней
и от счастья дуреет Парис.
Ещё бы! А он ведь годится ей в сыновья...
Но стоит признать,
мальчишка — свиньёю свинья.
А что? Разве можно таков иначе назвать?
Спартацев царицу
в свою уложил он кровать!
Парис, ты ответишь за наглость
и ту, что украл.
А если не ты...
Значит, те, кто тебя воспитал!
...Развевался морок.
Непрочно весьма волшебство.
Талант Афродиты — влюблять,
не любви торжество.
(А я говорю о проверенном времени, да.
Надёжном. Что строить умеет
и жечь города).

С троянской стены гибчайшей
и тонкой змеей
Кахейцам скользнула верёвка
с запиской одной.
Ах, что за посланье там было!
«Седлайте коня.
Я факел украла. Я жду,
Менелай, я твоя!»

Римма Чуднова

Бессонница. Гомер. Тугие паруса...
Руно, конюшни, яблоко раздора.
Горгона, лабиринт, другие чудеса —
И нет конца фантазии простору!

Летели дни, года, сквозь дымку Андромеды
Тянулся Млечный путь. Шёл вечный караван
Из символов легенд, где подвиги — победы
И Пенелопы слёз солёный океан.

А знаешь ли, Гомер, тебя мы не забыли.
Вернулся Одиссей, минуло столько дней.
Вот пластик на окне. У каждого мобиленчик.
А счастье, говоришь? Оно тебе видней.

Как пение сирен или сиртаки в праздник.
Кому-то, как тебе — героизма и страстей;
Немного одному, другому — всё и сразу.
Гомер, тебе не жаль сегодняшних людей?

Но несмотря на всё — вину ещё плескаться,
И избранным богам нектару подмешав,
Под танцы Терпсихоры
нам жизнью наслаждаться,
А с Вакхом на Олимпе попить на брудершафт.

Став Афродитой или Артемидой,
Желать взойти на оживший Парнас,
Укрывшись за Персеевой эгидой,
Вести неслышной рифмой пересказ.

Нам сланцы одолжит крылатые Меркурий
Дамаску помочь и Киевской земле,
И продолжать лететь сквозь дым весёлой бури;
Чем миссия плаха у сыгранных ролей?

Надежда Красильникова изложила свое видение романа «Мастер и Маргарита» настолько метафорично, весомо и откровенно, что жюри прониклось честным разговором автора с читателем и признало стихотворение победителем конкурса.

К слову сказать, некоторые авторы остались «за бортом», так как не прислали произведения до указанного срока, что весьма печально, потому что жюри не смогло с ними ознакомиться и оценить работы. Эти стихотворения не лишены смысла, стиля и художественности, поэтому упомяну некоторые из них.

Среди присланных работ есть стихотворения юных воспитанников литературной студии «Я-автор», работающей при библиотеке им. Н. В. Гоголя, — Артёма Нигматзяна и Виктора Бабарыкина. Артём с детства мечтает о поэтической стезе, много работает со словом, пишет рассказы, басни. В его речитативных стихах, порою лишённых рифмы, всегда очень ясно выражена мысль. Виктор обладает эрудицией и хорошим литературным вкусом, много читает, его стихи музыкальные, метафоричные, яркие. Юношам стоит пробовать свои силы, чтобы понять своё предназначение.

Подробности конкурса одного стихотворения вы можете узнать на сайте библиотеки им. Н.В. Гоголя libnvkz.ru/ и на сайте Проекта 400 знаменитых новокузнецких новокузнецк400.рф в разделе «Новости проекта».

Приглашаем всех, кто желает участвовать в Конкурсе одного стихотворения. Третий этап стартует 7 марта 2017 года!

Елена Острых,
руководитель литературного
объединения ЛиТERRA.

...Я помню детство, телек чёрно-белый,
Там Греция была не слишком далеко.
Всё потому, что так нам Иованна пела,
Конечно, про любовь, что значит «агапо»...

Вот Ариадны нить. О ней лишь памятуя —
О нашей, о Земле, что вертится пока,
Не погубить её — зелёную такую,
Как глобус шар земной в руках ученика.

Бог Гелиос простит обиды Одиссею,
А справедливый Зевс приказом мир скрепив,
Возрадуется сам божественной идее.
Ответьте, друг, Гомер — так разве ж это миф?

Космический корабль — он молнии подобный,
Пустил могучий Зевс с восточной стороны,
И те, кто в небесах, и всё земное чтобы
Вдруг поняли: они для мира рождены!

Бессонница — она из ящика Пандоры.
Тугие паруса — ничто без атмосфер.
Любуюсь странами, где вече и агору
Невольно мифами соединил Гомер.

Россией спасена Сирийская Пальмира.
В сибирских небесах опять грачинный рой
Надежды и любви, и верится в кумира —
Софию, что придёт с Афиною весной!

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино» Участники II этапа

Римма Чуднова Война и мир

Стояла пора полнолуния,
А конкурса срок убывал.
И выборам телебезумья
Настал, слава Богу, финал.

Отдавшись порыву на милость,
Я будто к амвону пришла.
О, Русь! За твою справедливость
Я голосом долг отдала.

Вдруг ливень, совсем не осенний,
Где следом за молнией — мрак,
Где голос грозы во Вселенной —
Не случай — торжественный знак!

Невольно поверишь приметам,
Как было лет двести тому:
Хвостом разделила комета
Россию на мир и войну.

Вот мир — там Наташа Ростова,
С Болконским сойдясь на балу,
Восторженным сердцем готова
На чувства ответить ему.

Но год, целый год испытаний
Графине готовит юдоль!
На путь её новых страданий
Курагин встанет Анатоль.

Из тех, кто привык развлекаться,
Нет дела ему до молвы.
Он вынужден будет спастись
От кары, бежав из Москвы.

..... Могучая сила экрана
Девчонкам поможет понять
Великую мудрость романа
В деревне, дворов в сорок пять.

Экранная жизнь приходила,
Так трогая наши сердца.
Да было ли всё это? Было!
И так не хотелось конца...

Какие там важные лица,
Какое богатство души!
Гордись же, России столица —
Прекраснее нет, не ищи.

Как блекнет ничтожный Курагин
Средь ярких, отважных умов.
Готовы на долг и присягу —
Безухов, Болконский, Ростов!

Пока веселы и беспечны
Салоны, балы. «Мон ами»
Пестреет французскою речью,
И всё-таки, всё ещё мир.

А вот и война, на экране
Мы видим горящим число.
Пылают и двери, и ставни,
Роняя, как слёзы, стекло.

Восстанет народ, невзирая,
Кто граф, кто бедняк, за страну.
И встретит Платон Каратаев
Безухова Пьера в плену.

И мудрость простого солдата,
Лишенного благ бытия,
Представит философ брата,
Постигнувшим смысл жития:

Что нет лучше худшего мира
В сиянии солнца, луны,
Чем пусть и геройской задиры,
Но с болью и смертью войны.

А вот лазарет, там Болконский
Прощает Наташе вину,
Открывшей, как солнцу оконце,
Повинное сердце ему.

Мы видим, усталый фельдмаршал
Въезжает на белом коне.
Победа закончилась маршем;
Вдруг после «Ура!» в тишине

Он, глядя на пленных французов,
Проливших невинную кровь,
Любимец, солдатский Кутузов
Зачем-то жалеет врагов.

Сверкая единственным глазом:
«И то, — скажет, — Им поделом!»
Немедля добавит он сразу:
«Так мордой же их, да в дерьмо!»

В Москве избирают героя
По имени Багратион.
Войну завершает с позором
Исчезнувший Наполеон.

Мой круг персонажей не полный —
Опять убывает луна.

И в мире, конечно же, помнят
Сраженьё у Бородина.

Толстого матёрая глыба,
Велик и Сергей Бондарчук.
Им вместе большое спасибо
Сказать ещё с детства хочу.

Разбудит и мысли, и чувства —
Заморскому так не дано,
Важнейшее наше искусство —
Российское наше кино!

Роман Нагайцев Изгнанница

Мне дом — мой древесный лес,
Дерева — мои друзья.
Красоты земных чудес
Другим познавать нельзя.

Я вновь по своей игре
Чаровница бытия.
Бегу от всего — извне,
Так злобна судьба моя...

Вдали от других людей,
С природою говоря.
Казаться для них своей
И вовсе не для меня...

Не зная всех сил любви,
Разлуки вкусив печаль.
Все карты давно легли,
Не быть с тобой вместе, жаль...
Твой ветер любовь тушил,
Разлука её зажгла...
А может, в ней нет души,
Коль наша заря взошла...

Клянусь тебе верной быть,
Пусть будет отныне так:
Прошу тебя дальше плыть,
Возлюбленный мой дурак...

Леонид Максимов Гляжу я на экран

Гляжу я на экран,
О, чудо!
Картинки оживают.
Кино смотрю —
И тут, и там
Люди, события мелькают.

Кино смотрю,
Волебный мир
Иллюзий, сказок и фантазий.
Смотрю кино и после
Вижу мир другим,
Ведь после некоторых фильмов
Мир кажется прекрасней!

Люблю кино, смотрю кино
И даже книги про кино читаю.
Спасибо, синема, за всё!
Спасибо людям...

Люди знают,
Как нелегко делать кино,
Чтоб мы
Его легко смотреть могли.

Надежда Калашникова Актёру

Камеры прицел туманен:
Толь улыбка,
Толи дуло.
Каскадёров шум привычный
Отодвинулся на миг...

В этом кадре нет дублёров:
Ты один — как на ладони.
На тебя взглянуло Время,
Чуть прищура левый глаз
И безмолвно вопрошая:
«Что ты мне, актёр, оставишь?
Алым пламенем отваги
Моё платье расцветишь?
Или, может, рыжим чубом
Посмешишь решил ты Время?
А, быть может, дымкой грусти —
Синевой меня пленишь?
Если по сердцу зелёный —
О любви споёшь весенней.
Я б взглянула на лиловый —
Будь он хоть колпак шута
Или гения шапчонка
С вышитой «М» неровной...
Лишь бы Мастером ты звался
Предо мной и пред людьми...
Лишь бы ты не выбрал серый —
В прахе с пылью я давно уж
Перемазана отменно:
Много ль чести — пылью стать!
Эта участь всех не минет.
Я прошу — добавь мне цвета...»
Ты моргнул — и всё пропало.
Может, задремал чутка?
Камера качнулась влево.
Ты пред нею беззащитен.
Ты пред нею — всемогущий:
Нынче — дьявол, завтра — Бог.

Нина Струц Разговор о режиссёре Посвящено режиссеру Александру Роу

Действующие лица:
Баба Яга, Старичок-Боровичок, Настя,
Аленушка, Иван, Вася.

Старичок Боровичок:
Эй! Здорово, лесная соседка!
Как с тобою мы видимся редко.
Как здоровье твоё, как дела?
Баба Яга:
Видишь, тропка к избе заросла!
Не с кем вымолвить мне и словечка,
И давненько не топтана печка.
Боровичок:
Что случилось, Яга, не пойму?
Ты известна была в старину...
Баба Яга:
Нынче дети ко мне не заходят,
В интернете компанию вводят,
Нет помощника! Нет и врага...
Боровичок:
Что ж, пора быть скромнее, Яга.
Не ворчи на людей хоть сейчас,
Не забудь — общий друг есть у нас!
Баба Яга:
Ах, у нас общий друг?
И который?

Боровичок:

Александр Артурович Роу.

Баба Яга:

Вижу, гриб, что ты вовсе рехнулся!

Как язык только твой повернулся?!

Режиссёру всё шутки, проказы,

Я должна была съесть его сразу.

Все боялись Ягу, как огня,

Но ... смешною он сделал меня!

Стерегла я в загробный мир двери...

Боровичок:

Только кто в это нынче поверит?

Баба Яга:

А к тому ж, режиссер — иностранец.

Боровичок:

Это верно, отец был ирландец.

Баба Яга:

Прикоснулся к чужой он культуре...

Боровичок:

Все же русским он был по натуре!

Режиссёру мы все благодарны.

(Насте и Алёнушке)

Вы, красавицы, и недавно,

Вас с героями Роу венчал,

Счастье девушкам обещал.

Настя:

Нам не надо такого участия

По-иному нам видится счастье!

Алёнушка:

Нынче в жизни другие задачи,

Женихов мы хотим побогаче!

Вася:

Нынче молодцы стали умнее,

Не пойдем на борьбу со злодеем!

Иван:

Вы на силу мою не рассчитывайте,

Только в сказках остались защитники.

Нас на подвиги не «разведёшь»!

Баба Яга:

Вот какая пошла молодёжь!

Нет у совести, нету и чувства.

Боровичок:

Прикоснуться им надо к искусству!

Баба Яга:

Всем открыты богатства культуры —

Театра, музыки, литературы.

Боровичок:

Есть ещё одно жизни окно.

Всех искусств нам важнее — кино!

Если в фильмах добро побеждает,

Значит, в жизни так тоже бывает.

В фильмах живёт настоящее диво!

Каждая сказка честна и правдива.

Время потратите вы не напрасно —

Над кинолентами мода не властна.

Фильмы — добра настоящая школа.

Дети! Знакомьтесь со сказками Роу!

Валентина Василевич

Неоконченное лето

Мелькают образы, как тени,
Здесь страсть и слезы, и любовь.
И в каждой роли виден гений,
Он будоражит твою кровь.

Переживаешь судьбы эти,
Бросает в жар, душа болит.
И плачешь, как грудные дети,
Мир шире бытовых орбит.

Вот, разыгралась бурно драма,
Как вдруг, внезапно для тебя
В экран врывается реклама,
Нахальностью своей губя.

Она навязчивой идеей
Выпячивается не раз,
Что, словно сбоем на дисплее,
Забвенным делает показ.

И хоть герои киноленты
Опять спуют. Но не на бис.
Тут не помогут аргументы,
Ведь на рекламе ты завис.

Актёры получают гранты,
Из них свет-камера-мотор
Рождают яркие таланты —
Не видит зритель их фурур.

Витя Бабарыкин

«Солярис» — название той планеты,
Имя океану — «Океан».
Не будет там кометы
И экспедиций из разных стран.

На этой планете иллюзий дурман.
Он мучит исследовательские души.
Наносит много душевных ран,
Хотя могло бы быть и лучше...

Каждому он послал двойника, того,
По кому тот горько убивался.
Почему-то не осчастливил никого,
Но хотя бы попытался!

Артем Нигматзян

Все думают, что на экране
(Кино на экране идёт).
Очень легко снимают,
Думает об этом народ.

«Но кино снять не такая простая штука!», —
Говорят режиссёры.
Это большая наука,
И там не говорят: «Свет, камеры, моторы!».

Если вам неинтересен фильм,
То хоть пожалейте тех, кто его снимал.
Актёры, сценаристы, операторы и режиссёры,
Вот что я вам рассказал!

Смысл стиха и его предназначенье:
Смотрите хорошие фильмы и это
Имеет значение!

Дмитрий Семёнов

Вся жизнь — кино

Бегут года, как кадры киноленты,
Цветное детство в чёрно-белый быт.
А мы — то зрители, то главные актёры,
Стремимся засветить свой лик.

Гоняет нас начальство — режиссёры.
Спасёт продюсер — мама
И статист — сосед.
Друзья порой,
такие каскадёры.
Но сериал про нас ещё идёт.

Сдадут в архив его?
Наверное, когда-то.
И скажет зритель новый, за стеклом:
«Нет не сыграл он самой важной роли.
Но сын его надежды подаёт»...

Участники вне конкурса

Надежда Малофеева Великий немой

Все знают, что вначале было слово,
Но славлю я «великого немого».
Я чествую великого немого,
Когда ему не властно было слово.
Есть грим и свет и светотени,
И что же это был за гений?
Чтоб только в жесте, но без звука
Нас жгла немислимая мука
Героя в лапах лихоеда —
Не лживы слёзы лицедей.
Да и у нас они не лживы —
Вы были жертвами поживы?
Жестокость, счастье иль безумство
Являло нам немое чувство.
Усилил страсть игрой тапёра,
Нас успокоите не скоро.
Как много сил тебе дано
Немое звучное кино!

Пнинкина Ольга

Наше кино

Вот улица... Живая, шумная! Обычная.
Обыкновенная, привычная.
Всё это — жизнь, какой была давно.
Так начиналось наше кино.
А вот летучий и звонкий фильм другой эпохи,
Где в центре сюжета не самолеты,

Но люди.

И слёзы, и смех,
И победа — одна на всех,
И судьбы механиков, лётчиц, пилотов,
И музыка!
Музыка жизни смертям вопреки,
Пусть и не назло.
«В бой идут одни «старики» —
О войне и победе любимое наше кино.

Но скажут мне, если... допустим,
«Всё так, да сейчас — не оно!»
Отвечу, на днях телевизор включаю, а там
— кино.

Из новых. Наука и школьники. Жажда помочь,
От страшной болезни, которая губит, спасти.
Чухотка смертельна?

В той форме, в том веке. Но на пути
Встают «Тайна тёмной комнаты»,
медицина, друзья у болезни.
Так честно. Так искренне. Так...

Наплевав на «континуум» и «а если»!
Смотрю. Там рвутся творить очень доброе чудо.
Не напоказ. Не для галочки.

Не за пирожных блюдо.
Пожалуй, не зря там в другую эпоху окно?
Как это знакомо. Как близко. Какое кино!

А потому я скажу, забегаю вперед,
Скажу, что верю в это без всяких «но».
Мы обязательно будем из года в год
Смотреть хорошее наше кино.

Иван Краснов

Басенки о российском кино

Всё началось с борьбы
И ей же и закончилось.
Пусть фильмы и немые,
Но общество всклокочено.
Искусственно кино
И иностранные корни.
А Разина чело
В толпе рождало споры.
(1910 (тыща девятьсот десятый) год.)
И жанры мелодрамы, детектива
Такие открывали перспективы!
Но Революция, Гражданская война
Внезапно в планы правочки внесла.
Вот Эйзенштейн снимает «Броненосец...»,
«Октябрь». Такой у нас народец!
Пусть в мире фильмы эти не имели вес —
У нас же вызывали интерес.
Его сменила жёсткая цензура:
Директоры картин в прокуратурах,
А фильмы лично Сталин отбирал.
«Железный занавес» кино оберегал.
Любовь Орлова же и Гриша Александров
В комедии, любви — полсотни дифирамбов!
Любил их зритель. Залы — «под завязку»!
Война опять разрушила присказку.
Когда дивизии стояли под Москвой
И с Красной площади бойцы спешили в бой...
Пришли шестидесятые.
Тарковский и Муратова,
«Солярис», «Два бойца» и «Вёсны на Заречной»
Народ прожил вполне себе беспечно.
И только в девяностых вышла провокация —
Союз Советский начал распадаться.
И захирело кинопоколение.
Россия проходила становление.
И лишь в двухтысячных пошло восстановление
Кино. Борьба. Самоопределение.
В далёком августе подписан был декрет:
«Для нас важнее, чем кино, искусства нет!»
Но дату незаслуженно забыли.
И лишь в восьмидесятом факты «всплыли».
Откуда век ведёт российское кино?
И было ли отмечено оно
Форматным фильмом «в цвете»
Прославленной победы?
Когда «Чапай» болотами,
С такими анекдотами.
И вглядываясь вдаль —
На кинофестиваль?

Но «жизни» не добавили
Рисунки на холсте.
И в 1910-м (тыща девятьсот десятком)
Сотрудник МХТ,
Отмеченный в архивах, как Б. Мухин,
Наперекор всем козням или слухам

Построил декорации,
Объёмы внёс в пространство.

В Америке спокойствия оплот.
Там каждый год
По «Оскару» вручали.
Порой и наши «Оскар» получали.
«Разгром фашистов под Москвой»,
Год 1942-й (тыща девятьсот сорок второй).
В году сорок четвёртом — «Радуга» Донского.
«Война и мир» романами Толстого
Вошла в год номер 6 и 8.
Об этом Бондарчук уже не спросит.
В восьмидесятом, можете проверить,
На «Оскара» пошёл «Москва слезам не верит».
В копилочку Никиты Михалкова
Попал «трофей» 94 (девять-четыре) года.

Отмечено советское кино
Бориса Дурова боевиком.
Двадцатый век. «Пираты...» ещё те!
Показано искусство карате.

Случилось, словно в страшном сне:
Толчки, аэродром в огне!
В кино и небо так ворвался наш
Фильм-катастрофа «Экипаж».

Рассказ венчает драма «Вечный зов»:
Савельевым пришлось начать с азов
Уж прожитый двадцатый век —
Гнев и любовь, а поле — человек.

Из этих стен не выпускают простофиль —
Готовит кадры прославленный «Мосфильм»!
Америка кичится вновь бюджетами,
Россия — нераскрытыми сюжетами.
Потраченные средства и фантазию
Ты оценил. В очередном экстазе
Не позабудь про Вильяма Шекспира.
Ты сам же создаёшь ориентиры!
И в этой жизни раздаёшь ты роли,
Заняв по праву место режиссёра.

Я много информации постиг,
На перекрёстке личных парадигм,
Припомнил тех,
чей вклад в искусство признан.
Простите этот энциклопедизм!

Светлана ОШУРКОВА

Родилась в 1958 году в Кузбассе (в посёлке Тайлеп Кузедеевского района). Большую часть жизни проработала в Новокузнецком ГИДУВе ветврачом вивария.

При перестройке жизнь изменилась, стала работать социальным работником. Задумалась о смысле жизни и пришла к Православной вере.

В 2000 году стала посещать литературную студию «Гренада» в Доме Творческих союзов и посещала её до 2006 года. В 2014 году возобновила посещение литературных студий и объединений.

Храните мир в своей душе

Бог - Любовь

«Что такое любовь?» – ты спросила.
Сразу же вниз я глаза опустила.
Там я искала ответ. Почему на земле?
Мать потому что, земля моя мне.
Любовь – это всё, чем живится земля!
Любовь – это осень, лето, весна.
Любовь – то, что нам зеленеет зимой.
Любовь – это жизнь, это радость, покой.
Любовь – это бодрость души, а не сон.
Любовь – милость Бога к нам, это Сам Он.

Недоумение

Года изогнули, как иву,
И жизнь замедляет свой ход.
Пустующий взгляд по иконе
Христа Иисуса снуёт.
Ворчит перед смертью старуха:
«Прошла жизнь в нужде и трудах.
О Боге ни слуху, ни духу...
И вот, нате вам, Божий страх!»

Прозрачная броня

Сокрыты все тайны земные
За толстым воздушным шатром.
Плывут облака расписные,
Пылают под солнцем костром.
И ветер резвится, кудесник,
Идут облака, как и шли,
Они высоко в поднебесьях,
Но жизнь их во власти земли.
Мерцают ночные светила,
«Медведица» тускло рябит.
Луна небеса осветила,
В них воздух морозный парит,
Мерцает в искрящейся пенке
Над нами прозрачной броней,
И звёздочек острые стрелки
Не властны над нашей судьбой.

Лихие девяностые

Ответы, ищешь вновь ответы,
Как суету убрать с тропы.
И илешь стране своей советы
Для воссоздания страны.
Для осмысления, сначала,
На чём страна сейчас стоит,
О чём в церквях, как у причала
Встречаясь, молится, скорбит.
Скорбит, что души разобцились
И стало горе выше благ.
Родня, друзья разъединились,
А у границ всё тот же враг.
Не видит смерть страна родная,
«Элита» жиром заплывла,
Наследство предков проеда,я,
Не той дороною пошла.
От нищеты, непониманья
Народ, предчувствуя беду,
Впал в суету и бессознание.
Куда страна с тобой иду?

Разница

Нам говорят: «А жизнь – то бесконечна».
Да. Но какая? Вот ведь в чём вопрос.
Душа живёт. Она нетленна, вечно
И может вечность всю идти вразнос.

Не отсидишься

В мирском быту, с земной поклажей
Я, как израненная выпь,
Бреду по тонкому болоту.
И как тут сердцу не зануть?

Идут года, лепя столетье.
Разумный, что к чему смекнёт,
Подумает, что лихолетье
Он без проблем переживёт.

Но масса многих неразумных
Его расчёт собой прогнёт
И груз проблем в потоках шумных
Ему на голову налёт.

На разум сильно не надейся.
Что разум частный? Он не Бог.
В молитве к Богу сердцем взвейся,
Познай душой Его урок.

Голубиная почта

Какая-то связь из духовного мира
На землю сегодня пришла.
Не вызывает сомнения –
То Божия помощь сошла.
В лихие года перестройки
Был город наш без голубей.
Душа ощущала, как в бездну
Срывалась с Россией всей.
«Всё самое лучшее в людях», –
Об этом нам жизнь говорит.
А вовсе не в тряпках и в блюдах,
О чём зарубежье твердит.
Живи по своим устоям,
В них всё собери «от корней»,
Останься врагом – не изгоем,
Глянь, в городе тьма голубей.

Суета

Как шар перекаточный катаюсь в пустыне,
Никак не могу отыскать жизни путь.
Мысли мои, как скорлупки пустые,
Нет в них ответа: «Жизни в чём суть?»
По будням рассыпались мысли и скисли.
Рычу от бессилья медведицей Грizzly.
Вот у берёзы серёжки отвисли,
Так и висят. А прокисшие мысли
Голодные будни, как мыши изгрызли.

Храните мир в своей душе.
Вредны пустые разговоры.
Как совести лечить укоры,
Благая Весть дана уже.

Очищение

Свеча возгорает. Трёхцветный огонь:
Синий, оранжевый, белый.
Капли стекают ко мне на ладонь,
Плачет свечной воск несмело.
Но души усопших не умирают,
За нами они с высоты наблюдают.
Если в гармонии с жаркой мольбой
Живут наши души, – в них мир и покой.
Негармоничное уйдёт,
А слёзы все земля возьмёт.

Как со свечи вниз воск стекает,
Так пусть несчастья убегают.
Гори, сияй огонь свечи,
Молитву я прочту в ночи.
Сгорает нечисть. Ангел рядом.
Мысль жизнь с ним не представит адом.

Господи, прости

Господи, прости! Не гневайся...
Жизнь земная – пенный дурман.
То она, как сокол радостный,
То, как укрывающий туман.
Невозможно в жизни просто выстоять,
Невозможно всю её понять.
А возможно только сердцем выстрадать
И такой как есть её принять.
Над Россией голубь белый кружится.
Зеленеют и цветут сады.
Но ненадолго всё. Вновь снега завьюжатся,
Заметая парки и пруды.

Мама жива

В окна под ржавой железною сеткой
Стучится ранетка поломанной веткой.
Никто не откроет ни дверь, ни окно.
В стареньком доме людей нет давно.
Как вспомню тот дом, прикрывая глаза,
Так в сердце как грома раскаты, гроза.
Печаль не уходит из сердца, томит.
Душа, разрываясь, слезами шумит.
Берёза взошла посреди огорода.
Калина прижалась к воротам у входа.
Осина, как встарь, осушает ручей
И видится, может быть, мамочка ей.
Она посадила её небольшой,
А крона трепещет уж пышной листвою.
Ей мошек когда-то с капусты сгоняла.
И нынче стоит, а капусты не стало.
На сердце тоска.

Пустота, пустота.

И снится мне жизнь часто прошлая та.
Старею, и боль
с каждым годом растёт.
Земная жизнь знаю – миг,
каждый умрёт.
Мне в жизни пустой память сердце саднит,
Скворцом в свой скворечник –
в дом к маме летит.
Там нет никого. Мама не возвратится.
Ты к Богу, в Ком мама жива,
дух мой, взвейся, как птица.

Пока есть мать

Не знаю я шальных переживаний
И не стремлюсь я их переживать.
Но знаю я, как после злой болезни,
Меня к груди притягивает мать.

Как треплет мои волосы рукою,
Ладонью своей водит по плечам.
Как, ощутив себя ребёнком, вою,
Волю, уткнувшись в грудь, даю слезам.

Я знаю это длится лишь мгновенье
И вновь борьба, борьба за жизнь свою.
Вот так все боли с самого рожденья,
Пока есть мать, я маме отдаю.

Точка опоры

Любовь, подаренная в детстве
От папы с мамой, от людей,
Во взрослой жизни не исчезнет,
Подарится Вселенной всей.
Её лучистость разольётся
Вся без остатка, до конца.
И взглядом тёплым к нам вернётся,
Согрев застывшие сердца.
И побегут ручьи живые
Слёз благодарных, лёд круша.
И мысли, самые простые,
Покажут, жизнь как хороша.
Любовь, подаренная в детстве, –
Подарок Божий, Благодать,
Рука Его, чтоб опереться
И в бедах злобных устоять.

Облегчение

Тень прошлого, как наездница
Неустанно бежит по следам.
А душа моя не кудесница,
Ей грехов всех не сбросить хлам.
От неё сигнал поступает –
Возрастает на сердце боль.
И нервозность не угасает –
Грех в душе, как больная мозоль.
Вывать душу их липкой тревожности,
Проступившей на каждом грехе,
Могут исповедь и покаяние,
Позволяя ей жить налегке.

Смысл религии

К Распятью душой припадаю,
Прошу всё простить, спрямить путь.
Грешно жить с больною душою,
Ведь с ней не постичь жизни суть.
Больная душа лишь страдает,
В ней нет интереса, любви.
Любовь зло с души убирает,
Душой в жизни благодать лови.
Религии смысл – чтоб летала
Душа, в благодать воспаря.
И стрелы любви посылала
В сердца, вручив Богу себя.

Обет

За одного лишь Господа ручаюсь.
Он никогда меня не подведёт.
Душой с покоем кротким обвенчаюсь.
Мой крест со мной Господь всегда несёт.
А за Россию я молиться стану:
«Отступничество от Тебя прости».
Не возродить ни рынку, ни Госплану
Страну, Крест не хотящую нести.

Очень жаль

А знаешь ли ты как бывает,
Когда душа умирает?
Я тоже когда-то не знала
И медленно так умирала.
Можно сказать, что совсем не жила.
Когда оглянулась, тогда поняла,
Что жизнь моя не святая,
Погаснет в ней радость любя.

Татьяна Гарбузова

Татьяна Григорьевна Гарбузова (Мульева) родилась 06.02.1960 года в городе Прокопьевске, в семье шахтёра. Окончив Кемеровский государственный институт культуры по специальности «Библиотекарь общественно-политической литературы», вернулась в Прокопьевск. 14 лет работала заведующей библиотекой шахты «Зенковская».

В конце 1990-х годов переучилась и трудилась машинистом вентиляционных установок шахты. В 2015 году вновь вернулась в библиотечную систему. Литературным творчеством начала заниматься со школьных лет, учась в институте являлась редактором факультетской стенгазеты, с этого времени уже не скрывала от своих подруг результатов своего литературного творчества. Бережное и ответственное отношение к слову – было её поэтическим кредо.

В своих стихах Татьяна Григорьевна пыталась донести до своего читателя красоту окружающего нас мира, пыталась защитить душу своего читателя от пошлости и растрепанности. Считала, что поэтическое зазеркалье,

как и сама жизнь, не чёрно-белое «кино», но вбирающее в себя массу оттенков выливающих порою в сожаления, раскаяния, раздумья.

Татьяна Григорьевна принимала активное участие в жизни прокопьевского литературного сообщества, много лет являлась членом прокопьевских поэтических клубов «Вдохновение» и «Маяк», публиковалась в областном литературном журнале «Огни Кузбасса», в клубных коллективных сборниках «Вдохновение» и «Кузбасский Родник», в «ЛХГА «Усытская россыпь», в коллективном литературном сборнике-книге прокопьевских литераторов «Когда приходит вдохновение...» - увидевшей свет в 2013 году.

Прокопьевская городская общественность и литературное сообщество, очень сожалют о преждевременном и трагическом уходе из жизни Татьяны Григорьевны Гарбузовой – скорбят и выражают свою скорбь родным и близким Татьяны Григорьевны!

Всем нам - всегда, её не будет хватать: очень, очень!

Романтика

Вот и вечер накинута на плечи
Наших песен цветную вуаль.
Жар костра вдохновляет и лечит
И манит за цыганами в даль.

Отступают заботы и боли,
Таёт хмарь небосвода души.
Воля, воля, свободная воля —
Запах дыма, костёр, шалаши!

Омут глаз твоих — дар откровения,
Хвойный дым с языками костра,
Окунёт память в эти мгновения,
И заснуть не смогу до утра.

Первый спуск в шахту

...Здесь знают цену солнечному свету,
Поднявшись после смены на-гора.
Лентяй быстро призовут к ответу
И не заметят сплетен болтуна.
Усмешкой встретят хвастуна-зазнайку,
(Шахтёрский труд не терпит суеты).
Взаимовыручка и трудовая спайка
Нам помогают с шахтой быть на «ты».
Особый склад характера быть должен,
Чтобы работать в шахте, под землёй...
«Побежал по ходу? Ходить-то сможешь?» —
Смеется друг бывалый надо мной.

Новогоднее

Опять перевернули мы страницу.
Уже зачитан прошлый год до дыр.
В ночь новогоднюю отважной птицей
Летит свободно обновлённый мир.

Земля огромной, радостной планетой
Упрямо растворяет силы зла:
Дождём, пушистым снегом, тёплым ветром...
Ведь — жизнь, одна - на всех, для нас дана.

В хрустящей обновлённости снегов
Рожденье мира видим на рассвете.
Надежду ищем в стайке огоньков
Из детской сказки. Верим, будто дети,

Что чудо будет. Северный олень
Примчит к нам Дед Мороза. Растревожит,
Растормошит, развьюжит каждый день —
Узорами мечты, неосторожной.

Под звон курантов в полуночный час
В руках согреет хрупкую планету.
Никто не согреет мир за нас.
Мы здесь живём. Мы за неё в ответе.

Память

Уходят в вечность ветераны,
Достойно, выполнив свой долг:
Когда-то, не считая раны,
Ходили в бой. И был с них толк.

Шли в бой безудные мальчишки —
К победе, чтоб жила страна.
Но их возросла слишком быстро,
Та - боль, слепящая, до дна.

С лихвой хватило. Позже — мины,
Что душу в клочья стали рвать.
Сны-мины, сильные мужчины —
Всё продолжали воевать.

В тех снах горели, рвались танки
И - друг ли, брат - ещё живой,
И то, о чём — они, подранки,
Не скажут — унесут с собой.

Им дарим розы и тюльпаны.
Сквозь призму лет их подвиг свят.
Уходят в вечность ветераны,
Продлив последний свой парад.

Дети войны

(Нашим родителям)
Холодным зимним днём, полубосой,
Мальчишка у станка заснул случайно:
Чуть не лишился рук, но, всё ж, живой,
А есть ему хотелось так отчаянно.
Причина? - Окаянная война,
В двенадцать лет от взрослых уважение.
Кормилец для семьи, но, вот — спина,
Болит с тех пор от перенапряжения.

Провинциалы

Белой шубой укрыт,
Снежной шапкою чистою —
Величавый утёс, у истоков Томи.
На бурлящий речной перелив,
Смотрит пристально —
Полнолунием искоса залитый мир.
Свет лукавой звезды —
Ты подмигивать должен.

Не ему - обманушему вечность,
а мне.

Я сегодня опять —
полнолунием встревожен
И мечусь, в душевной комнате —
в гибельном сне.

Я опять забираюсь поглубже в сомнения,
Силы, черная в зыбкой ночной синеве.
На постели, где свет, перемешан с тенями,
Я тоскую, мечтаю о жадной Москве.
По московским проспектам
скольжу в изумлении:

Как же ты велика, как бесстыдно хитра.
Птичий утренний хор переливчатым пением
Из морока выводит - чистейшим: «Пора!»
Поглотят нас московские бурные улицы.
На проспектах - психованных, пробки затрут.
На досадные слёзы - рекламы зажмурятся,
И проглотит метро, заколдованный спрут.
Мы стремимся в неё, независимо-гордую
И теряем иллюзии в трудные дни.
Мы ломаем себя, суматошно-упорные,
Лишь во сне возвращаясь к истокам Томи.

Ты позвони мне на закате —
Когда рождается звезда.
И, ни к какой особой дате,
А — «Я люблю тебя всегда!»
Ты разбуди меня с рассветом,

Под птичий гомон сообщи:
«Я прибегу к тебе с букетом!»
Я засмеюсь в ответ: «Тащи!»

И чай с лимоном на балконе,
Когда ещё прозрачна тишь,
И лязг вагонов на перроне...
Мой милый, что же ты молчишь?

Ревность

Запрети дождю стучать в моё окно.
Нет предела замыслам ревниваца.
Искажая жизни полотно,
Снова тебе двар пустынный снится.

Во дворе, конечно, я и он —
Тот, что и стройнее, и моложе.
Для тебя реален этот сон,
Компромисс со мною невозможен.

Не ревнуй, нелепая затея.
Ты мне мил такой, какой уж есть.
Горько лишь, что с возрастом - всё злее,
Ты клеймишь мою любовь и честь!

Изнанка жизни

Убогий мир, убогие мечты.
Лишь сквернословие и выпивка —
По кругу. И дети, как унылые цветы,
Нас - отражая, брань твердят друг другу.

Зима опять снимает «урожай» —
Из алкашей, бредущих по дорогам.
Кому-то, их - когда-то, было жаль!
О них судили и рядили строго.

Страшны они в последнем покаянии —
Отбросы общества, затерянные души.
Лишь вечность, их накрыв шадающей дланью,
Вздохнёт устало:

«Жертвы равнодушия!»

Оттенки осени

Природа засыпает в томной лени.
Земля укрылась мягкой листвою.
Лишь ветер-бедолага бродит тенью,
Качая непокрытой головой.

В ветвях деревьев сумерки редуют.
С шикарнейшей желтизны не сводим взгляд,
Но заморозки - по ночам, всё злее —
Сгоняют птичьи стаи на «парад».

Шорох листьев наводит на грустные мысли,
Терпкий запах грибов, замороженных снов.
Запах осени, точно щемящая исповедь —
Птичьих стай, покидающих
выстывший кров.

В птичьем гомоне снова слышны обещания:
«Мы вернёмся, дождитесь,

уместна ли грусть?»

Пусть останется в осени,
пушкинской, тайна —
Лёгкой дымкой костров и поэзии. Пусть!

Год

Плачущая — трогательно, осень —
С грустной улыбкой на устах.
Прячущая - в тучах, неба просишь,
До чего ж, обманчиво, проста.

Каждым нервом в хлябь твою врастаю
И стекаю струйками дождя.
Мысли растревоженною стаей,
Эфемерные мечты плодят.

Осень, раствори мои потери,
Так жесток очередной урок.
Я себе - потерянной, не верю —
Загадаю все желанья впрок.

Листьев шелестящие объятия —
Сохранят недавнее тепло.
Но — зима, в суровом белом платье,
По углам нашепчет: «Всё ушло!»

Всё лишь блажь, реален - зимний холод
И звенящий, ледяной покой.
Всем, кто юн и, кто уже немолод,
Вздоражит кровь метельный рой.

Но Земли живительная сила —
Елью праздничной, прибудет в срок.
Солнце спеленает ветер стылый
В новогодний праздничный поток.

Изморозью утренней по краю —
Хмурит дед Мороз седую бровь.
Но улыбки Солнца убеждают:
Не грусти, весна вернёт любовь.

Вновь безудержным своим сиянием
Гулко растревожит жизни ток:
Зажурчат, зашепчутся признания
И никто не будет одинок.

Летний зной, в растущем нетерпении,
Жизнь продлит, естественно — взахлёб!
И, в звенящем счастьем - птичьем пении,
Мы почувствуем души полёт!

Любовь

Любовь летела по проспекту,
Заглядывая в каждый дом.
Не удивлялись ей лишь те, кто
Мир совмещает свой с добром.

И кто-то хмыкал изумлённо,
А кто-то видел без прикрас,
Как за собою, покорённых,
Вёл симпатичный ловелас.

Любовь летела по планете
Разнообразным цветом глаз.
И - как цветы, рождались дети,
Не повторяя в чём-то нас.

Любовь чертила по планете —
Пунктирным росчерком пера...
И подчинялись все на свете —
Желанью мира и добра.

Литературный калейдоскоп

Слово редактора

Вот и пролетел целый год после выпуска предыдущего номера Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь», выпуск № 13, который увидел свет 30 апреля 2016 года.

Можно сказать, что номер был «рядовой» (то есть не посвящался никакому конкретному событию и никакой конкретной праздничной дате в стране и в области) и все публикации этого номера то же, можно же сказать - были рядовыми, кто и что прислал в редакцию, то и опубликовали.

Всего в номере были опубликованы произведения двадцати четырёх авторов, одна половина которых прозаические произведения, вторая поэтические.

Проза, в свою очередь, была представлена в трёх жанрах: художественная, фантастика и публицистика.

Открывался номер и раздел художественной прозы трёхполосной публикацией небольших рассказов (историй) на военную тему московского военного писателя генерала Кожемяко Ивана Ивановича: «Портрет Сталина», «Брат», «Пся крив!», «Полицай».

Рассказы содержательные, написаны хорошим литературным языком, читаются легко и с интересом. Можно сказать же, что автор данными рассказами продолжал военную тему, открытую им в предыдущих двух выпусках Альманаха.

Далее, последовали прозаические литературно-художественные произведения ещё четырёх наших постоянных авторов:

Новокузнецчанки Людмилы Танковой, двумя её очень интересными рассказами с элементами фантастики — «Семяночка» и «Дура я дура»;

Новокузнецчанина же, Сергея Загнухина — «Родное приволье» и «Покорительница Сибири», в которых автор рассказал о своём единении с природой, «Ностальгии по детству»; и о том, как его мать приехала в Сибирь на новое и постоянное своё место жительства.

Повествование интересное, читается легко, чувствуется рост мастерства автора от публикации к публикации.

Так же - не менее интересна, чем у предыдущих авторов, публикация рассказов таштагольского прозаика Александра Васюнова.

Александр, как вначале показалось, вопреки своим прежним повествованиям о природе, охоте, рыбалке и милиции; в этот раз в публикации под названием «Жизнь, как она есть», рассказал о судьбе бывшего военного лётчика, инвалида Великой Отечественной войны.

После, которого, вновь вернулся к нескончаемой и любимой своей теме о родной милиции и рыбалке.

В общем, его рассказы получились интересными и хорошими. Так же, чувствуется, что от публикации к публикации писательское мастерство Александра Васюнова растёт.

В прошлом номере были опубликованы и мои три художественных рассказа: «Цель вижу, разрешите пуск?», «Полный расчёт, до копеечки» и «Красиво жить не запретишь!».

Несмотря на то, что рассказы эти, по содержанию своему различны. Тем не менее, после их публикации увиделось

и то, что по сути своей, эти рассказы в чём-то перекликаются друг с другом, поскольку есть в каждом из них трагизм.

Далее продолжила Альманах полуполосная публикация воспоминаний Александры Леонидовны Мешковой о начале её трудовой деятельности в школе в июне 1941 года (записанная Верой Третьяковой в 2010 — 2011 годах).

Публикация посвящена 150-ти летнему юбилею Бугринской школы Новосибирской области. Публикация интересна и познавательна.

Далее - в номере дебют начинающей прокопьевской писательницы, в прошлом горного инженера, Людмилы Любобенковой своим рассказом «Страх современной женщины».

Который, мне показался интересным и который же, я охарактеризовал бы как ярко выраженная женская проза.

Раздел фантастики, как всегда, представлял и открывал в прошлом номере наш постоянный автор - новокузнецчанин Дмитрий Семёнов, своим рассказом «По щучьему велению».

Рассказ, как всегда же — интересный и интригующий читателя, что говорит о высоком уже мастерстве этого автора.

Фантастикой же были и рассказы и ещё одного постоянного нашего автора — новокузнецчанки же - Елены Острых: «Притча о ловце жемчуга» и «Продавец из Чёрного города».

Рассказы по содержанию интересные, опускается после их прочтения и какая-то недоговоренность автора, что заставляет читателя продолжать развивать свою мысль и далее.

Дебютировала в номере, своими фантастическими рассказами: «В зоопарке», «Шахматы», «Он» - молодая новокузнецчанка Надежда Калашникова. И хотя автор, как было сказано: и молода, и дебютант. Тем не менее, в её рассказах чувствуется, что она, как литератор, уже не новичок.

Раздел публицистики представили в номере две (точнее — три) публикации: Открыла публицистику Людмила Танкова, своими воспоминаниями о трагедии тринадцатилетней давности, произошедшей на кузбасской шахте «Тайжина» - 10 апреля 2004 года.

Называлась публикация «Память жива, пока мы помним!»

Так же, раздел публицистики пополнили и мои разработки «о, истории в истории», представленные двумя редакционными публикациями (без подписи) с названиями «Размышления на тему «О запрещённой Руси» и о «Исторической правде в истории».

Поэзия в номере представлена публикацией стихов четырнадцати авторов. Если и поэзию разделить на отдельные жанры, то получатся четыре жанра: лирические стихи, исторические, духовные и детские.

Открыла раздел поэзии Альманаха двухполосная подборка стихов нашего постоянного автора, молодого и перспективного новокузнецкого поэта Дамира Ибрагимова.

В стихах Дамира чувствуются уже и мастерство поэта, и глубокий смысл его стихов, и их философичность, и их историчность:

«По жёлтой китайской равнине,

Где солнце меж пагод встаёт,
Как путник к далёкой святыне
Усталое войско идёт.
...И скажет нам всем император:
«Доволен я, дети мои.
Вы, запад — исчадьё заката —
Омыли во вражьей крови.
Но, север, что плавит морозы
В мерцание белых ночей,
Страшнее готовит угрозы
Империи дивной моей...»

1185 год

«Сурово на Дикое поле
Бойцы удалые глядят:
За Доном по княжеской воле,
Их резвые кони пылят.
В степи то и дело засады,
Сверкает булатная сталь
И идилов каменных взгляды
Бесстрастно уносятся вдаль...».

Продолжила раздел поэзии Альманаха двухполосная подборка стихов известного прокопьевского поэта, члена Союза кузбасских писателей Ивана Ивановича Горбаченко:

«Взметнулась ввысь шахтёрская звезда,
Как монумент величия и славы.
Сюда она пришла, через года
И своё место заняла по праву...»

Шахтёрская звезда

«Когда в забой придёт непосвящённый,
Подумает, что окупился в ад.
Но мне знаком тот мир потусторонний
И лица тех, что в том аду горят...»

Шахтёрские аллеи

«Ну, зачем, зачем всё это мне?
Кто мне скажет, так, или, не так ли?
Для чего на медленном огне
Прожигал я жизнь свою по капле!..»

Зачем

«Семидесятый год с начала жизни
Подкрался незаметно, словно тень.
И я уже не юноша капризный
И на счету, пожалуй, каждый день...»

Мой юбилей

«Мы сами выбираем жребий свой», под таким заголовком была представлена подборка стихов известной читателям Альманаха беловчанки Зои Николаевны Гулишевской, ранее не единожды публиковавшей в газете прозаические свои произведения:
«Пишу стихи во время стирки,
Когда варю семье обед,
Когда несусь в ведре опилки,
Чтоб отразить палящий свет
Светила. Для посевов грядок...»

Между делом

«Постигаю я жизнь каждой клеточкой,
Испытать хочу всё, что отпущено.
Мне на долю печаль с горькой весточкой,
Следом — радость, любовь с новой болью...»

«Прошальный шорох листьев» - с таким названием была опубликована полуполосная подборка стихов поэта и

барда Николая Нагорного, трагически ушедшего из жизни 25 октября 2015 года:

«Твоих коснувшись губ, губами -
Застыл, в мгновенье поцелуя!
Амур смущённый пел над нами
С блаженством в сердце: «Алилуя!».

«Твои глаза, как два алмаза —
Прекрасней, чище не найти!
Готов к любым твоим приказам
На нашем жизненном пути!»

«Немало прожито в летах —
Любил, влюблялся...
Но так, как ныне, не летал —
Не наслаждался!
Тобою, милая, горжусь
И восхищаюсь!
За счастье всем святым молюсь
И окрыляюсь!»

Далее, продолжила поэтическую часть Альманаха однополосная подборка стихов Дины Сабыниной (Нагорновой). Стихи Дины колоритны и мелодичны; её стихи, наравне со стихами Дамира Ибрагимова, на мой взгляд, являются лучшими стихами в этом номере Альманаха:

Памяти мужа Николая Нагорнова

А знаешь, в этом что-то есть —
Презреть земные неудачи
И у костра с гитарой сесть.
Пусть в небе осень горько плачет...
По струнам пальцами летать,
Купив билет на поезд в вечность.
И нежных звуков безупречность
В заката всполохи вплетать.
И в переливах тёплых строк
Черпать весеннюю надежду.
Ты в этот миг не одинок,
На грани: дня и ночи между.
Так и останешься в веках
В объёмах музыки и рифмы
Сквозь шторм и каменные рифы
Искать свой рай на островах.

Далее стихотворную часть Альманаха представили, на этот раз - стихи новокузнецчанки Людмилы Андреевны Лукьянцевой, постоянного автора Альманаха (как прозаического, так и стихотворного жанров). Стихи Людмилы Андреевны лиричны, ритмичны и патристичны:

Мой старенький дом

Тёплый дождик бьёт по стёклам -
С них, смывая пыль дорог.
Сад весенний — молча, мокнет,
До листочка весь продрог.
Я, уставший домик - старенький,
Сердцем нежно обниму.
Сяду рядом на завалинку.
Боль его — себе, приму.
С ним — порою, очень хочется -
Мчаться птицей с вышины.
Чтоб расстаться с одиночеством,
Убежать от тишины.
Вспомнить вместе годы детства,
Ночью о любви мечтать,
Чтобы смог дом обогреться,
Светлой радугой сиять.

Дебютировал, в номере, подборкой своих стихов, таштагольский автор - Сергей Афанасьевич Пряхин. Стихи его можно классифицировать как духовно-лирические. И не смотря на то, что литературно-творческой деятельностью автор начал серьёзно заниматься сравнительно недавно, стихотворный слог поэта можно назвать уже хорошим и глубокомысленным:

Власть любви

*От разума, предавшего любовь,
На всей земле бесчинстве плодится.
А как душе - сквозь беды, ложь и кровь,
Не к дьяволу, но к Богу приобщиться?*

*От разума, отвергшего мораль -
Родилось неразумное создание.
Открыть загадку эту - не пора ли,
Пришло откуда стадо обезьяны?*

*А разум - потерявший свою волю,
Распял Христа и веру, прави славной;
Он есть Господний раб и злую долю -
Несёт и спит, дорогою обманной.*

*Пусть разум - изнуряющий себя,
Не потрясёт фундамент мирозданья;
Всё ж гонка потреблений - татьба,
Сожжёт с земли живое одеянье.*

*Па разум излучающий любовь,
Сойдёт пора благословенной власти;
В огне борьбы сердец кипела кровь,
На нём сгорят иезуитов страсти!
И вспыхнет свет Божественной любви!*

«С улыбкой о серьёзном» так озаглавил почти двухполосную подборку своих стихотворений новокузнецанин Геннадий Бурлаков. И действительно его стихи это сатирические литературно-поэтические пародии и шаржи на стихи различных известных ему авторов:

Собратьям по перу

*Не высок и не художав,
Да к тому же безус совсем я
(Хорошо ещё — не прыщав
Был родитель, чьего я семени).*

*Но, однако, по ранней весне,
Лишь пригреет солнышко, снова
Просыпается зуд во мне
Пародиста А. Иванова.*

*Лчно лыка рву из строки,
Чтоб плести из них лапти пародий.
И смешными вдруг станут стихи
Те, что были серьёзны вроде.*

*Я обидеть друзей не хочу,
Только всё же, на всякий случай,
Копья юмора я мечу,
Чтоб стихи ваши стали лучше.*

О единственном стихотворении Николая Миронова «Битва за Берлин», жителя посёлка Малиновка Новокузнецкого района, опубликованном в 13-м номере Альманаха, скажу лишь то, что слог стихотворения, рифма и смысловая его составляющие — хорошие. Чувствуется, что автор уже не новичок:

Битва за Берлин

*Приближалась война к завершению,
Истощались ресурсы страны,
Шли победные блики сражений,
Отрезвляя фанатиков тьмы.*

*Всех дыханье весны возбуждало,
В туже сердца был слышен парад,
Но, как прежде, война забирала,
Молодых, неокрепших ребят...*

Дебютировали в 13-м номере Альманаха двухколоночными подборками стихов новокузнецанки Раиса Гальцова и Лариса Митюшкина. Стихи, которых, я охарактеризовал как духовные. На мой взгляд, стихотворный слог в их стихах и рифма — хорошие. Смысл стихов тоже вполне понятен...

Рифма и слог стихов Ларисы Черемисиной несколько ниже, чем у её предшественниц. Смысловое же значение и этих стихов, тоже вполне понятно с первого же прочтения:

Встреча с Господом

*Царит всеобщее веселье.
Настала Пасха — день чудес.
Ликует Божие творенье:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»
В сей праздник общего Спасенья
Варвара видит явь иль сон...
Ей было ночью то видение —
Пред нею появился Он!..*

Раиса Гальцова

Молитесь

*Я призываю люди вас молиться,
Душою чистой к Господу стремиться.
Пред образом стоять не для обряда,
Так Божью Милость призывать не надо.
В иконе нужно видеть Бога лик,
Чтоб от неё Он к нам в сердце проник.
Звучали б в них слова: «Как Я живи
И заповеди соблюдай Мои.
Псалмы, Евангелие изучай,
Умом и сердцем Бога воспевай».*

Лариса Митюшкина.

*В небе звёзды зажигая
В небе звёзды зажигая,
Тихо к нам спустилась ночь.
Неизбежная разлука,
Я твоя, наверно, дочь?
Не уйти и не остаться.
Не найти и не расстаться.
Не терять и не беречь.
Нет прощаний, нет и встреч.
Вот такая вот любовь
Получается у нас!
По осколкам наших снов
Жизнь проходит мимо нас...*

Светлана Черемисина.

Раздел стихов для детей представляла в номере полнополосной подборкой стихов Эльвиры Шелестовская, стихи которой на первый взгляд кажутся простенькими и малюсенькими. В тоже время стихи Эльвиры, на мой же взгляд близки к истине, то есть, к тому, как видится детям, то, о чём пишет автор:

Домашний «арест»

*Сегодня, дома, целый день —
Не нахожу я места!
Не удалось мне избежать
Домашнего «ареста».
Меня хотите вы спросить:
За что такие меры? -
«Домашку» сделать я «забыл»:
Задачку и примеры...*

Тесто

*Почему у мамы тесто —
Пышное, пахучее?
У меня же, получилось —
Липко — приставучее...*

В прошедшем — 2016 году, в нашем - южно-кузбасском литературном регионе литературная жизнь проходила в рамках наработанного за последние

годы. Особых - «плановых» мероприятий, а соответственно и таких же публикаций не было, поэтому жизнь шла по установившимся в последнее время традициям.

В Прокопьевске регулярно проходили литературные встречи в клубах «Озарение» и «Маяк», регулярно же — три раза за год (к Новому году, к майским праздникам и Дню Шахтёров) проходили литературные встречи в Клубе любителей поэзии «Кузбасский Родник» - в школе № 1, у Людмилы Павловны Лукьяновой.

На этих встречах были представлены и очередные клубные коллективные литературно-поэтические сборники — Выпуски №№ 19, 20 и 21, соответственно.

«Дорога в храм», под таким названием увидел свет в конце 2016 года 21-й сборник произведений членов Клуба любителей поэзии «Кузбасский родник» (и не только членов Клуба), в который вошли произведения 75-ти авторов, объём сборника получился в 320 страниц.

Перед названным - 21-м сборником..., была выпущена вторая часть Хрестоматии по региональному компоненту с названием «Книга, которую ждали».

Стихи, рассказы, басни, загадки, сказки, песни кузбасских авторов. — Для учителей, учащихся, родителей, библиотечарей, воспитателей дошкольных учреждений.

Объёмом эта Книга немногим меньше предыдущей - 316 страниц.

Но, авторских публикаций и кратких биографических информации о авторах, больше — 104 автора.

Краткую-начальную информацию о названных книгах я назвал, а разговор на более глубоком уровне нужно вести отдельной строкой, в отдельной публикации. Сейчас же можно добавить лишь то, что на момент когда пишутся эти строки Людмила Павловна Лукьянова выпустила уже и очередной свой сборник, под номером — 22 (презентация которого будет — в воскресенье: 23 апреля 2017 года «На том же месте и в то же время», - как сообщила Людмила Павловна Лукьянова); Любовь Геннадьевна Руденко, руководитель и вдохновитель клуба «Вдохновение», тоже выпустила очередной клубный сборник, с названием - «Вдохновение» № 6 (презентация которого состоится в пятницу 28 апреля в Центральной городской библиотеке города Прокопьевска).

Если учесть, что и «ЛХГА «Усытская россыпь» имеет прокопьевскую «прописку», а так же - на стадии вёрстки находится вторая моя книга (рассказов) «Как рождалась корабельная авиация России», то без каких-либо на то сомнений можно сказать, что сегодня в Литературном Прокопьевске - золотой литературный век, такого размаха, такого всплеска до этого, никогда ещё в городе не было.

В начале марта 2016 года в Прокопьевском районе был создан Клуб «КРАЕВЕД».

9 марта 2016 года состоялось первое организационное заседание Клуба «Красвед», на котором был избран Совет Клуба и его руководитель.

Председателем Совета клуба «Красвед» - единогласно, была избрана Семёнова Надежда Николаевна, в недалёком прошлом руководитель библиотечной системы Прокопьевского района.

Членами Совета были избраны: Бугров А.Н., Абраменко С.В., Гуляев А.Н. и другие (фамилии остальных членов Совета Клуба я не запомнил по причине

малого ещё личного знакомства с остальными членами Совета Клуба).

Летом 2016 года состоялось второе - выездное заседание Совета Клуба, в посёлке «Индустрия» Прокопьевского района. На этом заседании и встрече, присутствовавшие были ознакомлены с традициями и обычаями мордовской диаспоры, компактно проживающей в посёлке с начала 1930-х годов...

19 октября 2016 года состоялось третье заседание Совета Клуба в посёлке Терентьевский.

13 ноября 2016 года — четвёртое, в Большом зале Администрации Прокопьевского района.

15 марта 2017 года — пятое заседание Совета, на базе сельской библиотеки посёлка Михайловка, которая является Центром Чувашской культуры на земле прокопьевского района.

В Михайловке перед присутствовавшими выступила сельская самодеятельная группа, обряженная в национальные чувашские наряды и костюмы. Самодеятельные артисты исполнили, перед присутствовавшими, несколько народных чувашских песен на чувашском языке, продемонстрировали несколько же чувашских обычаев и традиций.

А заведующая сельской библиотекой - Нина Николаевна Усова, выступила перед с докладом, о истории переселения чувашей в село Михайловка, начиная с 1907-го года.

31 апреля 2016 года увидел свет очередной выпуск № 13 «Литературно-художественной газеты Альманах «Усытская россыпь».

12 мая 2016 года была проведена первая презентация нового номера Альманаха в городской библиотеке города Новокузнецка — в литературном объединении «ЛиТЕРРА», руководителем которого является Елена Острых.

22 мая 2016 года в Центральной городской библиотеке Прокопьевска, состоялась презентация второй части называвшейся выше книги Хрестоматия по региональному компоненту - «Книга, которую ждали».

Выпуск, книги был приурочен и посвящён 85-ти летию со дня объявления Прокопьевска городом.

29 мая 2016 года в Центральной библиотеке города Прокопьевска состоялось заседание литературного клуба «Вдохновение».

На встрече присутствовали: Руденко Л.Г. (руководитель клуба), Лукьянова Л.П., Гарбузова Т.Г., Шелестовская Э.З., Клапатун Л.Г., Гуляев А.Н. и другие.

На встрече Руденко Л.Г. сообщила присутствовавшим, что в следующем году «ВДОХНОВЕНИЮ» исполнится 25-ть лет, поэтому есть предложение выпустить очередной клубный сборник...

17 октября 2016 года трагически погибла прокопьевская поэтесса Татьяна Гарбузова (Мульва).

10 февраля 2017 года - на Тыргане, в библиотеке и литературном клубе «МАЯК» состоялась встреча прокопьевских литераторов посвящённая памяти Татьяны Гарбузовой.

10 февраля 2017 года в Прокопьевске - в ДК «Ясная Поляна», проходил вечер встречи литераторов и любителей поэзии. На встрече были представлены и обсуждались два сборника стихов Дины Сабыниной...

В феврале же 2017 года - в Новокузнецке, на базе городской библиотеки имени Н.В.Гоголя были проведены поэтические фестивали.